

Анархия – мать
творчества

БЕРНСА ВЕРБЕР

революция
муравьев

Муравьи

Бернар Вербер

Революция муравьев

«ЭКСМО»

1998

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

Вербер Б.

Революция муравьев / Б. Вербер — «Эксмо», 1998 — (Муравьи)

ISBN 978-5-04-118092-8

Жюли Пинсон, девятнадцатилетняя лицеистка, которая уже третий год не может сдать выпускной экзамен, находит в лесу в пещере третий том «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» Эдмонда Уэллса. Из него она узнает о том, как сложен и необычен мир муравьев, как многому можно у них научиться. Тем временем особь номер 103 из Бел-о-Кана, муравьиного города, пытается понять людей. Что же произойдет, когда две цивилизации наконец услышат друг друга?

УДК 821.133.1-3

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-118092-8

© Вербер Б., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Первая партия: Черви	5
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Бернар Вербер

Революция муравьев

Посвящается Джонатану

$$1 + 1$$

$$= 3$$

(по крайней мере, надеюсь всем сердцем)

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания
Эдмонд Уэллс

Первая партия: Черви

1. Конец

Рука раскрыла книгу.

Глаза бегут слева направо, доходят до конца строки, опускаются ниже.

И округляются.

Мало-помалу из воспринятых разумом слов складывается картина – огромная-преогромная.

В глубине черепной коробки вспыхивает широкий встроенный панорамный экран. Действие начинается.

Картина первая...

2. Прогулка по лесу

...Бескрайняя вселенная, темно-синяя, холодная.

На конце рукава одной из ее галактик сверкает древнее солнце.

Картина смещается чуть вперед.

По орбите вокруг солнца вращается маленькая теплая планета, опушенная перламутровыми облаками.

Под облаками – сиреневые океаны, омывающие желтые материки.

На материках – горные кряжи, равнины и стелющиеся волнами бирюзовые леса.

Под лесным пологом – тысячи видов животных. И среди них два необычайно развитых вида.

Шаги...

Кто-то брел по весеннему лесу.

Юная дочь человеческая. С длинными гладкими черными волосами. В черной куртке поверх длинной черной же юбки. В светло-серых глазах девушки отражались замысловатые, почти выпуклые узоры.

Тем ранним мартовским утром она ступала бодрым шагом. Грудь ее от усилий неровно вздымалась.

На лбу и под верхней губой у нее искрились капельки пота. Когда влага стекала с ее губы и попадала в рот, она тут же слизывала ее.

Сероглазую девушку звали Жюли. Она шла по лесу вместе со своим отцом, Гастоном, а рядом трусил их пес Ахилл – и вдруг она остановилась. Прямо перед нею выросла похожая на громадный палец песчаниковая скала, нависавшая над глубоким оврагом.

Девушка двинулась к выступу скалы.

В ложбине, прямо под ним, она как будто разглядела тропинку, лежавшую в стороне от проторенных троп.

Девушка сложила ладони рупором:

– Ау, папа! Кажется, я нашла новую дорогу. Давай за мной!

3. Далее...

Он бежит вперед. Вниз по склону. Петляет, огибая торчащие тут и там тополиные почки, похожие на громадные огненно-красные веретена.

Шуршание. Бабочки расправляют пестрые крылья и, размахивая ими в воздухе, гоняются друг за дружкой.

Вдруг его взгляд привлекает дивный листок. До того восхитительный, что, глядя на него, можно забыть обо всем на свете. Он останавливается, подползает ближе.

Какой чудный листок! Довольно обгрызть его квадратиком, немного растереть, посю-нявить – он начнет сбраживаться и скатается в беленький шарик, кишачий сладко-душистыми грибницами. Острыми краями верхних челюстей старый рыжий муравей срезает под корень стебель листка и расправляет его над собой, точно широченный парус.

Вот только неведомы букашке законы плавания под парусом. Едва листок расправляется, как его миглом подхватывает ветер. Но старый рыжий муравей легок, точно пушинка, – ему не удержать махину, как бы ни напрягал он свои усохшие мышцы. Он теряет равновесие, опрокидывается. И всеми своими когтистыми лапками цепляется за ветку – но ветер слишком крепок. Он подхватывает и уносит муравья прочь.

Муравей только успевает ослабить хватку, чтобы не взмыть слишком высоко.

А листок, медленно кружа в воздухе, опускается все ниже.

Старый муравей следит за его кружением и думает, что все не так уж страшно. Ведь кругом полно листьев поменьше.

Между тем листок все кружит и кружит. Проходит время, прежде чем он мягко ложится на землю.

Улитка примечает чудесный тополиный листок. Вот тебе и добрый полдник!

Ящерица видит улитку и уже готовится проглотить ее – и вдруг тоже замечает листок. Торопиться не стоит, пусть улитка слопает его и станет поупитаннее. Ящерица издали поглядывает на трапезу улитки.

Ласка видит ящерицу и уже готовится сожрать ее, но тут замечает, что та, кажется, ждет, когда улитка доест листок, – и тоже решает подождать. Так под сенью тополиных крон три существа, олицетворяющих звенья экологической цепочки, следят друг за дружкой.

Вдруг улитка видит, как к ней ползет другая улитка. Неужели хочет украсть ее сокровище? Недолго думая, первая улитка жадно набрасывается на аппетитный листок и пожирает его, не оставляя ни единой прожилки.

Не успевает она насытиться, как на нее набрасывается ящерица и заглатывает ее на манер макаронины. Настает черед ласки – она тоже срывается с места, нацелившись на ящерицу. Ласка несется вприпрыжку, перемахивает через корни – и тут натывается на что-то мягкое...

4. Новая дорога

Сероглазая девушка не заметила внезапно возникшую перед нею ласку. Выскочив из зарослей, зверек кинулся ей прямо под ноги.

Девушка подскочила от удара, и одна ее нога соскользнула с песчаного откоса. Девушка потеряла равновесие – и увидела разверзшуюся перед нею пропасть. Только бы не упасть! Главное – удержаться!

Девушка замахала руками, словно цепляясь за воздух. Но тщетно. Время как будто остановилось.

Упадет? Удержится?

Сперва ей показалось, что она справится, но легкий ветерок внезапно превратил ее длинные черные волосы в трепещущий парус.

Все обернулось против нее. Ветер подтолкнул ее. Нога соскользнула ниже. Земля ушла из-под нее. Светло-серые глаза округлились. Зрачки расширились. Ресницы захлопали.

Подхваченная ветром, девушка рухнула в овраг. Пока она падала, волосы обвили ей лицо, будто защищая его.

Она пыталась ухватиться за редкие растения, лепившиеся к склону оврага, но те выскальзывали из пальцев, оставляя в них только цветы и последние надежды. Она скатывалась по гравии.

Склон был довольно крутой – остановить падение было невозможно. Обжегшись о густую крапиву, оцарапавшись о колючие кусты ежевики, она скатилась в заросли папоротника и подумала, что дальше падать некуда. Но, увы, широкие листья папоротника скрывали еще один овраг, покруче. Она оцарапала руки о здоровенный камень. Опять заросли папоротника, такие же коварные. Она прокатилась сквозь них еще ниже. В общей сложности она пробила семь стен растений, оцарапавшись о кусты дикой малины и взметнув в воздух тучи звездочек одуванчикового пуха.

Она так и катилась, скользя, все дальше вниз.

Она ударилась ногой о здоровенный острый камень – пятку пронзила острая боль. Падение закончилось для нее в грязной, желтовато-коричневой луже, принявшей ее, точно спасительная вязкая гавань.

Она села, потом поднялась и, срывая пучки травы, принялась утираться. Она была желто-коричневая с головы до ног. Одежда, лицо, волосы – все было в липкой грязи. Горькая на вкус грязь забила даже в рот.

Сероглазая девушка растирала разбитую пятку. Не успела она прийти в себя, как вдруг почувствовала, что по ее руке скользнуло что-то холодное и липкое. Она вздрогнула. Змея. И не одна! Она угодила прямоком в змеиное гнездо, и вокруг всюду копошились змеи.

Она закричала от ужаса.

Змеи хоть и глухи, зато языком они ощущают малейшие колебания воздуха. Крик громынул для них, точно взрыв. Испугавшись в свою очередь, они стали расползаться в разные стороны. Ошалевшие змеи-самки сворачивались в дрожащие клубки, прикрывая своих змеематерей.

Девушка провела рукой по лицу, отбросила назад прядь волос, застилавшую глаза, сплюнула грязь и, собравшись с силами, стала взбираться вверх по склону. Склон был очень крутой, а пятка болела нещадно. Девушка решила взять себя в руки и окликнуть отца.

– На помощь! Папа, помоги! Я здесь, внизу. Скорей сюда! На помощь!

Девушка еще долго кричала, надрываясь. Но все без толку. Одна-одинешенька, с разбитой ногой, она сидела на дне глубокого оврага, а отец все не откликался. Может, заплутал? Тогда кто же отыщет ее в лесной глуши, под непролазной гущей папоротников?

Сероглазая девушка сделала глубокий вдох, силясь унять бешено колотящееся сердце. Как же выбраться из этой ловушки?

Она утерла запачканный грязью лоб и осмотрелась кругом. Справа, в высокой траве, покрывавшей склон оврага, она разглядела темный проем. И с трудом направилась туда. За стеной чертополоха и цикория скрывался лаз, вырытый прямо в земле. Она задумалась: какой же зверь выкопал такую огромную нору? Для зайца она была слишком велика, для лисы или барсука тоже. Медведи в здешнем лесу не водились. Может, это волчье логово?

Тем не менее внутри было достаточно просторно, и, несмотря на низкий потолок, туда мог более или менее свободно пролезть человек среднего роста. Девушка боялась забираться в лаз, хотя надеялась, что он ее куда-нибудь да выведет. Она все же опустилась на четвереньки и полезла в этот вырытый в глине проход.

Продвигалась она ощупью. И чем глубже забиралась внутрь, тем темнее и холоднее становилось кругом. Из-под ладони у нее выскочило что-то колючее. Прямо перед нею возник еж – от страха он сжался в комок, а потом засеменил в обратную сторону. Дальше девушка пробиралась в кромешной тьме, прислушиваясь к шорохам вокруг.

Она продиралась все глубже, опустив голову и опираясь на локти и колени. В детстве она долго училась стоять и ходить. Большинство малышей начинают топать ножками в возрасте одного года, а она пошла, когда ей было уже полтора. Вертикальная стойка казалась ей ненадежной. Куда безопаснее было стоять или ползать на четвереньках. К тому же так можно было ближе разглядеть все, что происходило на полу, а если случалось упасть, то не с такой уж большой высоты. Она с радостью проползала бы вот так всю жизнь, если бы мать с няньками не заставляли ее вставать на ноги.

Подземному туннелю не было конца... Чтобы как-то себя ободрить, она принялась напевать незамысловатую песенку:

*Зеленая мышка
Бежала по травке,
Хватайте же скорей ее за хвост,
Вот так, смотрите, господа!
И скажут вам они тогда:
Макните мышку в масло,
Макните в воду ее.
Ни дать ни взять улитка вышла из нее!*

Раза три или четыре промурлыкала она эту песенку, все громче и громче. Ее учитель пения по фамилии Янкелевич говорил, что нужно кутаться в вибрации своего голоса, как в защитный кокон. Но здесь и правда было очень холодно – особенно не распоешься. Вскоре с ее холодных губ срывались уже не мелодичные звуки, а клубы пара, сопровождавшиеся сиплым дыханием.

Подобно настырной девчонке, вознамерившейся довести до конца свою глупую затею, она и не думала поворачивать обратно. Жюли упорно ползла все дальше под кожным покровом планеты.

Вскоре ей показалось, что вдалеке мелькнул слабый свет.

Она решила, что ей просто почудилось – от усталости, но вот дальний проблеск рассыпался на мириады крохотных мерцающих желтых блесков.

Сероглазой девушке на мгновение показалось, что здесь, в подземелье, сокрыты алмазные россыпи; она подползла поближе к источнику мерцающего света и увидела, что это светлячки, фосфоресцирующие букашки, облепившие какую-то штукловину правильной кубической формы.

Кубик?

Она протянула руку вперед – светлячки разом погасли и пропали. Жюли не могла полагаться на свое зрение в непроглядном мраке. Она ощупала кубик со всех сторон, призвав на помощь всю силу своего осязания. Что-то гладкое. Твердое. Холодное. Но точно не камень и не обломок скалы. Вот ручка, замок... штуковина явно сработана человеческими руками.

Квадратный чемоданчик.

Из последних сил девушка наконец выбралась из туннеля. И где-то наверху расслышала радостный собачий лай и поняла – отец все же нашел ее. Он был там, вместе с Ахиллом, и слабым, отдаленным голосом звал:

– Жюли, дочка, ты где? Ответь, пожалуйста, подай знак!

5. Знак

Он мотает головой, очерчивая в воздухе треугольник. Тополиный листок рвется. Старый рыжий муравей подхватывает под деревом другой листок и вгрызается в него, не слюнявя его и не дожидаясь, когда тот превратится в сброженную кашу. Хоть и невкусно, зато питательно. Как бы то ни было, муравей не больно жалуется тополиные листья – больше предпочитает мясо, но, поскольку с тех пор как он сбежал, у него маковой росинки во рту не было, привередничать не приходилось.

Насытившись, муравей начинает чиститься. Когтистой лапкой он хватается за свой длинный, прямой усик и нагибает его вперед, к губам. Потом обжимает его челюстями, впихивает себе в ротовой канал и обсасывает – как бы отмывает.

Намочив оба усика пенистой слюной, он лошит их щеточками, расположенными на передних лапках.

Следом за тем старый рыжий муравей начинает сгибаться и выгибаться до предела всеми своими сочленениями, соединяющими брюшко, грудь и шею. Потом когтистыми лапками он прочищает многочисленные фасетки своих глаз. У муравьев нет век, чтобы защищать и увлажнять глаза; к тому же, если бы муравьи не чистили без устали глазные хрусталики, через какое-то время у них перед глазами все стало бы расплываться.

Чем чище фасетки, тем отчетливее муравей различает все, что находится перед ним. А это еще что такое? Большое-пребольшое, колючее и шевелится.

Осторожно, опасность: из пещеры выползает огромный еж!

Удирать, да поскорее. Еж с разверзшейся пастью громадным шаром накатывает на него.

6. Удивительная встреча

Уколы – от них саднило все тело. Инстинктивно она смочила слюной самые глубокие раны. Ковыляя, отнесла квадратный чемоданчик к себе в комнату. И на мгновение присела на кровать. На стене, у нее над головой, слева направо висели плакаты Марии Каллас, Че Гевары и вождя гуннов Аттилы.

Жюли с трудом встала и направилась в ванную. Включила душ, пустила горячую воду и начала усиленно намыливаться душистым лавандовым мылом. Потом закуталась в широкое полотенце, сунула ноги в махровые тапочки и принялась очищать свою темную одежду от налипших на нее бляшек рыжей грязи.

Надеть туфли было невозможно. Больная пятка здорово распухла. В дальнем углу стенового шкафа девушка откопала пару стареньких летних босоножек с ремешками, у которых было два преимущества: в них она могла не наступать на пятку, притом что пальцы ног оставались открытыми. Стопа у Жюли была хоть и небольшая, но широковатая. А большинство

обувщиков шили для женщин узкие, продолговатые туфли, в которых бедняжки очень страдали, набивая себе многочисленные мозоли.

Она снова растерла пятку. И кажется, впервые почувствовала, что скрывается внутри ее стопы, как будто кости, мышцы и сухожилия ждали, когда она поранится, чтобы дать ей знать о себе. Только теперь они проявили себя, отзываясь болью в нижней части ноги. Они были на месте. И подавали сигналы тревоги.

Она тихонько поздоровалась: «Здравствуй, *пяточка!*»

Веселенькое занятие – приветствовать частичку собственного тела. Впрочем, пятка интересовала ее лишь постольку, поскольку она была разбита. Хотя, по здравом размышлении, она и про зубы-то вспоминала, только когда они болели. То же самое и с аппендиксом: про него вспоминаешь лишь тогда, когда его вдруг прихватит. Внутри у нее, верно, была целая куча органов, о существовании которых она и не подозревала, пока они, проявляя тактичность, не посылали ей сигналы боли.

Ее взгляд снова упал на чемоданчик. Она не могла отвести глаз от этой штуковины, извлеченной из недр земли. Она взяла его и встряхнула. Чемоданчик был тяжелый. Замок предохраняла запорная система из пяти колесиков с кодом на каждом.

Чемоданчик был из толстого металла. И вскрыть его можно было разве что отбойным молотком. Жюли осмотрела замок. На каждом колесике вырезаны цифры и какие-то символы. Она покрутила их наудачу. У нее, наверное, был один шанс из миллиона, чтобы угадать правильную комбинацию.

Она еще раз встряхнула чемоданчик. Внутри что-то лежало – один-единственный предмет. Таинственное содержимое чемоданчика пробудило в ней любопытство, и оно все возрастало.

В комнату к ней зашел отец вместе с собакой. Рыжий усатый здоровяк. В гольфах он больше походил на шотландца, эдакого смотрителя охотничьих угодий.

– Ну как, получше? – спросил он.

Она покачала головой.

– Ты оказалась на дне балки, куда можно попасть, разве что продравшись сквозь сплошную стену из крапивы и колючих кустарников, – объяснил он. – За нею спрятано что-то вроде прогалины – сама природа, видать, решила уберечь это место от всяких праздношатающихся зевак. Его даже нет на карте. Хорошо, что Ахилл учуял тебя! Что бы мы делали без собаки?

Он ласково потрепал ирландского сеттера, а тот в ответ обмусолил нижние края его штанов, оставив на них серебристую пену, и радостно залаял.

– Вот так штуковина! – продолжал отец. – Странное дело: комбинированный замок. Наверно, это сейф, и взломщики не смогли его вскрыть.

Жюли трянула темной копной волос.

– Нет, – сказала она.

Отец прикинул вес чемоданчика на руке.

– Будь там монеты или слитки, он был бы тяжелее, а ежели бы внутри лежали пачки банкнот, они бы шуршали. Может, это пакет с наркотиками и его бросили наркоторговцы. Или, может... бомба.

Жюли пожала плечами.

– А вдруг там человеческая голова?

– Тогда ее сперва должны были высушить индейцы хибаро, – возразил отец. – Твой чемоданчик не такой уж большой, и обычная человеческая голова в него не влезет.

Он глянул на часы, вспомнил про какую-то важную встречу и спешно ретировался. Пес безо всякой видимой причины потрусил следом за ним, радостно помахивая хвостом и шумно, прерывисто дыша.

Жюли еще раз встряхнула чемоданчик. Определенно внутри ощущалось что-то мягкое – если это действительно была голова, после всех этих встрясок она точно расквасила ей нос. Вдруг чемоданчик вызвал у нее отвращение, и она решила оставить его в покое. Через три месяца ее ожидал экзамен на степень бакалавра, и если она не собиралась на четвертый год остаться в выпускном классе, самое время заняться самоподготовкой.

Итак, Жюли достала учебник истории и принялась его перелистывать. 1789 год. Французская революция. Взятие Бастилии. Беспорядки. Анархия. Великие люди. Марат. Дантон. Робеспьер. Сен-Жюст. Террор. Гильотина...

Кровь, кровь и снова кровь... «История – это всего лишь нескончаемая бойня», – подумала она, наклеивая пластырь на одну из многочисленных ссадин, которая начала кровоточить. Чем больше она читала, тем горше становилось у нее на душе. При мысли о гильотине она вспомнила про отрезанную голову в чемоданчике.

Через пять минут, вооружившись здоровенной отверткой, она взялась за замок. Он не поддавался. Тогда она взяла молоток ихватила им по отвертке сверху, силясь совладать с замком, но без толку. «Без гвоздодера тут не обойтись, – решила она и тут же подумала: – Черт, эдак ничего не выйдет».

Она снова взялась за учебник истории, вернувшись к Французской революции. 1789 год. Народный суд. Конвент. Гимн Руже де Лилия. Сине-бело-красный флаг. Свобода – Равенство – Братство. Гражданская война. Мирабо. Шенье. Суд над королем. И опять гильотина... Чего интересного во всей этой мясорубке? Жюли хватала слова одним глазом и тут же выпускала через другой.

Вдруг она насторожилась: кто-то царапал деревянную балку изнутри. Как будто термит скребется.

Послушаем!

Она припала ухом к замку чемоданчика, медленно повернула первое колесико. И уловила чуть слышный щелчок. Зубчатое колесико зацепилось за зубчатую рейку. Жюли проделала то же самое с четырьмя другими колесиками. В конце концов механизм поддался – замок, скрипнув, открылся. Острый слух победил грубую отвертку с молотком.

Опираясь на дверной наличник, отец удивленно спросил:

– Неужели открыла? Как?

Он глянул на замок с цифрами: « $1 + 1 = 3$ ».

– М-да, можешь ничего не говорить, и так все ясно. Ты хорошенько пораскинула мозгами. У нас имеется ряд цифр, ряд символов, ряд цифр, ряд символов и ряд цифр. Ты смекнула, что здесь скрыто уравнение. И решила, что тот, кто хотел сохранить все в секрете, вряд ли стал бы использовать логическое уравнение вроде $2 + 2 = 4$. И тогда ты попробовала комбинацию $1 + 1 = 3$. Это уравнение встречается в древних ритуалах. Оно означает, что два объединенных таланта – это больше, чем просто их сумма.

Отец вскинул рыжие брови и пригладил усы.

– Сама догадалась, да?

Жюли посмотрела на него, хитро сверкнув светло-серыми глазами. Отец не любил, когда над ним подтрунивают, но не сказал ни слова. Она улыбнулась.

– Нет.

И нажала на кнопку. Резко лязгнула пружина – крышка квадратного чемоданчика приподнялась.

Отец с дочерью склонились над ним.

Цепкими руками Жюли схватила находившийся внутри чемодана предмет и поднесла его к свету настольной лампы.

Это была книга. Толстая, твердая книга, из которой местами выпадали склеенные листки.

На обложке крупными стилизованными буквами было выведено название:

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, написанная профессором Эдмондом Уэллсом

Гастон чертыхнулся.

– Чудное название. Вещи бывают либо относительными, либо абсолютными. Они не могут быть одновременно и теми, и другими. Это противоречие.

Внизу буквами поменьше уточнялось:

том III

Еще ниже помещался рисунок: круг, а внутри треугольник острым углом кверху; внутри треугольника некое подобие буквы Y. Приглядевшись, можно было различить, что палочки, образующие букву Y, – это три муравья, держащиеся усиками друг за дружку. Муравей слева был черный, тот, что справа, – белый, а муравей вместо средней палочки – наполовину белый, наполовину черный.

В довершение под треугольником была начертана все та же формула, с помощью которой открывался квадратный чемоданчик: $1 + 1 = 3$.

– Похоже, старинная колдовская книга, – процедил сквозь зубы отец.

Жюли, удостоверившись, что обложка совсем новенькая, заметила, что книга напечатана недавно. Она провела пальцами по обложке. Та была гладкая и мягкая.

Сероглазая девушка открыла первую страницу и принялась читать...

7. Энциклопедия

ЗДРАВСТВУЙТЕ! Здравствуйте, неведомый читатель.

Здравствуйте в третий раз или в первый. По правде говоря, что бы вы ни открыли для себя в этой книге в первую очередь или в последнюю, не имеет никакого значения.

Эта книга – оружие, которое должно изменить мир.

Да-да, не улыбайтесь. Такое возможно. Такое вам под силу. Довольно, чтобы кто-нибудь хотел этого по-настоящему, и все получится. Малая причина порой влечет за собой большое следствие. Говорят, если бабочка взмахнет крылом в Гонолулу, этого будет довольно, чтобы вызвать тайфун в Калифорнии. У вас же дыхание куда сильнее, чем дуновение от взмаха крыла бабочки, не так ли?

Что до меня, я уже мертв. И, к сожалению, смогу помочь вам лишь косвенным образом – с помощью этой книги.

Все, что я вам предлагаю, так это совершить революцию. А вернее, уточним: эволюцию. Поскольку наша революция вовсе не обязательно должна быть жестокой и зрелищной, как революции былых времен.

Я рассматриваю ее скорее как революцию духовную. Как революцию муравьев. Без потрясений. Без насилия. Как череду легких прикосновений, вроде бы незначительных, но в совокупности могущих сокрушить горы.

По моему разумению, революционеры прошлого проявляли нетерпение и нетерпимость. Утописты делали свои умозаключения на краткосрочную перспективу. Поскольку во что бы то ни стало хотели видеть плоды своих трудов при жизни.

Согласимся, однако, что сеять семена надобно для того, чтобы урожай снимали другие люди в другом месте и по прошествии некоторого времени.

Давайте обсудим это вместе. И пока мы будем говорить, вы вправе либо прислушаться ко мне, либо нет. (Вам же удалось прислушаться к замку, стало быть, слушать вы умеете, не так ли?)

Впрочем, возможно, я ошибаюсь. Я не властитель дум, не гуру и не святой. Просто я убежден, что величайшее приключение человечества только начинается. Мы всего лишь первобытные люди. Невежество наше безгранично – нам еще многое предстоит придумать.

Впереди столько дел... И вы способны совершить не одно чудо.

Я не более чем волна, которая вступает во взаимодействие с вашей – читательской волной. И тут самое интересное – наша встреча-взаимодействие. Таким образом, для каждого читателя эта книга будет представлять собой нечто особенное. Она станет своего рода живым человеком, приспособляющимся всеми своими органами чувств к вашей культуре, воспоминаниям и особой читательской восприимчивости.

Как я собираюсь воздействовать на вас, будучи «книгой»? Очень просто: я буду рассказывать вам незамысловатые занимательные истории про революции, утопии, а также про поступки людей или поведение животных. А вам предстоит делать вытекающие из них выводы. И придумывать ответы, которые помогут вам продвигаться дальше. Я же, со своей стороны, не смогу предложить вам какую бы то ни было истину.

Если хотите, эта книга оживет. И надеюсь, станет вашим другом – другом, который поможет вам измениться самому и изменить мир.

А теперь, если вы готовы и если вам угодно, предлагаю совершить вместе со мной прямо сейчас нечто очень важное – перевернуть страницу.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

8. Вот-вот взорвется

Большим и указательным пальцами правой руки она тронула уголок страницы и сжала его, собираясь перевернуть листок, как вдруг из кухни послышался голос.

«К столу!» – позвала мать.

Читать дальше не было времени.

В свои девятнадцать лет Жюли выглядела худощавой. Черные, блестящие, жесткие и гладкие волосы ниспадали сплошной завесой ей до бедер. Сквозь светлую, почти прозрачную кожу на руках и висках проглядывали едва скрываемые синеватые прожилки. Глаза были хоть и бесцветные, но живые и теплые. За их миндалевидной формой таилась целая жизнь, полная горечи и тревог, отчего она походила на маленького затравленного зверька. Иногда эти глаза вглядывались в одну точку и застывали, будто готовясь испустить луч света, способный пронзить все, что не нравилось девушке.

Внешне Жюли считала себя непривлекательной. И потому никогда не смотрелась в зеркало.

Никаких духов. Никакой косметики. Никакого лака для ногтей. Да и к чему ей был лак для ногтей, если она их постоянно грызла?

То же самое и с платьем – нарочитая невзрачность. Тело свое она прятала под широкой темной одеждой.

Училась она неровно. И до выпускного класса опережала своих сверстников на целый год – учителя не могли нарадоваться: какая же толковая и смышленная девочка! Но за последние три года ее как будто подменили. В семнадцать лет она провалила экзамен на степень бакалавра. И в восемнадцать тоже. В девятнадцать она готовилась к третьей переэкзаменовке, хотя училась из рук вон плохо.

Ее неудачи в учебе совпали с одним событием: ушел из жизни ее учитель пения, тугой на ухо, деспотичный старик, отличавшийся весьма оригинальными методами обучения вокальному искусству. Звали его Янкелевич. Он верил, что у Жюли есть дар и ей необходимо его развивать. Он научил ее правильно дышать животом, легкими и диафрагмой, а также надлежащим образом держать шею и плечи. Потому как все это влияло на качество пения.

В его руках она иной раз ощущала себя волынкой, которую с неизменным упорством пытался настроить волынщик. Зато теперь она умела приводить в гармонию сердцебиение и дыхание.

Не меньше внимания Янкелевич уделял и работе над мимикой. Он научил ее менять форму лица и рта, доводя таким образом весь инструмент ее тела до полного совершенства.

Ученица и учитель удивительным образом дополняли друг друга. Даже будучи глухим, даже наблюдая только за мимикой ее рта и прикладывая руку к ее животу, убеленный сединой учитель мог оценить качество звуков, которые извлекала из себя девушка. Вибрации ее голоса он чувствовал нутром.

– Я тугоухий? Ну и что с того! Бетховен тоже был глухой, но это не мешало ему сочинять волшебную музыку, – говаривал он.

Он поведал Жюли тайну певческого искусства – сказал, что оно обладает силой, выходящей за пределы простого создания дивных слуховых образов. Он научил ее владеть своими чувствами, доводя их до самого предела, – научил забывать страхи только с помощью собственного голоса. Он приучил ее слушать пение птиц, потому что они тоже должны были участвовать в процессе ее обучения.

Когда Жюли начинала петь, из ее утробы вырывался фонтан энергии, подобный буйно расцветающему дереву, отчего порой она приходила в состояние исступленного восторга.

Учитель не мог смириться с глухотой. Он неизменно следил за последними достижениями в медицине, позволявшими ее излечивать. И вот однажды один молодой, но искусный хирург сумел вживить ему под черепную коробку электронный слуховой аппарат, благодаря которому он напрочь забыл о своем недуге.

С той поры старый учитель пения слышал окружающие звуки такими, какими они были на самом деле. Настоящие звуки. Настоящую музыку. Янкелевич слышал человеческие голоса и музыкальные хит-парады по радио. Слышал автомобильные гудки и собачий лай, шелест дождя и журчание ручьев, стук шагов и скрип дверей. Слышал чихания и смех, вздохи и рыдания. Слышал голоса телевизоров, не умолкавших в городе ни днем, ни ночью.

Однако в день исцеления, самый, казалось бы, счастливый день в своей жизни, он пережил горькое разочарование. Старый учитель вдруг понял, что настоящие звуки совсем не похожи на то, как он их себе представлял. Все сливалось в беспорядочный шум – сплошную какофонию; все ревели и кричали так, что было невыносимо слушать. Мир вокруг был полон не музыки, а нестройных звуков. Такого разочарования старик пережить не мог. И придумал, как свести счеты с жизнью сообразно со своими идеалами. Он взобрался на колокольню собора Парижской Богоматери. Сунул голову под колокол. И ровно в полдень, после того как тот пробил двенадцать раз, испустил дух, сраженный наповал величественным и на редкость гармоничным колокольным звоном.

Эта смерть лишила Жюли не только друга, но и доброго советчика, помогавшего ей развивать главный свой дар.

Конечно, она нашла себе другого учителя пения, одного из тех, кто довольствовался тем, что заставлял своих учеников петь гаммы. А Жюли он принуждал так напрягать голос в разных регистрах, что у нее болела гортань. И ей было очень плохо.

Некоторое время спустя отоларинголог обнаружил у Жюли узелки на голосовых связках. И предписал прекратить уроки. Ей сделали операцию, и в течение нескольких недель, пока

заживали связки, она хранила полное молчание. А потом, дабы просто восстановить дар речи, прошла трудный курс реабилитации.

После этого она пребывала в постоянных поисках настоящего учителя пения – наставника, каким был Янкелевич. Однако найти такого ей не удалось, и она мало-помалу замкнулась в себе.

Янкелевич говорил – когда у человека есть дар, но нет желания им пользоваться, он превращается в кролика, который отказывается грызть твердую пищу: резцы у него постепенно вытягиваются, загибаются, растут все выше, протыкают нёбо и в конце концов пронзают мозг – снизу вверх. Для наглядного подтверждения подобной опасности учитель хранил у себя дома кроличий череп, из которого вверху торчали резцы, похожие на рожки. При случае он любил показывать нерадивым ученикам этот мрачный экспонат, дабы заставить их стараться. Не ограничившись этим, он начертил красными чернилами на черепе кролика спереди надпись:

Нежелание развивать свой природный дар – величайший из грехов.

Не имея возможности развивать собственный дар, Жюли сначала вела себя крайне агрессивно, а потом стала отказываться от пищи. Вслед за тем на нее напал волчий голод – и она килограммами поглощала пирожные, уставившись в пустоту и притом всегда держа под рукой слабительные и рвотные средства.

Она перестала делать домашние задания, а на уроках клевала носом.

Словом, Жюли совсем расклеилась. Она уже с трудом дышала, а потом, в довершение всего, у нее начались приступы удушья. Благо, которое принесло ей пение, теперь обернулось для нее во зло.

Мать Жюли села за обеденный стол первая.

– Где вы сегодня были? – полюбопытствовала она.

– Гуляли по лесу, – отвечал отец.

– Значит, она там и заработала себе все эти ссадины?

– Жюли свалилась в овраг, – объяснил отец. – Ничего страшного, вот только пятку поранила. А еще она нашла в том овраге странную книжку...

Но мать уже смотрела только в свою тарелку с дымящимся кушаньем.

– Потом расскажешь. А пока давайте поедим – жаркое из перепелов ждать не будет. Остынет – потеряет весь вкус.

Мать Жюли с восторгом принялась за жаркое, приправленное коринкой.

Ловкий укол вилок – и тушка перепелки сдулась, точно накачанный паром мяч для игры в регби. Мать подхватила жареную птичку, высосала из нее сок через отверстия в клювике, затем кончиками пальцев оторвала у нее крылышки, тут же обхватила их губами, протолкнула в рот и принялась громко хрустеть, перемалывая твердые косточки коренными зубами.

– А ты чего не ешь? Не нравится? – спросила она Жюли.

Девушка не сводила глаз со своей тарелки, на которой тоже лежала жареная птичка, перевязанная тонкой веревочкой. Голова у птички была обложена виноградинами в форме цилиндра. Глядя на ее пустые глазницы и приоткрытый клюв, можно было подумать, что птичку неожиданно отвлекло от каких-то важных дел нечто ужасное – нечто, по сути своей сравнимое с внезапным извержением Везувия.

– Не люблю мясо... – отрывисто проговорила Жюли.

– Это не мясо, а птица, – отрезала мать.

И уже примирительным тоном продолжала:

– Ты же не собираешься снова объявлять голодовку. Тебе нужно быть здоровой, чтобы успешно сдать выпускные и поступить на юридический факультет. Вот отец твой закончил его и уже руководит юридической службой в лесном ведомстве, благодаря чему тебя и держат тре-

тый год в выпускном классе лица, хоть он тебе уже поперек горла. Теперь твой черед изучать право.

– Плевать я хотела на право, – заявила Жюли.

– Чтобы стать достойным членом общества, нужно хорошо учиться.

– Плевать я хотела на общество.

– Тогда что тебя интересует? – осведомилась мать.

– Ничего.

– Чем же у тебя забита голова? Может, ты влюбилась?

Жюли откинулась на спинку стула.

– Плевать я хотела на любовь.

– Плевать, плевать... Ты только это и знаешь. Тебе надо бы хоть чем-то интересоваться или кем-то, – настаивала мать. – Ты же миленькая – у тебя не должно быть отбоя от мальчишек.

Жюли как-то странно скривилась. В ее светло-серых глазах мелькнуло недовольство.

– У меня нет ухажера, и я, да будет тебе известно, все еще девственница.

Лицо матери обрело недоуменно-изумленное выражение. Вслед за тем мать рассмеялась.

– Девятнадцатилетние девственницы теперь встречаются разве что в научно-фантастических книжках.

– ...Да не собираюсь я заводить себе никакого ухажера, замуж выходить не думаю и детей не хочу, – не унималась Жюли. – А знаешь почему? Потому что боюсь стать такой, как ты.

К матери вернулась самоуверенность.

– Бедная доченька, у тебя целая куча проблем. Хорошо, что я договорилась, чтобы тебя посмотрел психотерапевт! В четверг.

Мать с дочерью привыкли к подобным перепалкам. В этот раз они пререкались битый час, и за обедом Жюли съела только вишенку, украшавшую мусс из белого шоколада с ликером «Гран Марнье».

Между тем отец, несмотря на то что дочь не раз пнула его ногой, оставался бесстрастным и остерегался вступать в их горячий спор.

– Ну же, Гастон, скажи хоть что-нибудь! – праведно вознегодовала его супруга.

– Слушайся мать, Жюли, – складывая салфетку, только и бросил отец.

И, вставая из-за стола, сказал, что хочет пораньше лечь спать, потому что завтра на рассвете собирается отправиться с псом на дальнюю прогулку.

– А мне можно с тобой? – попросилась девушка.

Отец покачал головой.

– Не в этот раз. Мне хотелось бы поближе осмотреть овраг, который ты обнаружила, и побыть немного одному. Потом мать права. Чем попусту болтаться по лесу, лучше часок-другой посидеть за учебниками.

Когда он наклонился к ней, чтобы поцеловать и пожелать доброй ночи, Жюли шепнула:

– Папа, не бросай меня.

Отец сделал вид, будто ничего не слышал.

– Приятных сновидений! – просто сказал он.

И вышел из столовой, уводя на поводке пса. Перевозбужденный Ахилл хотел было стрелой рвануть вперед, но на навощенном до блеска полу его лапы с длинными, не втягивающимися внутрь когтями разъехались в разные стороны.

У Жюли не было ни малейшего желания оставаться один на один с матерью. И сославшись на то, что ей приспичило в туалет, она выбежала из столовой.

Надлежащим образом заперев за собой дверь, темноволосая девушка со светло-серыми глазами села на крышку унитаза – и тут ей показалось, будто она катится в пропасть, оказавшуюся много глубже той, в которую она провалилась в лесу. Только в этот раз ее вряд ли кто смог бы вытащить оттуда.

Она выключила свет – и осталась наедине с собой. Чтобы подбодрить себя, она снова замурлыкала: «Зеленая мышка / Бежала по травке...» – но в душе у нее было пусто. Она чувствовала себя совершенно потерянной в каком-то огромном мире. Она чувствовала себя совсем маленькой – крохотной, как муравей.

9. О том, как трудно быть самим собой

Муравей несется вскачь, изо всех сил шуруя шестью своими лапками, так, что ветер гнет назад его усики. Подбородком он задевает мох и лишайники.

Он без устали петляет меж коготков, фиалок и лютиков, но охотник и не думает отставать. Огромный еж, сплошь утыканный острыми иголками, упорно гонится за ним, распространяя кругом жуткий мускусный смрад. Земля содрогается под каждым его шагом. На иглах у него кое-где все еще торчат ошметки вражьей плоти, а будь у муравья время рассмотреть ежа поближе, он не преминул бы заметить, как по его длинным колючкам ползает вверх-вниз целый рой блох.

Старый рыжий муравей спрыгивает с откоса в надежде уйти от погони. Однако еж не сбавляет скорости. Иголочки защищают его, смягчая падение. Он сворачивается клубком, чтобы ловчее проделывать кульбиты, и снова встает на все четыре лапы.

Старый рыжий муравей прибавляет ходу. И вдруг видит прямо перед собой что-то вроде гладкого белого туннеля. Он не сразу смекает, что это такое. Вход в туннель достаточно просторен для муравья. Что же это может быть? Для норки сверчка или кузнечика слишком широко. Может, это кротовая или паучья нора?

Усики у него были сильно отогнуты назад, и учуять, что там, впереди, он не мог. Пришлось положиться на зрение, хотя с его помощью он различает предметы только на близком расстоянии. Ну вот, так и есть, теперь он все видит. Белый туннель никакая не нора. А разверзшаяся пасть... змеи!

Сзади – еж, спереди – змея. Определенно, этот мир не создан для одиночек. Старый рыжий муравей видит только одно спасение: зацепиться за травинку и по ней уползти. Вот уже вытянутая морда ежа оказывается перед пастью ползучей твари.

У ежа только остается время отпрянуть и впиться зубами в змеиную шею. Тут змея мгновенно обвивается вокруг него. Она не любит, когда ей в глотку забирается что-то большое.

Между тем ошеломленный старый рыжий муравей наблюдает с ветки за схваткой двух хищников.

Длинная холодная труба против теплого колючего шарика. В желтых, с узеньким разрезом глазах гадюки нет ни страха, ни ненависти – одна лишь целеустремленность. Она старается точно нацелиться своей смертоносной пастью. А еж напуган. Он вскидывается на дыбы и нападает, пытаясь пронзить брюхо ползучей твари своими острыми иголками. Зверек необычайно проворен. Когтистыми лапками он раздирает змеиную чешую, которую не может проткнуть колючками. Но змея обвивается вокруг него плетью и затягивается все крепче. Гадючья пасть, клацнув, раскрывается, обнажая пару ядовитых зубов, источающих смертоносную жидкость. Ежам не страшны змеиные укусы – они оказываются смертельными для них, только если змея удастся вцепиться зубами в узкий, тонкокожий кончик их мордочки.

Но старый рыжий муравей не успевает досмотреть схватку до конца: его куда-то уносит. К большому его удивлению, травинка, за которую он держится, начинает медленно шевелиться. Сперва он думает, что ее качнуло ветром, но она вдруг отрывается от ветки, за которую зацепилась, и ползет – вот только куда, непонятно. Травинка медленно движется, покачиваясь, натывается на другую ветку. И по ней собирается взобраться на ствол.

Изумленный старый муравей только крепче цепляется за блуждающую травинку. Смотрит вниз – и тут все понимает. У травинки есть глаза и лапы. У деревьев такого не бывает. Оказывается, это не травинка, а палочник.

У этих насекомых продолговатое хрупкое тельце, и они защищаются от хищников с помощью мимикрии, принимая форму травинки, веточки, листьев или стебельков, на которых сидят. Этот палочник замаскировался очень натурально: тело у него иссечено прожилками, как у настоящей травинки, и вдобавок покрыто щербинами и порезами, как будто его обглодал термит.

Другое преимущество палочника в том, что он копуша, но нерасторопность идет ему только на пользу, помогая лучше маскироваться. Вряд ли кто вздумает нападать на что-то неповоротливое, а то и почти неподвижное. Старому муравью уже случалось наблюдать брачные игры палочников. Самец, который размером поменьше, приближался к самке, переставляя лапку за лапкой каждые двадцать секунд. Самка отползала чуть в сторону, а самец все мешкал и никак за нею не поспевал. Так что же? Вынужденные дожидаться своих не слишком расторопных самцов, самки в конце концов нашли для себя выход. В общем, некоторые разновидности палочников научились размножаться весьма оригинальным, бесполом способом. И проблема спаривания, таким образом, решается сама собой: палочникам вовсе не обязательно искать себе партнера, чтобы размножаться, – для производства потомства им довольно всего лишь этого очень захотеть.

Травинка, за которую держится муравей, на поверку оказывается самкой палочника – она вдруг ни с того ни с сего начинает откладывать яйца. Она прodelывает это очень медленно, выдавливая их из себя поочередно, одно за другим, – и яйца отскакивают от листьев, точно застывшие капли дождя. В искусстве маскировки палочники так поднаторели, что их яйца не отличить от семян деревьев.

Муравей надгрызает травинку, проверяя, съедобна она или нет. Но у палочников есть только один способ защиты – мимикрия, и, ко всему прочему, они умеют прикидываться мертвыми. Как только палочник замечает острые муравьиные челюсти, он замирает и падает на землю.

Но муравья не проведешь. Поскольку змея с ежом куда-то подевались, он спешит вниз следом за палочником – и пожирает его. Отчаянный муравей даже не дает палочнику времени опомниться. Он заглатывает жертву почти целиком, полностью обездвиживая ее, – и она как будто превращается в настоящую травинку. Впрочем, не совсем: палочник выдает себя тем, что продолжает откладывать похожие на семена яйца.

Но на сегодня хватит приключений. К тому же холодает – пора в спячку, благо дело это привычное. Старый рыжий муравей зарывается в поросшую мхом землю, как в убежище. Завтра он снова двинется в путь – к родному муравейнику. Надо во что бы то ни стало предупредить «своих», пока не поздно.

Он спокойно чистит усики, чтобы лучше чувствовать, что происходит вокруг. Затем задвигает камушком вход в убежище, чтобы его больше никто не потревожил.

10. Энциклопедия

РАЗНИЦА ВОСПРИЯТИЯ. Мы воспринимаем мир таким, каким готовы его воспринимать. Во время психологического опыта котят сразу после рождения рассадили по комнатенкам, оклеенным обоями с вертикальными узорами. После того как котята миновали пороговый возраст формирования мозга, их пересадили в каморки, оклеенные обоями с горизонтальными узорами. Горизонтальные линии указывали на тайники с кормом и выходные дверцы, однако же котята, просидевшие перед тем в комнатах с вертикальными узорами на стенах, так и не смогли найти

ни корм, ни выход. Их познания об окружающем мире ограничивались восприятием лишь того, что располагалось вертикально.

Наше мировосприятие ограничено точно так же. Мы не боимся тех или иных вещей только потому, что привыкли воспринимать их строго определенным образом.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

11. Сила слов

Ее рука разжалась и сжалась, судорожно вцепившись в подушку-валик. Жюли спала. Ей снилось, что она средневековая принцесса. Ее пленил гигантский змей и хочет сожрать. Он бросил ее в коричневатый топкий зыбучий песок, кишатый ползучими змеенышами, и она все глубже погружалась в топь. Но тут примчался на белом скакуне юный принц в доспехах из папье-маше и схлестнулся с громадным змеем. Он потрясал длинным острым красным копьём и молил принцессу не падать духом. Он спешил ей на выручку.

Но гигантский змей орудовал своей пастью, точно огнеметом. Принцу было мало проку от бумажных доспехов. Довольно было языка пламени – и его охватил огонь. Принца привязали веревочкой к лошади и в таком – изжаренном – виде положили на блюдо под гарниром из синеватого пюре. Прекрасный принц утратил весь свой лоск: кожа почернела, в глазницах зияла пустота, голову венчала безобразная коринка.

Вдруг гигантский змей схватил Жюли ядовитыми зубищами, вытащил из грязи и швырнул в мусс из белого шоколада с ликером «Гран Марнье», в который она погрузилась с головой.

Ей хотелось кричать, но мусс из белого шоколада затягивал ее все глубже, забиваясь в рот и заглушая рвущийся из него крик.

Жюли внезапно проснулась. Перепугавшись не на шутку, девушка тут же решила проверить, не лишилась ли она голоса. «А-а-а-а... а-а-а-а», – вырвалось из глубины ее горла...

Кошмар, в котором она теряла голос, потом снился ей все чаще. Иногда во сне ее мучили – отрезали язык. Иногда рот ей забивали едой. Иногда перерезали ножницами голосовые связки. Неужели видеть сны так уж необходимо? Она все же надеялась, что когда-нибудь будет спать и ночами ей уже ничего не будет сниться...

Горячей рукой она провела по влажному горлу, села, откинувшись на подушку, глянула на будильник и удостоверилась, что уже шесть часов утра. За окном все еще стояла темень. В небе мерцали звезды. Внизу она услышала шум шагов и лай. Отец, как и обещал, с утра пораньше собирался вместе с псом в лес.

– Папа, папа!..

Вместо ответа хлопнула дверь.

Жюли снова легла и попробовала уснуть, но тщетно.

Что же скрывалось за первой страницей «Энциклопедии Относительного и Абсолютного Знания» профессора Эдмонда Уэллса?

Она взяла в руки толстую книгу. Речь в ней шла о муравьях и о революции. Книга без обиняков советовала совершить революцию; рассказывалось там и про некую параллельную цивилизацию, которая могла бы помочь в этом деле. Жюли вытаращила глаза. В коротеньких текстах, написанных убогим почерком, тут и там, прямо посреди слова, вдруг возникали то заглавная буква, то маленький рисунок.

Она прочитала навскидку:

«План сего сочинения скопирован с плана храма Соломона. Первая буква каждого подзаголовка соответствует одному из мерных чисел храма».

Она насупилась: какая может быть связь между письменным документом и храмовой архитектурой?

Она перелистала несколько страниц.

«Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания» представляла собой сплошное беспорядочное нагромождение письменных сведений, рисунков и различных знаков. Судя по названию, в ней содержались научные тексты, а также поэтические сочинения, неровно вырезанные объявления, кулинарные рецепты, распечатки компьютерных программ, вырезки из иллюстрированных журналов, новостные картинки и эротические фотографии знаменитых женщин во всей красе.

Были там календари с точным указанием дат, когда надлежит сеять зерновые, сажать те или иные овощи и фрукты; были там и коллажи из тканей и редких бумажных денег, карты небосвода и метро крупных городов, выдержки из личных писем, математические загадки, схемы перспективных изображений с полотен эпохи Возрождения.

Отдельные картинки поражали жестокостью: на них были изображены сцены насилия, смерти и катастрофы. Тексты были написаны красными и синими или ароматическими чернилами. Некоторые страницы, похоже, были исписаны симпатическими чернилами или лимонным соком. А другие испещрены до того мелкими буквами, что без лупы прочесть написанное было просто невозможно.

Глазам девушки предстали планы воображаемых городов, биографии исторических личностей, забытых историй, советы по сооружению диких машин...

Что бы это ни было – набор всякой галиматши или кладезь знаний, – Жюли понимала: чтобы все это прочесть, понадобится по меньшей мере два года, – и тут ее взгляд привлекли необычные портреты. Она пришла в недоумение... хотя нет, ошибки быть не могло: это явно были головы. Только не человеческие, а муравьиные, изображенные в виде бюстов каких-нибудь великих людей. Муравьи совсем не походили друг на друга. Размер глаз, длина усиков, форма черепа у них определенно отличались. Впрочем, под портретом каждого муравья значилось имя, составленное из нескольких чисел. Жюли стала листать дальше.

Через все эти голограммы, коллажи, рецепты и планы лейтмотивом проходила тема муравьев.

Партитуры Баха, красочные сексуальные позы из Камасутры, шифровальная инструкция, которой пользовались участники французского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны... – какой же многогранный, не ограниченный в своих воззрениях разум умудрился собрать все это воедино?

Она пролиستала еще несколько страниц этой книги-мозаики.

Биология. Утопии. Путеводители, *vade-mecum*¹, руководства по эксплуатации. Занимательные истории про самых разных людей и науки. Технологии управления массами. Гексаграммы И-Цзин.

Она выхватила глазами фразу: *«И-Цзин – оракул, который, вопреки расхожему мнению, не предвидит будущее, а толкует настоящее»*. Чуть дальше она наткнулась на описание стратегических взглядов Сципиона Африканского и Клаузевица.

Жюли вдруг подумала, что это какой-нибудь учебник по пропаганде, но вслед за тем, через страницу, она прочла нижеследующий совет:

«Остерегайтесь любых политических партий, сект, корпораций и религий. Не стоит ждать тех, кто подскажет, о чем вам следует думать. Учитесь думать сами, без сторонней помощи».

Далее следовала строчка из песни Жоржа Брассенса:

«Не пытайтесь изменить других – лучше постарайтесь измениться сами».

---

¹ *Vade-mecum* (лат.) – вадемекум, карманный справочник, указатель.

Ее взгляд привлек еще один пассаж:

«Малый трактат о пяти внутренних и пяти внешних чувствах. Существует пять физических и пять психических чувств. К пяти физическим чувствам относятся зрение, обоняние, осязание, вкус и слух. К пяти психическим чувствам относятся переживание, воображение, интуиция, универсальное сознание и вдохновение. Жить пятью физическими чувствами все равно что пользоваться только пятью пальцами левой руки».

Латинские цитаты, греческие. Новые кулинарные рецепты. Китайские идеограммы. Как приготовить коктейль Молотова. Засушенные листья. Калейдоскоп картинок. Муравьи и Революция. Революция и Муравьи.

У Жюли резало глаза. И голова шла кругом от всего этого визуально-информационного бреда. Ее зацепила фраза:

«Настоящий труд не следует читать по порядку – лучше поступить следующим образом: когда вам захочется почитать эту книгу, откройте ее наугад на любой странице, прочтите, что там написано, и постарайтесь понять, дало ли прочитанное полезный ответ на вопрос, который вас сейчас волнует».

И еще, чуть ниже:

«Смело пропускайте места, которые покажутся вам слишком затянутыми. Это не священная книга».

Жюли закрыла фолиант и, обращаясь к нему, обещала, что будет поступать именно таким образом, какой он столь любезно ей предлагает. Она поправила одеяло – дыхание ее стало ровным, температура немного упала – и спокойно уснула.

12. Энциклопедия

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СОН. Когда мы спим, мы переживаем особую фазу так называемого парадоксального сна. Эта фаза продолжается от пятнадцати до двадцати минут, потом она прерывается, но через некоторое время возвращается и длится уже полтора часа. Почему же эта фаза сна получила такое название? Потому что, как ни парадоксально, именно в это время, в процессе самого глубокого сна, проявляется наиболее активная нервная деятельность.

Младенцы ведут себя ночью беспокойно как раз во время парадоксального сна (пропорции: треть – нормальный сон, треть – чуткий сон, треть – парадоксальный сон). Лица у них то передергиваются от гнева, то расплываются в радостной улыбке, то перекашиваются от тоски, страха или удивления, хотя они, несомненно, еще не успевают познать подобные ощущения. Младенцы как будто переживают чувства, которые им предстоит испытать много позже.

Далее: в процессе взрослой жизни фазы парадоксального сна с возрастом сокращаются и уже составляют всего лишь одну десятую, а то и двадцатую часть от общего времени сна. Подобный опыт переживается как определенное удовольствие и даже может вызывать у мужчин эрекцию.

Такое впечатление, что по ночам мы получаем некое послание. Был проведен следующий опыт: одного взрослого человека разбудили во время парадоксального сна и попросили рассказать, что ему снилось. Потом ему дали опять заснуть – и снова разбудили во время следующей фазы парадоксального сна. Таким образом было установлено: хотя оба сновидения различались, у них, тем не менее, была общая основа. Все происходило так, будто прерванное сновидение возобновлялось в иной форме, притом что содержащееся в нем послание оставалось неизменным.

Недавно исследователи выдвинули новую идею. Сновидение дается нам как способ освободиться от социального давления. Во сне мы забываем то, что нам при-

шлось узнать за предыдущий день и что противоречит нашим глубоким убеждениям. Любое психологическое воздействие, навязанное извне, стирается. Пока люди видят сны, полностью управлять ими невозможно. Сон – естественное препятствие тоталитаризму.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

13. Один среди деревьев

Утро. Еще темно, но уже тепло. Один из мартовских парадоксов.

Луна серебрит кроны деревьев, точно отливающая синевой звезда. Это свечение будит его и наполняет силой, которая ему понадобится, чтобы продолжать путь. С тех пор как он забрался в эту неоглядную лесную чащобу, передохнуть ему случалось нечасто. Пауки, птицы, жуки-скакуны, муравьиные львы, ящерицы, ужи и даже палочники, объединившись вместе, докучают ему.

Он не знал всех этих тревог, пока жил там, в городе, с другими. Мозг его тогда был подключен к «коллективному разуму», и у него даже не было надобности совершать над собой индивидуальное усилие, чтобы думать.

Но отсюда далеко до муравейника и до своих. Разум его вынужден работать «индивидуально». Муравьи обладают замечательным свойством действовать двумя способами – коллективно и индивидуально.

Но сейчас, чтобы выжить, для него пригоден только индивидуальный способ действия, а беспрерывно думать о себе ему просто невыносимо. Когда думаешь о себе, в конце концов начинаешь бояться, что умрешь. Быть может, он первый муравей, который, будучи обреченным на одиночество, дошел до того, что стал беспрестанно пугаться смерти.

Вырождение какое-то!..

Он пробирается под сенью вязов. Слышит, как жужжит брюхастый майский жук, и вскидывает голову.

Он заново узнает, что лес – это нечто необыкновенное. В лунном свете все растения переливаются то сиреневым, то белым светом. Он распрямляет усики и нащупывает фиалку, облепленную забавными бабочками, которые трогают его до глубины души. Чуть дальше полосатые гусеницы объедают листья бузины. Природа как будто приукрасилась в честь его возвращения.

Он натывается на высохший труп. Пятится назад и приглядывается. Перед ним скопище мертвых муравьев, свившихся спиралью. Черных муравьев-жнецов. Видеть такое ему не впервой. Эти муравьи оказались слишком далеко от муравейника, и когда выпала холодная ночная роса, они, не зная, куда податься, выстроились спиралью и принялись кружить – и кружили так, пока не закружились до смерти. Когда не знаешь мир, в котором живешь, начинаешь бегать кругами – и кружишь, пока не свалишься за мертвое.

Старый рыжий муравей подбирается ближе и кончиками усиков ощупывает место трагедии. Муравьи с наружной стороны спирали умерли первыми, а потом настал черед тех, что оказались посередине.

Он разглядывает эту причудливую круговерть смерти, озаренную сиреневым свечением луны. Какое примитивное поведение! Достаточно было забраться под пенек или выкопать убежище в земле, чтобы уберечься от холода. А эти глупые черные муравьи не придумали ничего лучше, чем водить хоровод, – решили, наверное, что только в кружении и можно спастись.

«Определенно, моему народу еще многому предстоит научиться», – рассудил старый рыжий муравей.

Продираясь под мрачными папоротниками, он угадывает запахи своего детства. Ароматы пыльцы опьяняют его.

Чтобы достичь такого совершенства, нужно время.

Сперва к берегам континента прибило зеленые морские водоросли, и они стали прародителями всей земной растительности. Чтобы укорениться на суше, им пришлось превратиться в лишайники. Затем лишайники выработали стратегию орошения, подготавливая благоприятную почву для следующего поколения растений, которые, укореняясь еще глубже, уже набирали в росте и становились крепче.

Отныне каждое растение обладает собственной зоной влияния, но пока еще существуют спорные территории. Старый муравей видит, как от фикуса-душителя дерзко вытягивается лиана и обхватывает безмятежную черешню. В этом поединке у бедной черешни нет ни малейшего шанса. Зато другие фикусы-душители, возмнившие, что им удастся одолеть побег щавеля, чахнут, отравленные его ядовитым соком.

А поодаль пихта сбрасывает иголки, окисляющие почву, отчего погибают все вредные травы и мелкие растения-соперники.

У каждого свое оружие, свои средства защиты и собственные хитрые способы выживания. Мир растений не знает жалости. Единственное, что, пожалуй, отличает его от мира животных, так это то, что растения убивают медленнее и, главное, молча.

Впрочем, некоторые растения предпочитают яду холодное оружие. О чем муравью-ски-талцу напоминают коготки на листьях падуба, острые как бритва лепестки чертополоха, крючковые шипы страстоцвета и колючки акаций. Он продирается сквозь деревья, которые образуют коридор, ощерившийся острыми лезвиями.

Старый муравей моет усики и расправляет их веером над головой, чтобы лучше улавливать витающие в воздухе запахи. Он ищет след пахучей тропы, что ведет в его родные края. Ведь сейчас каждое мгновение на счету. Ему необходимо во что бы то ни стало предупредить своих в городе, пока еще не поздно.

Потоки благоухающих частиц доносят до него совершенно бесполезные сведения о жизни и повадках здешних животных.

Тем не менее он приноравливается ползти так, чтобы не упустить ни одного примечательного запаха. Он насыщается воздушными потоками, пытаясь распознать неведомые ароматы. Но у него ничего не выходит – нужно искать более подходящий способ.

Он взбирается на торчащий выступом сосновый пенек, выпрямляется и осторожно водит по сторонам сенсорными отростками. Шевеля усиками то быстро, то медленно, он улавливает всю гамму запахов. Совершая усиками 400 колебаний в секунду, он не ощущает ничего особенного. И начинает двигать обонятельными локаторами быстрее. 600, 1000, 2000 колебаний в секунду. И опять же ничего примечательного. Он чувствует только благоухание растений и запахи букашек немуравьиной породы: ароматы цветов, грибных спор, душок жесткокрылых насекомых, гниющего леса, дух листьев дикой мяты...

Он подергивает усиками еще быстрее. 10 тысяч колебаний в секунду. Подрагивая, усики образуют всасывающие потоки воздуха, которые вбирают в себя частицы всех разновидностей пыли. Ему предстоит их очистить, прежде чем распознать каждую.

12 тысяч колебаний в секунду. Наконец он улавливает отдаленные частицы, подтверждающие, что где-то впереди муравьиная тропа. Есть! Направление запад – юго-запад, 12 градусов от сияющей луны. Вперед!

14. Энциклопедия

ИНТЕРЕС В РАЗЛИЧИИ. Мы все победители. Потому что произошли от одного сперматозоида-чемпиона, который одержал верх над тремя сотнями миллионов своих соперников.

Он заслужил право передать вам свою серию хромосом, благодаря чему вы – это вы, и никто другой.

Ваш сперматозоид – настоящий талант. Он избежал всех ловушек. И смог найти верную дорогу. Возможно, он даже изловчился учинить препятствия на пути других сперматозоидов, своих соперников.

Издавна считалось, что оплодотворить яйцеклетку способен только самый шустрый сперматозоид. Ничего подобного. К яйцеклетке подбираются одновременно несколько сотен сперматозоидов. И ждут своего часа, покачивая жгутиками. Но выбор падет лишь на одного из них.

Таким образом, яйцеклетка сама выбирает достойного сперматозоида среди всего скопища сперматозоидов-претендентов, что толкуются у ее двери. По каким же критериям она выбирает? Исследователи давно задумывались над этим. И недавно нашли ответ: яйцеклетка останавливает свой выбор на том из претендентов, у которого «генетические свойства существенно отличаются от ее собственных». Вопрос выживания. Яйцеклетка не имеет ни малейшего представления о двух партнерах, сливающихся в объятиях где-то там, сверху, главное для нее – избежать осложнений, связанных с кровосмешением. Природе угодно, чтобы наши хромосомы стремились обогащаться признаками, отличными от тех, что подобны их собственным.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

15. Ее видно издалека

Шаги по земле. Было семь часов утра, и звезды мерцали высоко-высоко на небосводе.

Продвигаясь вперед вместе с собакой по крутым тропинкам, Гастон Пенсон чувствовал себя превосходно посреди Фонтенблосского леса на вольном воздухе, в тиши и в компании пса. Он пригладил свои рыжие усы. Ему довольно было оказаться в лесной чаще, чтобы наконец ощутить себя свободным человеком.

Слева извилистая тропинка тянулась вверх, к груде камней. В конце подъема он выбрался к башне Денекур на краю скалы Касспо. С высоты открывался замечательный вид. Этим ранним теплым утром, расцвеченным еще не померкшими звездами, панораму освещала главным образом громадная тусклая луна.

Он сел и велел собаке последовать своему примеру. Но пес остался стоять. И тем не менее они вдвоем стали любоваться небом.

– Видишь ли, Ахилл, в незапамятные времена астрономы чертили карты звездного неба в форме плоского свода. И делили его на восемьдесят восемь созвездий по принципу восьмидесяти восьми провинций, образующих небесное государство. Большая часть созвездий если и видна, то не во всякую ночь, за исключением Большой Медведицы, которую наблюдают обитатели Северного полушария. Созвездие это походит на квадратный ковш, сложенный из четырех звезд и оснащенный ручкой из трех звезд. А Большой Медведицей его называли греки в честь принцессы Каллисто, дочери царя Аркадии. Она была до того прекрасна, что Гера, супруга Зевса, из ревности превратила ее в Большую Медведицу. Вот-вот, Ахилл, все женщины такие – ревнуют друг к другу.

Пес тряхнул головой и тихонько и жалобно проскулил.

– Наблюдать это созвездие – занятие интересное, потому что, если продолжить профиль ковша, отложив расстояние в пять точно таких же ковшей, легко заметить, как над ним парит эдакая воздушная кукурузинка – Полярная звезда. Понимаешь, Ахилл, по ней можно определить точное направление на север, и так ты уже никогда не заплутаешь.

Пес ничего не понимал из того, что ему растолковывали. Все, что он слышал, так это «бу-бу-бу, Ахилл, бу-бу-бу, Ахилл». Во всем человеческом языке он различал разве что сочетание звуков «А-хилл», которое, как он знал, означало его самого. Устав слушать все это «бу-бу-бу», ирландский сеттер предпочел улечься, прижав уши и приняв степенный вид. Но его хозяину уж очень нужно было выговориться, и умолкать он вовсе не собирался.

– А вторая звезда, если считать от конца ручки ковша, – продолжал он, – это не одиночное светило, а двойное. Когда-то арабские воины измеряли зоркость способностью различать эти две звезды – Алькор и Мицар.

Гастон, прищурившись, воззрился на небо – пес зевнул. Солнце уже пустило первые остrokонечные лучи, звезды стали едва заметно блекнуть и вскоре, уступив ему место, померкли совсем.

Он достал из рюкзака нехитрую снедь – бутерброд с ветчиной, сыром, луком, корнишонами и перцем, съел его вместо легкого завтрака. И довольно вздохнул. Нет ничего лучше, чем проснуться вот так ранним утром и отправиться в лес, чтобы полюбоваться восходом солнца.

Дивный праздник красок. Дневное светило меняло окрас от красного, розового и оранжевого до желтого, пока наконец не побелело. Не в силах соперничать с эдаким великолепием, луна предпочла ретироваться.

Гастон перевел взгляд со звезд на солнце, с солнца на деревья, с деревьев на раскинувшуюся панораму долины. Теперь ему была четко видна вся неоглядная ширь девственного леса. Фонтенбло представлял собой равнины, холмы, полосы песка, песчаника, глины и известняка. Кроме того, там было множество ручьев, оврагов и березовых рощ.

Картина на удивление разнообразная. Это, несомненно, самый многоликий лес во Франции. Его населяют сотни видов пернатых, грызунов, пресмыкающихся и насекомых. Он не раз встречал здесь кабанов с кабанчиками, а однажды видел даже олениху с олененком.

В этом краю, в каких-нибудь шестидесяти километрах от Парижа, все еще казалось, что человеческая цивилизация вроде как не успела ничего испортить. Ни тебе машин, ни гудков, ни всякой грязи. Ни забот, ни хлопот. Сплошная тишь, и только шелест листьев, ласкаемых ветром, да неумолчный щебет птиц.

Гастон закрыл глаза и жадно вдохнул теплого утреннего воздуха. На эти двадцать пять тысяч гектаров дикой благоухающей природы еще не ступала нога парфюмера. Кругом лежали несметные богатства. И все даром.

Начальник юридической службы лесного ведомства достал бинокль и вооруженным глазом обвел всю эту красоту. В здешнем лесу он знал каждый уголок. Справа виднелись Апремонские ущелья, Обер-егермейстерское распустье, Котельная дорога, Большая башня, Разбойничья пещера. Впереди Франшарские ущелья, Старая хижина, дорога Плачущей скалы, Друидская башня. А слева Девичья арена, распустье Вздохов, Изумрудная гора.

Отсюда можно было разглядеть Ланды, обиталище лесного жаворонка. А немного дальше простиралась долина Шанфруа с ее остrokонечными седыми горными вершинами.

Гастон настроил бинокль и направил его на дерево Юпитера – громадный четырехсотлетний дуб, вздымавшийся ввысь на тридцать пять метров. «Как же красиво в лесу!» – изумился он про себя, убирая обратно бинокль.

В это самое мгновение на футляр от бинокля взгромоздился муравей. Гастон хотел было смахнуть его, но тот вцепился ему в руку и мигом перебрался на рукав свитера.

Гастон сказал псу:

– Боюсь я за муравьев. До сих пор они строили себе муравейники отдельно друг от друга. А потом по каким-то непонятным причинам стали их перестраивать. Они объединились в федерации, и теперь вот их федерации образуют целые империи. Такое впечатление, что они собираются провести какой-то «надобщественный» опыт, который мы, люди, так и не смогли довести до конца.

Гастон читал в газетах о том, что люди все чаще стали наткаться на муравьиные супер-колонии. Во Франции, в Юрских горах, были обнаружены целые скопления (от тысячи до двух тысяч) городов, связанных меж собой тропами. Гастон был убежден: муравьи готовились довести опыт обобществления до полного совершенства.

Пока он осматривал окрестности, его взгляд вдруг привлекло необычное зрелище. Он нахмурился. Вдалеке, в направлении песчаниковой скалы и оврага, на которые наткнулась его дочь, поблескивало что-то треугольное. Но это был не муравейник.

Блестящая куча была прикрыта ветками, но сквозь них проступали ее ровные грани – ошибиться было невозможно. Природе неведомы прямые линии. А значит, это палатка, и разбили ее, должно быть, туристы, которым здесь ровным счетом нечего делать, или же огромная куча мусора, которую оставили посреди леса какие-нибудь беспечные грязнули.

Раздосадованный Гастон кинулся по тропинке вниз, к этой блестящей пирамиде. По дороге у него возникали самые разные предположения: быть может, это автофургон новой модели? Или машина с металлическим отливом? А может, шкаф?

У него ушел целый час, чтобы, продравшись сквозь колючие кусты ежевики и заросли чертополоха, добраться до таинственной кучи. Он вконец обессилел.

Вблизи непонятная штука казалась еще более чудной. Это была никакая не палатка, никакой не фургон и даже не шкаф. Прямо перед ним громоздилась почти трехметровая пирамида с целиком зеркальными боковыми поверхностями. А вершина у нее была полупрозрачная, как кристалл.

– Ты только погляди, славный мой Ахилл! Вот так сюрприз!..

Пес одобрительно гавкнул. А потом зарычал, обнажив разъединенные кариесом клыки, и прибег к своему тайному оружию – дыхнул зловонием, которое сбilo с толку не одну домашнюю кошку.

Гастон обошел конструкцию кругом.

Пирамида на первый взгляд надежно скрывалась за высокими деревьями и кучами папоротника-орляка. Если бы прямо в нее не ударил луч утреннего солнца, Гастон нипочем бы ее не заметил.

Чиновник внимательно осмотрел строение: ни дверей, ни окон, ни вытяжной трубы, ни почтового ящика. И ни тропинки, что вела бы к нему.

Ирландский сеттер все нюхал землю и рычал не переставая.

– И ты так думаешь, Ахилл? Мне уже случалось видеть такие штуки по телевизору. Может, это... инопланетяне?

Но собаки сперва собирают информацию, а уж потом строят предположения. Особенно ирландские сеттеры. Ахилл, похоже, заинтересовался зеркальной стенкой. Гастон приложился к ней ухом.

– Это еще что такое!

Внутри он слышал какой-то шум. И даже, как ему показалось, человеческий голос. Он тихонько похлопал по зеркалу рукой:

– Есть там кто?

В ответ – тишина. Шум разом смолк. Пятнышко пара, оставшееся на зеркальной стенке после произнесенной им фразы, улетучилось.

При ближайшем рассмотрении в пирамиде не было ничего вземного. Ее построили из бетона и потом покрыли зеркальными плитками, какими обычно облицовывают ремесленные лавки.

– Кому же это взбрело в голову соорудить пирамиду посреди Фонтенблосского леса, как думаешь, Ахилл?

В ответ собака гавкнула, но человек не понял, что это на самом деле значит.

За спиной у него послышалось тихое жужжание.

Жжж... Жжж...

Он почувствовал, как что-то кольнуло в шею, и вскинул руку, словно собираясь отмахнуться от назойливой букашки, но рука его повисла в воздухе. Он открыл рот, развернулся кругом. Выпустил поводок, на котором держал пса, и с широко раскрытыми глазами рухнул головой вперед, в гущу цикламенов.

16. Энциклопедия

ГОРОСКОП. Южноамериканские индейцы майя практиковали астрологию на государственном уровне и в обязательном порядке. По дню рождения на ребенка составляли особый, прогнозный календарь. В таком календаре расписывалась вся его будущая жизнь: когда он приобщится к ремеслу, когда женится, когда с ним случится беда, когда он умрет. Ему напевали это еще в колыбели, он заучивал все наизубок и сам напевал, чтобы понимать, что с ним происходит в жизни.

Такая система действовала безупречно, поскольку астрологи майя ухитрялись устраивать так, что их предсказания сбывались. Если юноша пел о том, как однажды повстречается с девушкой, такая встреча непременно случалась, потому что в личном гороскопическом напеве девушки содержался точно такой же куплет-предсказание. То же самое и в делах: если в куплете пелось про то, что в определенный день человек купит дом, в песне продавца содержался куплет о том, что он продаст свой дом в тот самый день. Если в означенный день должна была произойти стычка, все ее участники уведомлялись об этом заблаговременно.

Все чудесным образом сбывалось, поскольку система совершенствовалась за счет самой себя.

Войны объявлялись и описывались. Становились известны победители, и астрологи называли точно, сколько раненых и погибших останется лежать на поле брани. Если число погибших не совпадало точь-в-точь с предсказаниями, пленных приносили в жертву.

Как же напевные гороскопы облегчали жизнь! Все распределялось по своим местам. Никто не боялся завтрашнего дня. Астрологи расписывали жизнь человека от начала до конца. Каждый знал свою и чужую жизнь наперед.

Но высшим достижением майяских предвидений было то, что майя предсказали... дату конца света. Он должен был случиться в определенный день X века так называемой христианской эры. Что же касается точного часа конца света, тут астрологи майя были единодушны. Притом настолько, что накануне, вместо того чтобы постараться пережить бедствие, люди подожгли свои города, собственно-ручно поубивали своих домочадцев, а потом наложили руки на себя. Те же, кто уцелел, покинули охваченные пламенем города и превратились в одиноких равнинных бродяг.

Однако эту цивилизацию создали отнюдь не такие уж недалекие, простодушные личности. Майя имели представление о нуле и колесе (хотя они не понимали,

в чем преимущество такого открытия); они прокладывали дороги, а их тринадцатимесячный календарь будет поточнее нашего.

В XVI веке, когда на Юкатане высадились испанцы, они не смогли доставить себе удовольствие, истребив цивилизацию майя, потому что она уничтожила самое себя задолго до их прибытия. Между тем и в наши дни существуют индейцы, которые утверждают, что они далекие потомки майя. Их называют «лакандонами». И как ни странно, дети лакандонов напевают старинные песни, в которых рассказывается обо всех событиях в человеческой жизни. Вот только точный смысл этих песен уже никто не понимает.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

17. Встреча под кронами деревьев

Куда ведет эта дорога? У него совсем не осталось сил. Он уже не один день продирается вперед в окружении запахов, исходящих от муравьиной тропы.

Как-то раз с ним случилась странная вещь – он так и не понял, что же произошло: он одним махом взобрался на какую-то гладкую темную штуковину, потом его потянуло вверх, он оказался среди розовой пустыни, усаженной редкими черными травами, затем его отшвырнуло на какие-то переплетенные растительные волокна, он было зацепился за них, но его тут же подбросило высоко в воздух.

Должно быть, это один из «Них».

«Они» заполнили лес.

Неважно. Он пока еще жив, и это главное.

Запах феромонов, поначалу едва уловимый, теперь ощущается довольно четко. Он уже на муравьиной тропе. Определенно, эта дорога между зарослями вереска и чабреца пахнет тропой. Он принюхивается и тут же угадывает запах знакомой углеводородной смеси – C₁₀H₂₂, вырабатываемой специальными железами, расположенными на брюшке у белоканских муравьев-разведчиков.

Повернувшись спиной к солнцу, старый рыжий муравей движется по этому пахучему следу. Кругом громоздятся зеленые арки папоротников. Красавка вздымается хлорофилловыми колоннами. Тисы накрывают его своей тенью. Приглядываясь в полумраке, он угадывает устремленные на него тысячи усиков, глаз и ушей, затаившихся в траве и листве. А поскольку на него не нападает ни один хищник, он думает, что вся эта трусливая живность боится именно его. Он вбирает голову в плечи, принимая воинственную позу – и глаза некоторых наблюдателей исчезают.

Вдруг он замечает, как за пучком синего люпина вскидывается дюжина знакомых фигурок. Это его собратья – лесные рыжие муравьи. Он узнает и запах их родного города – Белокана. Они его сородичи. Маленькие собратья!

Выставив вперед верхние челюсти, он устремляется навстречу посланникам этого цивилизованного народца. Двенадцать его братьев замирают на месте и вскидывают усики от неожиданности. Он узнает молодых бесполок солдат из подкасты разведчиков-охотников. Старый рыжий муравей обращается к ближайшему из них и предлагает ему обменяться пищей. Тот в знак согласия убирает усики назад.

И насекомые тут же приступают к неизменному обряду взаимного кормления. Постукивая друг дружку кончиками усиков по темечку, два муравья обмениваются информацией: один узнает, что нужно его «собеседнику», а другой – что он может ему предложить. Затем, раздвинув верхние челюсти, они встают друг напротив друга, соприкасаясь ртами. Донор отрывает

из своего общественного желудка недопереваренную жидкую пищу, скатывает ее в большой шарик, передает катыш изголодавшемуся собрату, и тот жадно заглатывает его.

Часть главного желудка служит муравью непосредственно для восполнения собственных сил, а другая, накопительная часть общественного желудка, позволяет в случае надобности подкармливать кого-нибудь из собратьев. Старый рыжий муравей подрагивает от удовольствия, а двенадцать младших его братьев пошевеливают усиками – просят, чтобы тот представился.

Каждый из одиннадцати усиковых сегментов выделяет особый феромон, притом что одиннадцать ртов одновременно испускают звуки в одиннадцати различных тональностях. Впрочем, эти одиннадцать ртов не только передают информацию, но и принимают ее наподобие ушей.

Молодой муравей-донор прикасается к первому, считая от головы, усиковому сегменту старого одинокого рыжего муравья и определяет его возраст – три года. По второму сегменту он узнает, что тот принадлежит к касте бесполок солдат и подкасте внешних разведчиков-охотников. По третьему он устанавливает его видовую принадлежность и откуда тот родом: рыжий лесной муравей, уроженец главного города Бел-о-кана. Четвертый сегмент сообщает ему номер яйца в кладке и, соответственно, ее название: 103 683-е яйцо, которое весной отложила королева, – она-то и дала ему жизнь. Стало быть, называется он 103 683-й. Пятый сегмент передает состояние муравья, позволяющего прикасаться к себе: 103 683-й устал и вместе с тем сильно возбужден, потому что он владеет важными сведениями.

На этом молодой муравей прекращает обонятельную расшифровку. Другие сегменты ничего не передают. Пятый служит для того, чтобы улавливать пахучие частицы троп, шестой – чтобы общаться в общем, седьмой – чтобы вести более сложное общение, восьмой – чтобы общаться только с королевой-маткой, откладывающей яйца. Наконец, последние три сегмента могут использоваться как маленькие булавки.

В свою очередь, 103 683-й прошупывает двенадцать разведчиков. Это молодые воины, всем по сто девяносто восемь дней от роду. Они близнецы и тем не менее совсем не походят друг на друга.

5-й на несколько секунд старше остальных. У него продолговатая голова, узкая грудь, удлиненные верхние челюсти, брюшко в форме палки, да и сам он весь вытянутый, движения его четкие и обдуманные. Задние лапы крупные, а передние, когтистые, длинные и широко расставленные.

6-й, его непосредственный брат, напротив, похож на шар: голова круглая, брюшко выгнутое, грудь выпуклая, а кончики усиков слегка закручены спиралью. 6-й судорожно подергивается и правой передней лапой то и дело чешет глаз, как будто он у него зудит.

7-й, с короткими верхними челюстями, утолщенными лапами и изящной походкой, безупречно чист. Его хитиновый панцирь так и сверкает на солнце. Движения его грациозны, и нижним краем брюха он выписывает на земле четкие зигзагообразные полосы, которые, впрочем, ни о чем не говорят.

8-й сплошь порос щетинками, включая лоб и верхние челюсти. Он крепкий, грузный и неуклюжий. Он пожевывает веточку и забавы ради изредка, ослабив верхние челюсти, вскидывает ее до кончиков усиков, а потом снова прихватывает верхними челюстями.

9-й, с круглой головой, треугольной грудью, квадратным брюшком, передвигается на цилиндрических лапах. У него недоразвитая, издырявленная медно-красная грудь. Зато красивые суставы – он это знает и постоянно поигрывает ими. Они слегка и мелодично поскрипывают, как хорошо смазанные шарниры.

10-й самый молодой. И едва похож на муравья. Однако у него очень длинные усики, благодаря чему он в отряде служит своего рода обонятельным локатором. Судя по беспрестанному движению сенсорных отростков, он довольно любопытен.

С наименьшим тщанием он обследует и остальных муравьев – 11-го, 12-го, 13-го, 14-го, 15-го и 16-го.

Покончив с этим делом, старый одинокий рыжий муравей обращается к 5-му. Он не только самый старший, но и усики у него сплошь липкие от обонятельных коммуникаций – признак повышенной общительности. А с болтунами всегда проще найти общий язык.

Двое насекомых соприкасаются усиками и ведут разговор.

103 683-й узнает, что эти двенадцать солдат принадлежат к новой военной подкасте элитных командос из Бел-о-кана. Их посылают как авангардный отряд за линию расположения неприятеля. В случае необходимости они вступают в бой с муравьями из других городов, а также охотятся на крупных хищников, например ящериц.

103 683-й спрашивает, что эти муравьи делают так далеко от родного муравейника. 5-й отвечает, что их послали в дальнюю разведку. Они уже несколько дней продвигаются на восток в поисках восточного конца света.

Для обитателей муравейника Бел-о-кан свет существовал и будет существовать всегда. Поскольку он ниоткуда не возник, а стало быть, никуда и не денется. По их представлениям, планета имеет кубообразную форму. Этот куб окружен снизу воздушной оболочкой, а сверху покровом из облаков. А выше все заполнено водой, которая иногда просачивается сквозь облака и выпадает в виде дождя.

Таковы их понятия о космогонии.

Обитатели Бел-о-кана считают, что они живут почти на самой восточной окраине света, и уже не одно тысячелетие отправляют экспедиции, чтобы определить его точное местоположение.

103 683-й сообщает, что он тоже белоканский муравей-разведчик. Что возвращается с востока. И что ему удалось добраться до края света.

Но эти двенадцать не верят ему, и тогда старый рыжий муравей предлагает им сойтись в кружок в расселине под корнем дерева и потереться друг о дружку усиками.

Таким образом он сможет поведать им историю своей жизни, и они узнают о его невероятном странствии к восточному концу света. А еще о губительной угрозе, нависающей над их городом.

18. Синдром червя

На капоте припаркованного перед домом лимузина хлопал черный флажок. В доме, наверху, заканчивались приготовления.

Все подходили к телу, чтобы в последний раз приложиться к руке усопшего.

Вслед за тем тело Гастона Пенсона переложили в большой полиэтиленовый мешок на застегивающейся молнии, заполненный шариками нафталина.

– А зачем нафталин? – спросила Жюли агента похоронной службы.

Мужчина в черном соорудил самую что ни на есть профессиональную мину.

– Чтобы уничтожить червей, – напыщенным тоном объяснил он. – Мертвое человеческое тело привлекает личинки мясных мух. К счастью, в наше время трупы можно от них уберечь с помощью нафталина.

– И значит, они уже не будут нас поедать?

– никоим образом, – заверил ее посмертных дел мастер. – Кроме того, гробы теперь обшивают цинком, и всякой живности внутрь уже не пробраться. Цинк не поддается даже термитам. Отца вашего предадут земле в лучшем виде, и он будет пребывать в таковом еще очень долго.

Мужчины в темных фуражках погрузили гроб в лимузин.

Траурная процессия проторчала не один час в пробках, среди изрыгающих выхлопные газы автомобилей, прежде чем наконец добралась до кладбища. Первым, в порядке очереди,

туда въехал лимузин-катафалк, потом машина с ближайшими родственниками, за нею следовали машины с дальней родней и друзьями покойного, а замыкали процессию автомобили с бывшими его сослуживцами.

Все были одеты в черное и всем своим видом выказывали скорбь.

Четверо могильщиков на плечах донесли гроб до открытой могилы.

Церемония прощания заняла немало времени. Люди пританцовывали, чтобы согреться, и перешептывались, говоря друг другу сообразно с обстоятельствами: «Какой выдающийся был человек!», «Как рано ушел из жизни!», «Какая потеря для юридической службы лесного ведомства!», «Это был святой человек, необыкновенной доброты и благородства», «Вместе с ним ушел несравненный знаток своего дела, рьяный защитник леса».

Потом наконец объявился священник – он тоже произнес приличествующие случаю слова: «И возвращается прах к праху... Сей муж и замечательный отец семейства служил всем нам примером... Память о нем навсегда останется в наших сердцах... Его все любили... и вот замкнулся круг, аминь!»

Теперь все сгрудились вокруг Жюли и ее матери, чтобы выразить им соболезнования.

Прибыл собственной персоной и префект Дюпейрон.

– Спасибо, что пришли, господин префект!

Впрочем, префекту, похоже, очень хотелось обратиться к дочери:

– Мои самые искренние соболезнования, мадемуазель! Для вас это, должно быть, ужасная утрата.

Подойдя к Жюли совсем близко, едва не касаясь ее, он шепнул ей на ухо:

– Принимая в расчет уважение, которое я питал к вашему отцу, должен сказать, что в нашей префектуре для вас всегда найдется место. Закончите юридический факультет, непременно загляните ко мне. Я подыщу вам достойную должность.

Вслед за тем высокопоставленный чиновник наконец сообразовал обратиться к матери:

– Я уже поручил одному из первоклассных наших сыщиков заняться расследованием таинственной смерти вашего мужа. Я имею в виду комиссара Линара. Он дока. С его помощью мы очень скоро все узнаем.

Затем он продолжал:

– Конечно, я разделяю ваше горе, но иногда бывает полезно отвлечься от скорбных дел. Так вот, по случаю побратания нашего города с японским Хачинохе в следующую субботу в парадном зале замка Фонтенбло состоится торжественный прием. Так что приходите и вы с дочерью. Я знал Гастона. И он был бы рад видеть вас не в печали.

Мать покачала головой, в то время как кто-то из собравшихся бросил на крышку гроба несколько сухоцветов.

Жюли подошла к краю разверзшейся могилы и прошептала сквозь зубы:

– Как жаль, что нам с тобой так и не удалось поговорить по душам. Но я точно знаю, в чем-то ты и впрямь был молодцом, папа...

Какое-то время она стояла, не сводя глаз с соснового гроба.

Она обкусала себе ноготь на большом пальце. Это было больнее. Кусая ногти, Жюли знала, когда остановиться, чтобы не делать себе больно. И в этом было ее счастье: причиняя себе боль, она контролировала ее, а не переносила.

– Жаль, что между нами столько препятствий, – сказала она под конец.

У гроба уже копошились изголодавшиеся личинки мясных мух – они проникли в могилу сквозь щели в бетоне и тыкались в цинковую обшивку. Они тоже думали: *«Жаль, что между нами столько препятствий»*.

19. Энциклопедия

ВСТРЕЧА ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. Когда встречаются две различные цивилизации, неизменно возникает щекотливая ситуация.

Но куда худшее могло случиться 10 августа 1818 года, когда капитан Джон Росс, начальник британской полярной экспедиции, встретился с обитателями Гренландии – иннуитами (иннуит означает «человек», а эскимос имеет уничижительное значение – «пожиратель сырой рыбы»). Иннуиты всегда считали себя единственными людьми на земле. Самый старый из них потряс палкой и показал знаком, чтобы чужаки убились восвояси.

Тогда Джону Сэкчюсу, переводчику из южных гренландцев, пришло в голову бросить к его ногам свой нож. Избавиться таким образом от оружия, швырнув его к ногам совершенно неведомых пришельцев! Этот поступок сбил с толку иннуитов – они схватили нож и принялись кричать, зажимая себе носы.

Джон Сэкчюс, собравшись с духом, тут же последовал их примеру. Опасная ситуация разрешилась сама собой. У вас вряд ли возникнет желание убить того, кто ведет себя так же, как вы.

Старик иннуит подошел к Сэкчюсу, ощупал его рубаху из хлопка и спросил, от какого зверя такой тонкий мех. Не успел толмач по мере своих сил ответить (смешанный язык Сэкчюса был близок к иннуитскому наречию), как другой туземец спросил его: «Вы откуда прибыли – с луны или с солнца?» Поскольку иннуиты считали себя единственными людьми на земле, они решили, что чужаки не иначе как свалились с неба.

Когда же Сэкчюсу наконец удалось убедить иннуитов, что перед ними британские офицеры, те поднялись на борт английского корабля и поначалу, увидев свинью, перепугались, а потом, поглядев на себя в зеркало, рассмеялись. Но куда больше позабавили их часы на переборке, причем настолько, что им даже стало любопытно, не съедобные ли они. Тогда иннуитам предложили отведать галет; они недоверчиво стали надкусывать их – и тут же с отвращением выплевывали. В конце концов в знак примирения они позвали шамана, и тот, воззвав к духам, попросил их снять злые чары со всего, что, по его разумению, было заколдовано на борту английского корабля.

На другой день Джон Росс водрузил на берегу Гренландии британский флаг и объявил своими все ее богатства. Иннуиты не придали этому большого значения, но уже через час они стали подданными британской короны. А спустя неделю их родина появилась на всех картах в том месте, где раньше обозначалась некая *terra incognita*.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

20. Страх свыше

Старый одинокий рыжий муравей рассказывает им о неведомых землях и о своих хождениях в этот чуждый мир. Двенадцать разведчиков с трудом верят своим ушам-усикам.

Все началось, когда 103 683-й, простой солдат, прохаживался по коридорам Запретного города Бел-о-Кана поблизости от царской ложи. И вдруг откуда ни возьмись выскочили два муравья с половыми признаками, самец и самка, и стали умолять его о помощи. Они уверяли, будто их карательная экспедиция была разгромлена подчистую каким-то секретным оружием, способным одним махом уничтожить дюжину воинов.

103 683-й провел собственное дознание и установил, что нападение совершили их исконные враги – муравьи-карлики из города Ши-га-Пу. Им объявили войну, но никакого сокрушительного оружия карлики в боях не применяли. Выходит, его у них не было.

Тогда было решено искать такое оружие у других заклятых врагов – термитов. Вместе с карательной экспедицией 103 683-й отправился в страну термитов на востоке. Но они не обнаружили там ничего, кроме города, уничтоженного ядовитым хлорным газом. И одной выжившей – ею оказалась королева термитов. Она утверждала, что причиной всех напастей, а их последнее время становилось все больше, были «гигантские чудища, стражи края света».

И вот 103 683-й выдвинулся на восток – за великую реку и, одолев тысячу извивов, добрался до пресловутого края света.

И первым делом установил, что мир имеет не кубическую форму и край света обрывается вовсе не в бездонную пропасть. По его заверениям, край света плоский. 103 683-й силится его описать. Он вспоминает темно-серый пояс, отдающий сильно затхлым запахом бензина. Стоит муравью подойти к нему слишком близко, как его миглом обращает в прах какая-то черная глыбина, провонявшая резиной. Многие муравьи пытались пробиться через этот пояс – и все как один погибли. Край света и впрямь плоский, но вместе с тем это пояс мгновенной смерти.

103 683-й уже собирался повернуть назад, как вдруг ему пришло в голову прорыть туннель под этим гиблым местом. Так он оказался за краем света и открыл необыкновенную землю, где жили те самые знаменитые звери-гиганты, хранители края света, о которых рассказывала королева термитов.

Рассказ приводит всех двенадцать разведчиков в изумление.

– Кто же они, эти звери-гиганты? – сгорая от любопытства, спрашивает 14-й.

103 683-й задумывается и затем выговаривает одно-единственное слово:

– *ПАЛЬЦЫ.*

И тут двенадцать воинов, привыкшие, однако, истреблять самых яростных хищников, все как один содрогаются и от неожиданности разрывают круг общения.

– *Пальцы?*

Для них это слово означает суший кошмар.

Какой муравей не знает жутких, одна страшнее другой, историй про Пальцев? Пальцы – это самые ужасные чудища из всего сущего. Одни говорят, что они всегда передвигаются стадами по пять особей. А другие уверяют, что они уничтожают муравьев просто так, безо всяких причин, даже не для того чтобы потом сожрать.

В лесном мире смерть всегда оправданна. Обитатели леса убивают друг дружку, чтобы съесть. Чтобы защищаться. Чтобы отхватить кусок чужой охотничьей территории. Чтобы захватить чье-либо обиталище. Но они, Пальцы, ведут себя совсем уж дико. Изничтожают муравьев... ни за что ни про что!

Вот почему Пальцы снискали себе в муравьином царстве славу полоумных зверюг с повадками, которые не привидятся даже в самом жутком кошмаре. Страшные истории про них знает каждый муравей.

Пальцы...

Иные муравьи уверяют, будто Пальцы вскрывают целые муравьиные города и топчут их, сокрушая на своем пути квартал за кварталом, откуда горохом высыпают насмерть перепуганные обитатели. Они разоряют даже ясли-кладки и, подбрасывая их, с постыдством глядят, как из них гроздьями вываливаются полураздавленные личинки.

Пальцы...

В Бел-о-кане рассказывают, что Пальцы никого не почитают, даже королев. И крушат все без разбору. Говорят, будто они незрячие и будто в отместку за свою слепоту они истребляют все подряд.

Пальцы...

Рассказчики говорят, что они похожи на огромные розовые шары без глаз и безо рта, без усиков и без лап. Эти громадные гладкие розовые шары обладают невероятной силой, они убивают всех, кто попадается им на пути, и ничего не едят.

Пальцы...

Поговаривают даже, что они отрывают одну за другой лапы у разведчиков, которые отваживаются подойти к ним слишком близко.

Пальцы...

Теперь уже никто не знает, что правда, а что выдумка. В муравьиных городах как их только не называют: «розовые шары-убийцы», «неминуемая смерть с небес», «великие злодеи», «розовый кошмар», «ужас пяти», «гладкие изверги», «опустошители городов», «чудовища»...

Пальцы...

А некоторые муравьи считают, что на самом деле их не существует и что все это страшилки кормилиц, которые пичкают ими личинок-скороспелок, стремящихся покинуть муравейник до срока.

Сидите лучше дома, мир снаружи велик и кишит Пальцами!

Кто не слышал это предостережение с младенчества? Кто не слышал легенды о великих воинах-героях, которые шли сражаться против Пальцев с голыми челюстями?

Пальцы...

Молодые воины содрогаются при одном лишь упоминании о них. Говорят также, что Пальцы срывают злобу только на муравьях. Однако их жертвами становится все живое. Они насаживают червей на кривые колючки, забрасывают их в реку и держат под водой, покуда великодушные рыбы не избавят их от мучений!

Пальцы...

Уверяют даже, что они могут в два счета свалить вековое дерево, и не одно. Утверждают также, что они отрывают у лягушек задние лапы, а самих лягушек, покалеченных, но еще живых, выбрасывают обратно в болото.

И если бы только это! Говорили, будто Пальцы распинают бабочек, протыкая их иголками. И бьют комаров на лету. Они сбивают птиц кругляшками, превращают ящериц в месиво и сдирают с белок шкуру. Они разоряют пчелиные ульи. И топят улинок в зеленой жиже, отдающей чесноком...

Двенадцать муравьев глядят во все глаза на 103 683-го. Между тем старый вояка заверяет, что подкрадывался к ним близко-близко и всегда оставался целехоньким.

Пальцы...

103 683-й продолжает. Они разбрелись по всему свету. И уже забрались в лес. И не считаться с ними больше нельзя.

5-й держится настороженно. И протягивает вперед усики:

– Тогда почему их не видно?

У старого рыжего муравья есть тому объяснение:

– Они такие большие и высокие, что их легко не заметить.

Двенадцать разведчиков цепенеют. А что, если этот старый муравей кормит их рассказами?..

Неужели Пальцы и впрямь существуют? Обонятельные усики обвисают: муравьям больше нечего сказать друг другу. Уму непостижимо! Должно быть, Пальцы и в самом деле существуют, а значит, скоро они захватят лес. Муравьи силятся представить себе край света и Пальцев, его стражей.

5-й спрашивает старого муравья-разведчика, зачем тот держит путь в Бел-о-Кан.

103 683-й хочет предупредить всех муравьев на земле, что Пальцы уже близко и что отныне все будет не так, как прежде. И ему стоит верить.

Он посылает в воздух самые весомые и убедительные пахучие частицы.

Пальцы существуют.

Он упорно повторяет свое. Надо предупредить весь мир. Муравьи должны знать: откуда-то с вышины, из-за облаков, за ними следят Пальцы, готовые сокрушить все и вся. Двенадцать разведчиков снова собираются в круг: 103 683-й должен им еще кое-что сообщить.

Потому что его рассказ на этом не заканчивается. Когда после первого невероятного путешествия он вернулся в Бел-о-кан, свой родной город, и поведал о своих приключениях новоиспеченной королеве, та всполошилась и решила отрядить в поход большое войско, дабы стереть Пальцев с лица земли.

Белоканцы мигом привели в боевую готовность армию из трех тысяч муравьев с наполненными кислотой брюшками. Но путь впереди был долгий – из трех тысяч воинов, отправившихся в поход, только пять сотен добрались до края света. Там-то и произошла памятная битва. Остатки достойного войска были смыты струями мыльной воды. 103 683-й был одним, если не единственным, из воинов, что уцелели.

Он думал вернуться в родной муравейник и сообщить собратьям дурную весть, но любопытство оказалось сильнее. Назад он так и не вернулся, а, одолев страх, подался напрямик на ту сторону края света – в страну гигантских Пальцев.

И он их видел.

Правительница Бел-о-Кана просчиталась. Трех тысяч воинов оказалось недостаточно, чтобы покончить со всеми Пальцами на свете, потому как их видимо-невидимо.

103 683-й описал мир, в котором они живут. На своей земле Пальцы подчистую изничтожили природу и заменили ее своими поделками – причудливыми штуковинами превосходной геометрической формы.

В стране Пальцев все, на что ни глянь, гладкое, холодное, геометрическое и мертвое.

Тут старый разведчик прерывает свой рассказ. Он ощущает вдалеке угрозу. И вместе с дюжиной собратьев мигом кидается в убежище. Кто бы это мог быть?

21. Психологика

В угоду пациенткам доктор превратил свой кабинет в художественный салон. Современные полотна, похожие на большие красные кляксы, как ни странно, удачно сочетались там со старинной мебелью красного же дерева. Посреди комнаты громоздилась тяжелая ваза эпохи Мин, тоже красная, – она как будто старалась удержать равновесие на шатком одноногом круглом столике из позолоченного металла.

Сюда-то мать Жюли и привела дочь, когда у нее случился первый приступ анорексии. Доктор незамедлительно заподозрил, что это у нее на сексуальной почве. Возможно, отец насиловал ее в детстве? Или, быть может, кто-нибудь из друзей семьи позволял себе кое-какие вольности? А может, ее в юном возрасте тискал учитель пения?

При мысли об этом у матери стало противно на душе. Она представила себе, как ее дочку лапает этот старикан. Стало быть, вот откуда ноги растут...

– Наверно, вы правы, потому что у нее наблюдается и другое расстройство, похожее на фобию. Она не выносит, когда к ней прикасаются.

Доктор сразу смекнул, что малышка пережила сильное психологическое потрясение, которое, как ему казалось, вряд ли было связано с тем, что она попросту прекратила заниматься пением.

На самом деле психотерапевт полагал, что в большинстве случаев его пациентки подвергались в детстве сексуальному насилию. Он был настолько в этом убежден, что, когда за болезненным состоянием ему не удавалось распознать явных признаков подобных травм, он

внушал своим пациенткам, что такая травма у них была. Таким образом, в дальнейшем ему было проще наблюдать за ними, тем более что они становились его клиентками на всю жизнь.

Когда мать позвонила ему, чтобы записаться на прием, он полюбопытствовал, нормально ли теперь питается ее дочь.

– Нет, не всегда, – отвечала мать. – Ест она через силу и решительно отказывается от всего, что близко или отдаленно напоминает мясо. По-моему, у нее опять началась анорексия, хотя сейчас она проявляется не так явно, как раньше.

– Это, конечно же, объясняет и причину ее аменореи.

– Аменореи?

– Ну да. Вы же сами рассказывали, что у вашей дочери в девятнадцать лет все еще не было месячных. А это, скорее всего, означает, что она отстает в развитии. Вероятно, вследствие этого она и ест мало. Аменорея зачастую бывает связана с анорексией. Тело живет своим собственным умом. Не станет же оно воспроизводить яйцеклетку, если чувствует, что впоследствии не сможет прокормить плод до его полного созревания, не так ли?

– Но почему она так себя ведет?

– Жюли представляет собой то, что на нашем жаргоне называется «комплексом Питера Пэна». Ей хочется оставаться в детском возрасте. И совсем не хочется взрослеть. Она надеется, что, если не будет есть, ее тело не будет расти и она навсегда останется маленькой.

– Понятно, – вздохнула мать. – Наверно, поэтому она хочет провалить экзамен на степень бакалавра.

– Конечно, ведь этот экзамен означает ступень во взрослую жизнь. В общем, Жюли вскидывается на дыбы, как ретивая лошадь, не желающая брать барьер, не так ли?

Секретарша сообщила по переговорному устройству, что пришла Жюли. Психотерапевт попросил пропустить ее.

Жюли пришла с псом Ахиллом. Она воспользовалась визитом к врачу, чтобы обычным порядком выгулять собаку.

– Как наши дела, Жюли? – полюбопытствовал психотерапевт.

Девушка воззрилась на крупного мужчину, покрытого, как всегда, легкой испариной, и на его редкую шевелюру, забранную на затылке в пучок.

– Жюли, я хочу тебе помочь, – твердым голосом заверил ее он. – Понимаю, ты глубоко переживаешь смерть отца. Но все девушки по натуре своей застенчивы, вот ты и боишься показать свою душевную боль. И все же ты должна ее показать, чтобы освободиться от нее. Иначе она будет разъедать тебя изнутри, как горькая желчь, и от этого тебе станет только больнее. Понимаешь, не так ли?

Молчание. На непроницаемом лице девушки никакого выражения.

Психотерапевт встал с кресла и обнял ее за плечи.

– Я хочу помочь тебе, Жюли, – повторил он. – Ты, кажется, чего-то боишься. И напоминаешь испугавшуюся темноты одинокую маленькую девочку, которую нужно успокоить. Это и есть моя работа. Задача моя в том, чтобы вернуть тебе веру в себя, избавив от страхов, и помочь выразить все лучшее, что в тебе есть, не так ли?

Едва заметным жестом Жюли показала Ахиллу, что в драгоценной китайской вазе спрятана кость. Пес поглядел на нее, моргнул в знак того, что вроде бы все понял, но в незнакомой обстановке шелохнуться не посмел.

– Жюли, мы здесь для того, чтобы распутать клубок загадок твоего прошлого. Мы рассмотрим один за другим все эпизоды из твоей жизни, даже те, которые, как тебе кажется, ты забыла. Я выслушаю тебя, и мы вместе подумаем, что нужно сделать, чтобы нарыв прорвался, и чем прижечь раны, не так ли?

Жюли продолжала украдкой науськивать пса. Ахилл смотрел то на Жюли, то на вазу, изо всех сил стараясь понять, что связывает хозяйку с этой штуковиной. Его собачий разум пребывал в полном замешательстве, поскольку он чувствовал – девушка требует, чтобы он сделал что-то очень важное.

Ахилл – ваза. Ваза – Ахилл. Какая тут связь? Больше всего Ахилла в его собачьей жизни сбивало с толку то, что он не улавливал связи между вещами и событиями в мире людей. К примеру, он долго не мог сообразить, как почтальон связан с почтовым ящиком. Почему этот двуногий запикивает в почтовый ящик какие-то бумажки? В конце концов пес смекнул, что этот чудак принимает почтовый ящик за зверушку, поедающую бумагу. Впрочем, все другие люди позволяли почтальону делать то же самое – наверное, из жалости.

Но чего сейчас хочет Жюли?

В сомнениях ирландский сеттер твякнул. Может, этого будет довольно, чтобы ублажить хозяйку?

Психотерапевт внимательно взглянул на сероглазую девушку.

– Жюли, я уточню две главные цели нашей совместной работы. Первым делом необходимо заставить тебя снова поверить в свои силы. Затем мне придется научить тебя послушанию. Доверие – акселератор личности, а послушание – тормоза. Научившись управляться с акселератором и тормозами, человек уже способен управлять своей судьбой и ехать без опаски по дороге жизни. Тебе ведь все понятно, Жюли, не так ли?

Жюли соблаговолила наконец посмотреть доктору прямо в глаза и резко проговорила:

– Плевать я хотела на ваши тормоза с акселератором. Психоанализ придумали только для того, чтобы помочь детишкам не повторять ошибок родителей, и все. По большому счету это срабатывает лишь в одном случае из ста. Хватит держать меня за дурочку. Я, как и вы, читала «Введение в психоанализ» Зигмунда Фрейда и хорошо знаю все эти ваши психологические штучки. Я страдаю не из-за того, что чего-то не знаю, а оттого, что знаю слишком много. Я прекрасно понимаю, что ваш мир устарел, что он погряз в мракобесии и заостенел. И ваша психотерапия не более чем способ глубокого погружения в мертвое прошлое. А я не люблю оглядываться назад и, когда сижу за рулем, не смотрю в зеркало заднего вида.

Доктор очень удивился. До сих пор Жюли вела себя тихо и все больше помалкивала. Ни одна из его пациенток не позволяла себе столь откровенных выпадов.

– Я не прошу тебя оглядываться назад, а хочу, чтобы ты взглянула на себя со стороны, не так ли?

– И глядеть на себя со стороны у меня нет желания. Когда сидишь за рулем, не смотришь на себя: если не хочешь попасть в аварию, лучше смотреть прямо и как можно дальше. По правде говоря, вас беспокоит, что я чересчур... прозорлива. Вот вы и вбили себе в голову, будто я ненормальная. Сдается мне, что вы сами больны, раз страдаете манией подчеркивать каждую свою фразу этим вашим «не так ли?».

Совершенно невозмутимо Жюли продолжала:

– А во что вы превратили свой кабинет! Сами придумали? Всю эту краснотищу – картины, мебель, вазы? Вам что, нравится кровь? А этот ваш дурацкий конский хвост – чтобы больше походить на женщину?

Специалист-психотерапевт аж отпрянул. И захлопал веками, точно защитными экранчиками. Никогда не конфликтовать с пациентками на своей территории было главным правилом в его профессии. Переходить в наступление, и быстро. А эта девица собралась вышибить его из седла, обратив против него его же собственное оружие. Должно быть, она и впрямь читала кое-что по психологии. Вся эта краснотища... наверняка это навяло на нее что-то определенное. А этот его конский хвост...

Ему хотелось снова овладеть собой, но его так называемая пациентка не дала ему опомниться.

– Впрочем, выбор профессии психотерапевта уже сам по себе симптом. Эдмонд Уэллс писал: «Посмотри, какую специальность выбрал себе врач, и поймешь, что с ним не так. Офтальмологи, как правило, все очкарики, у дерматологов частенько высыпают угри или псориаз, у эндокринологов бывает гормональный сбой, а психотерапевты...

– А кто такой Эдмонд Уэллс? – прервал ее доктор, на лету воспользовавшись возможностью перевести разговор на другую тему.

– Друг, который желает мне добра, – сухо ответила Жюли.

Психотерапевту понадобилось всего лишь мгновение, чтобы вернуть себе самообладание. У него была очень хорошо развита профессиональная реакция – снова вступить в игру он мог в любую минуту. В конце концов, эта девица всего лишь пациентка, а он – специалист.

– А все-таки? Эдмонд Уэллс... Он имеет какое-то отношение к Герберту Уэллсу, написавшему «Человека-невидимку»?

– Никакого. Мой Уэллс будет похлеще. Он написал живую, говорящую книгу.

Теперь доктор понял, как выйти из тупика. И приблизился к девушке.

– И о чем же он пишет в своей живой, говорящей книге, этот ваш господин Эдмонд Уэллс?

Он уже стоял так близко к Жюли, что она чувствовала его дыхание. А ей очень не нравилось, когда на нее кто-то дышал. Она нарочито отвернула голову в сторону. Дыхание доктора было резким, замешанным на отголосках запаха ментолового лосьона.

– Я так и думал. В вашей жизни определенно кто-то есть, он-то и верховодит вами и развращает вас. Так кто же такой Эдмонд Уэллс? Можешь показать его живую, говорящую книгу?

Психотерапевт постепенно стал путаться между «вы» и «ты», но ему все же удалось взять разговор в свои руки. Заметив это, Жюли отказалась от дальнейшей перепалки.

Доктор вытер пот со лба. Юная пациентка вела себя все более вызывающе и от этого казалась ему только красивее. Просто поразительная девица – замашки, как у двенадцатилетней девчонки, а гонора, как у тридцатилетней женщины, не говоря уже о странном пристрастии к книгам, что, впрочем, только прибавляло ей обаяния. Он пожирал ее глазами. Ему нравились непокорные. В ней очаровывало все: запах, глаза, грудь. Ему хотелось прикоснуться к ней, приласкать ее, но он не успел.

Юркая как форель, девушка ускользнула – и уже оказалась возле двери. Одарив его вызывающей улыбкой, она просунула руки в лямки рюкзака, предварительно убедившись, что «Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III» по-прежнему там, на месте.

И, хлопнув дверью, ушла.

Ахилл последовал за ней.

На улице она наградила пса пинком. Пусть знает – вазу эпохи Мин надо было раскокать, и сделать это надлежало сразу, как только она на нее показала.

22. Энциклопедия

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ СТРАТЕГИЯ. Логически мыслящий наблюдатель способен предвидеть любую стратегию человеческого поведения – для этого достаточно внедрить в процесс принятия решений алеаторный механизм. Например, положиться на волю случая при выборе направления следующей атаки.

Внедрение некоторого беспорядка в глобальную стратегию не только производит эффект неожиданности, но и, кроме того, дает возможность сохранить в тайне логику, которая служит основанием для принятия важных решений. Никто не может предсказать результат случайного выбора.

Конечно, во время войн не все военачальники осмеливаются положиться на капризную волю случая при выборе предстоящего маневра. Они доверяют своей смекалке. И все же риск – определенно самый лучший способ сбить с толку неприятеля, который будет думать, что его превзошли благодаря непостижимой логике. В замешательстве и растерянности он будет отвечать под давлением страха и, таким образом, станет вполне предсказуемым.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III.

23. Три необычных понятия

Выставив усики из убежища, 103 683-й и двенадцать его собратьев обнаруживают новоприбывших. Это муравьи-карлики из Ши-га-Пу. Они хоть и крохотные, зато злющие и чересчур воинственные.

Они все ближе. Почуяли запах белоканских разведчиков и готовятся к схватке. Вот только что они здесь делают, в такой далище от своего муравейника?

103 683-й думает, что их привело сюда то же, что и его новых товарищей, – любопытство. Карликам тоже хочется исследовать географические восточные пределы света. Он их пропускает.

Белоканцы снова располагаются кружком под корнем бука, соприкасаясь только кончиками усиков. И 103 683-й продолжает свой рассказ.

Итак, он оказался один-одинешенек в стране Пальцев. Там его ожидало одно открытие за другим. Сперва он повстречался с тараканами, уверявшими, будто они покорили Пальцев, так, что те каждый день одаривают их неисчислимыми подношениями в огромных зеленых чашах.

Вслед за тем 103 683-й побывал в обиталищах Пальцев. Конечно, это громадные жилища, и не только. Они твердые, как камень и имеют форму параллелепипедов. Пробриться сквозь стены таких жилищ невозможно. В каждом из них течет вода горячая и холодная, там гуляют сквозняки и полно всякой отравы.

Но это не самое удивительное. К счастью, 103 683-й повстречал одного Пальца, который не питал никакой вражды к муравьям. Это был какой-то невероятный Палец – он хотел наладить общение между этими двумя видами.

Этот самый Палец смастерил машину, позволяющую преобразовывать обонятельный язык муравьев в звуковой язык Пальцев. Он сам ее придумал и знал, как ею пользоваться.

14-й выходит из круга, образованного усиками.

Будет! С него хватит. Этот чужак уверяет, будто «разговаривал» с Пальцем! Его собратья соглашаются с ним: нет сомнений, 103 683-й тронулся умом.

103 683-й просит дослушать его без предубеждений.

5-й напоминает, что Пальцы разоряют города. Разговаривать с Пальцем все равно что водить дружбу со злейшим врагом муравьев и, вне всякого сомнения, самым грозным.

Его собратья покачивают усиками в знак согласия.

103 683-й возражает, говоря, что нужно неизменно стараться получше узнать своего врага, чтобы было легче его одолеть. Первый поход против Пальцев закончился резней потому, что муравьи, ничего не звавшие о Пальцах, имели о них лишь самое отдаленное представление.

Двенадцать разведчиков мнутя. Сказать по правде, им не хочется слушать продолжение рассказа старого одинокого рыжего муравья: уж больно невероятным он им кажется. Но у муравьев любопытство заложено в генах. И они снова собираются в круг.

103 683-й вспоминает свой разговор с «Пальцем, умеющим общаться». И благодаря его разъяснениям у него теперь есть что рассказать своим младшим собратьям! Муравьи судят о Пальцах исключительно по отросткам на концах их лап. Однако же Пальцы совсем не такие,

какими их воображают себе муравьи. Они в тысячу раз больше муравьев. И если муравьи не могут разглядеть у Пальцев ни рта, ни глаз, то лишь потому, что рот и глаза у них расположены так высоко, что муравьям их просто не видно.

Но как бы то ни было, у Пальцев точно имеются и рот, и глаза, и лапы. Правда, у них нет усиков, потому что они им без надобности. Меж собой они общаются с помощью органов слуха, а органы зрения позволяют им воспринимать окружающий мир.

Но это не единственные их особенности. Куда удивительнее другое: Пальцы держатся прямо и ровно на паре своих задних лап. Только на двух лапах! У них горячая кровь, и живут они сообществами в городах.

– *Сколько же их?*

– *Миллионы.*

5-й не верит своим ушам-усикам. Миллионы великанов – для эдакого несметного скопища, как ни крути, нужно много места, так почему же их не было видно раньше?

103 683-й объясняет, что земля гораздо больше, чем думают муравьи, и Пальцы большей частью живут далеко.

Пальцы совсем молодая разновидность животных. Муравьи живут на Земле сотни миллионов лет, а Пальцы – только три миллиона. Когда-то они были недоразвитые. И лишь совсем недавно, всего-то несколько тысяч лет назад, не больше, они открыли земледелие и животноводство, а после взялись строить города.

Однако же, хотя Пальцы – вид отсталый, они обладают огромным преимуществом перед всеми остальными обитателями планеты: у них на конечностях, которые они называют руками, имеется по пять пальцев – они могут щипать, хватать, резать, сжимать, давить. Такие возможности восполняют их телесные изъяны. Поскольку у них нет твердого панциря, они шьют себе одежду из обрывков сплетенных растительных волокон. За неимением режущих челюстей Пальцы пользуются ножами из минералов, которые они затачивают и отшлифовывают до тех пор, пока те не становятся острыми. Поскольку у них нет быстрых лап, они пользуются автомобилями – самодвижущимися гнездами, которые перемещаются с помощью реакции взаимодействия огня с углеводородом.

Двенадцать молодых муравьев с трудом верят словам старшего собрата.

«*С помощью своей «машины-переводчика» Пальцы наговорили ему всякой ерунды*», – подозревает 13-й.

В свою очередь, 6-й думает, что 103 683-й уже совсем старик и у него просто мутится разум. Он бредит, Пальцев нет, их придумали кормилицы, чтобы пугать куколок.

Тогда старый муравей просит, чтобы он лизнул отметину у него на лбу. Это особый знак – им пометили его Пальцы, чтобы потом его можно было узнать среди несметных полчищ муравьев, рассеявшихся по всей Земле.

То-то, торжествует 103 683-й. Это твердое липкое вещество – всего лишь одна из разновидностей секретных смол, которые умеют изготавливать Пальцы.

– *Они называют ее «лаком для ногтей», и она считается у них большой редкостью. Этой мазью они метят своих важных сородичей, которых особо почитают.*

Пользуясь столь убедительным доказательством того, что он много чего знает о Пальцах, 103 683-й собирается развить свой успех. Чтобы разобраться во всех перипетиях его приключения, настоятельно советует он, им придется поверить ему на слово.

Муравьиная публика вновь обращается в слух.

В своей стране великанов Пальцы ведут себя настолько чудно, что простому муравью этого не понять. Но из всего набора их странных представлений 103 683-го особенно поразили три понятия.

– *Юмор,*

– *искусство,*

– *любовь*, – уточняет он.

Юмор, объясняет он, – это нездоровая потребность иных Пальцев рассказывать друг дружке истории, которые вызывают у них нервные судороги и таким образом облегчают им жизнь. На самом деле он плохо себе представляет, как это действует. Его знакомый Палец рассказал ему пару-тройку таких «шутливых историй», но они на него никак не подействовали.

Искусство – это такая же необоримая потребность Пальцев делать всякие вещицы, которые кажутся им красивыми, хотя в них нет никакого проку. Они несъедобные, ни от чего не защищают и в обиходе совершенно бесполезны. Своими «руками» Пальцы мастерят штуковины разных форм, размазывают краски или же сливают воедино звуки, которые, как им кажется, ласкают слух. Все это тоже вызывает у них судороги и облегчает им жизнь.

– *А любовь?* – с нескрываемым любопытством вопрошает 10-й.

– *Любовь – это самая большая загадка.* Любовь – это когда Палец-самец начинает вести себя совсем уж чудно, и все ради того, чтобы склонить Пальца-самку к взаимному кормлению. Потому что у Пальцев взаимное кормление происходит не само собой. А иной раз они даже отказываются от него!

Отказываются от взаимного кормления... муравьи изумляются все больше. Разве можно отказаться от взаимных объятий? Разве можно отказать себе в удовольствии срыгивать пищу в рот ближнему своему?

Муравьиная публика теснее сжимается в круг, силясь все это понять.

По разумению 103 683-го, любовь точно так же вызывает у них судороги и облегчает им жизнь.

– *Это похоже на брачные игры*, – предполагает 16-й.

– Нет, *это совсем другое*, – возражает 103 683-й, но объяснить точнее не может, потому как думает, что и сам не все понимает. Впрочем, ему кажется, что это необыкновенное чувство насекомым неизвестно.

Муравьиный кружок начинает раскачиваться.

10-му хочется знать больше. Ему любопытно: что же такое любовь, юмор и искусство?

– Нам ничего не остается, как на деле узнать, что такое любовь, юмор и искусство, – отвечает 15-й.

16-му хочется определить месторасположение их царства хотя бы с помощью химических карт.

13-й говорит, что пора подниматься всем миром, собирать несметное войско из муравьев и зверей и всем скопом сокрушить этих чудовищ.

103 683-й качает головой. Истребить их всех подчистую не удастся. Куда проще было бы их... приручить.

– Приручить? – изумляются его собеседники.

– Ну да! Умеют же муравьи приручать всякую живность – вшей, щитовок!.. Так почему бы нам не заняться Пальцами? В конце концов, кормят же Пальцы тараканов. То, что удалось тараканам, можно воспроизвести и здесь, только в куда более широком масштабе.

103 683-й, общавшийся с Пальцами, считает, что они диковинные чудища, сеющие смерть. С ними необходимо наладить дипломатические отношения и сотрудничать – пусть Пальцы постигают знания муравьев, а муравьи взамен будут постигать знания Пальцев.

Он вернулся затем, чтобы предложить это всем своим сородичам. И двенадцать разведчиков должны его поддержать. Пускай всем муравьям будет трудно свыкнуться с такой мыслью, зато дело стоящее.

Разведчики недоумевают. Пожив среди диковинных чудищ, 103 683-й и впрямь помешался рассудком. Сотрудничать с Пальцами! Приручить их, как полчища каких-нибудь вшей!

С тем же успехом можно заключить союз и с самыми хищными обитателями леса – к примеру, с огромными ящерицами. Впрочем, муравьи не имеют обыкновения вступать в союзы

с кем попало. У них и меж собой иногда не получается договориться. Мир полон вражды. Каста восстает против касты, город – против города, округа – против округа, брат – против брата...

А этот ветхий разведчик с запятым лбом и помятым панцирем, побывавший за свою долгую жизнь не в одной переделке, предлагает заключить союз с... Пальцами! С этими громадинами, у которых не видно ни рта, ни глаз!

Надо же такое придумать!

103 683-й упорствует. Он снова и снова повторяет, что там, у себя, Пальцы, во всяком случае некоторые из них, хотят того же самого: договориться о взаимодействии с муравьями. Он уверяет, что нельзя презирать этих животных за то, что они другие и непостижимые.

– *Муравьям от этих громил только польза*, – уверяет он.

В конце концов Пальцам под силу в один миг свалить целое дерево и разрубить его на бревна. Из них могут получиться самые выгодные военные союзники. Если с ними объединиться, им можно подсказывать, на какие города следует напасть, и они разорят их в два счета.

Война была главной заботой муравьев – вне всякого сомнения. Памятуя об этом, старый рыжий муравей с еще большей настойчивостью продолжает:

– *Только представьте себе, какая у нас будет сила, если мы бросим в бой легион в сотню ручных Пальцев!*

Затаившиеся в расщелине под корнем бука разведчики прекрасно понимают, что настал решительный час в истории муравьев. Если этот старый вояка сумеет уломать их, значит, когда-нибудь он сможет убедить и весь муравейник. И тогда...

24. Волшебный бал в замке

Пальцы сплетаются. Кавалеры крепче обхватили дам.

Бал в замке Фонтенбло.

В честь братания Фонтенбло с японским городом Хашинохэ в историческом владении состоялся праздник. С обменом флагами, медалями и дарами. С народными танцами. И выступлением местных хоров. С представлением памятной доски: «ФОНТЕНБЛО – ХАШИНОХЭ: ГОРОДА-ПОБРАТИМЫ», – которая отныне будет вывешена при въезде в оба города.

Наконец перешли к дегустации японского саке и французской сливовой водки.

На главный двор все еще съезжались украшенные флажками обеих стран автомобили, из которых выходили запоздалые пары в парадных нарядах.

В бальный зал вошли Жюли с матерью, все так же облаченные в черное по случаю траура. Сероглазая девушка совсем не привыкла к подобной демонстрации роскоши.

Посреди ярко освещенного зала струнный оркестр играл вальс Штрауса, тут и там кружили пары, мужские черные смокинги перемежались с дамскими вечерними белыми платьями.

Туда-сюда сновали лакеи в ливреях с серебряными подносами, уставленными ровными рядами разноцветных пирожных птифур в бумажных корзиночках.

Музыканты поддали жару – грянул головокружительный финал «Прекрасного голубого Дуная». Пары вмиг превратились в черно-белые волчки, распространявшие кругом тяжелые ароматы.

Мэр выждал, когда наступит перерыв, и произнес речь. Сияя торжеством, он выразил удовлетворение по поводу того, что дорогой его сердцу Фонтенбло стал побратимом такого дружественного Хашинохэ. Воздав хвалы нерушимой японо-французской дружбе, он выразил надежду, что она будет крепнуть и впредь. Затем он перечислил всех присутствующих из числа важных особ: крупных промышленников, выдающихся университетских преподавателей, высокие военные чины и именитых артистов. Зал разразился громоподобными рукоплесканиями.

Мэр японского города произнес короткую ответную речь на тему взаимопонимания двух столь различных культур.

– Между тем нам, жителям Фонтенбло и Хашинохэ, посчастливилось жить в двух мирных городах на лоне природы, которая все хорошеет благодаря человеческим талантам, – заявил он.

После его вдохновенного выступления и очередных аплодисментов снова грянул вальс. На сей раз ради разнообразия танцоры договорились кружить против часовой стрелки.

Слышать друг друга в таком шуме практически невозможно. Жюли с матерью и Ахиллом примостились в углу стола, к ним подошел префект и приветствовал их. Он был в компании крупноватого светловолосого мужчины с огромными, чуть ли не во все лицо, голубыми глазами.

– Это окружной полицейский комиссар Максимилиан Линар, я вам про него рассказывал, – уточнил префект. – Он расследует дело о смерти вашего мужа. Вы можете целиком на него положиться. Он профессионал каких поискать. Преподает в полицейской школе Фонтенбло. Он живо установит, отчего умер Гастон.

Мужчина протянул руку. Обмен влажными рукопожатиями.

– Очень рад.

– Очень рада.

– Я тоже.

Не имея больше ничего прибавить, префект с комиссаром ретировались. Жюли с матерью издали любовались праздником, который был в полном разгаре.

– Вы танцуете, мадемуазель?

Молодой и довольно чопорный японец поклонился Жюли.

– Нет, благодарю, – ответила она.

Обескураженный столь лаконичным отказом, японец на мгновение замер в нерешительности, гадая, как следует поступать сообразно с французским этикетом в случае, если кавалеру отказывают во время официального мероприятия. Ему на выручку пришла мать девушки:

– Простите мою дочь. Мы в трауре. Во Франции черный цвет означает траур.

Испытав облегчение оттого, что лично он здесь ни при чем, и вместе с тем смутившись оттого, что допустил досадную промашку, молодой человек согнулся перед столом в три погибели.

– Простите за беспокойство. А у нас, в Японии, напротив, цвет траура – белый.

Префект решил придать вечеру пикантности и рассказал собравшейся вокруг него небольшой компании гостей анекдот:

– Пробивает эскимос лунку во льду. И опускает в нее леску с наживкой на крючке. Сидит и ждет, как вдруг откуда-то раздается громовой голос: «НЕТ ЗДЕСЬ НИКАКОЙ РЫБЫ!» Испугавшись, эскимос отходит чуть дальше и пробивает другую лунку. Опускает в нее леску с крючком на конце и опять ждет. И вновь раздается страшный, громовой голос: «И ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОЙ РЫБЫ!» Эскимос отходит еще дальше и пробивает третью лунку. И вновь раздается голос: «ГОВОРЮ ЖЕ, НЕТ ЗДЕСЬ НИКАКОЙ РЫБЫ!» Эскимос озирается по сторонам, но никого не замечает и, перепугавшись не на шутку, поднимает глаза к небу: «Кто со мной разговаривает? Это ты, Бог?» И тут могучий голос отвечает: «НЕТ, ЭТО ДИРЕКТОР КАТКА...»

Жиденький смех. Возгласы одобрения. Затем смех раскатывается волной – теперь уже смеются те, до кого смысл анекдота дошел с опозданием.

Японский посол рассказывает свой анекдот:

– Сидит за столом человек, открывает он ящик, достает зеркало и долго смотрится, думая, что видит в нем отражение своего отца. Жена, видя, что он крутит какую-то штуку в рамке и так и эдак, думает, что он любит фотографию своей любовницы. И вот как-то раз, после обеда, воспользовавшись тем, что мужа нет дома, она решает выяснить, что к чему. И

поглядеть, что за странную фотографию муж все время прячет от нее. Едва муж возвращается домой, она, сгорая от ревности, спрашивает: «Что это за отвратительная старуха изображена на фотографии, которую ты прячешь у себя в ящике?»

Снова взрыв веселья и учтивые смешки. И очередная волна смеха – смеются те, до кого и в этот раз смысл анекдота дошел с опозданием. Потом третья волна – смеются уже те, кому все подробно растолковали.

Префект Дюпейрон и японский посол, довольные произведенным впечатлением, начали перебирать в уме другие анекдоты. Но тут им стало ясно, что нелегко выбрать из них те, которые рассмешили бы и французов, и японцев: ведь анекдоты полны ссылок на культурные традиции, понятные только их носителям.

– Как, по-вашему, существует ли такой универсальный юмор, который способен рассмешить всех людей в мире? – спросил префект.

Тишина восстановилась лишь в ту минуту, когда метрдотель, позвонив в колокольчик, возвестил, что кушать подано и гости могут занимать места за столом. Официантки разложили перед каждым блюдом круглые хлебцы.

25. Энциклопедия

РЕЦЕПТ ХЛЕБА. Для тех, кто его позабыл.

Ингредиенты:

600 г муки

1 пачка сухих дрожжей

1 стакан воды

2 чайные ложки сахара

1 чайная ложка соли, немного масла

Высыпать дрожжи и сахар в воду и настаивать полчаса, пока не образуется густая сероватая пенная масса. Насыпать в миску муку, добавить соль, посередине проделать углубление и медленно слить в него вязкую жидкость. Сливая, помешивать. Затем накрыть миску и оставить так на четверть часа в теплом, защищенном от сквозняков месте. При температуре не больше 27 °С или чуть меньше. Тепло уничтожает дрожжи. Когда тесто поднимется, слегка размесить его вручную. И подождать еще полчаса, пока оно снова не поднимется. Затем поместить тесто в духовку или древесную печь и выпекать в течение часа. Если же под рукой нет ни духовки, ни печи, тесто можно выпекать на камнях под жарким солнцем.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

26. Угроза

103 683-й требует от своих спутников еще немного внимания. Он не все сказал. Ему нужно как можно скорее попасть в родной город, потому что Бел-о-кану угрожает страшная опасность.

Пальцы, с которыми он общался, большие умельцы. Они долго и упорно трудятся, чтобы изготовить все, что им нужно. Так, желая, чтобы он своими глазами увидел их мир, они сработали специально для него миниатюрный телевизор.

– *А что такое телевизор?* – спрашивает 16-й.

Старый муравей старается, чтобы его поняли. Он шевелит усиками, рисуя в воздухе квадрат. Телевизор – это такая коробка с усиком, который улавливает не запахи, а картинки – они витают в воздушном пространстве, окружающем мир, в котором живут Пальцы.

– *Выходит, и у Пальцев есть усики?* – удивляется 10-й.

– *Да, но это особенные усики, они предназначены не для ощущения. А только для того, чтобы улавливать картинки и звуки.*

Он объясняет, что эти картинки показывают все, что происходит в мире Пальцев. И отображают его вместе со всей необходимой информацией, которая помогает лучше понять то, что в нем происходит. 103 683-й понимает, что объяснить такое нелегко. Ему и тут следует верить на слово. Благодаря телевизору старый рыжий муравей, не сходя с места, смог увидеть и узнать все, что творится в мире Пальцев.

И вот как-то раз он увидел по телевизору, в одной местной телепередаче, белый плакат, торчавший аккурат в сотне шагов от великого белоканского муравейника.

Двенадцать воинов вскидывают усики.

103 683-й разъясняет: когда Пальцы устанавливают где-либо белые плакаты, это означает, что они собираются валить в этом месте деревья, разорять муравьиные города и давить все без разбору. Обычно белые плакаты возвещают о том, что Пальцы готовятся строить себе новое обиталище кубической формы. И пока они строят, кругом все превращается в гладкую, твердую, голую пустыню, посреди которой скоро возникает обиталище Пальцев.

И сейчас происходит нечто подобное. Нужно во что бы то ни стало предупредить белоканцев, до того как к ним придут разруха и гибель.

Двенадцать разведчиков призадумываются.

У муравьев нет ни вождей, ни иерархии, а стало быть, они не отдают и не получают приказы и никому не подчиняются. Каждый волен делать все, что ему хочется и когда хочется. Двенадцать воинов договариваются с трудом. Этот старый разведчик сообщил им, что их родной город в опасности. Тут и думать нечего. Они отказываются от своего намерения исследовать конец света и решают быстро вернуться в Бел-о-кан, чтобы предупредить своих собратьев об угрозе, что кроется за жутким «белым плакатом» Пальцев.

Вперед, на юго-запад!

Между тем, хотя все еще тепло, опускается ночь – выдвигаться в путь уже поздно. Самое время соснуть. Муравьи снова сходятся, складывают вместе лапки и усики и собираются в одну кучу, чтобы хотя бы еще несколько мгновений погреться друг о друга. Вслед за тем их усики почти одновременно и мягко опускаются – муравьи засыпают, и во сне им видится странный мир Пальцев, этих великанов, чьи головы теряются где-то в вышине, за макушками деревьев.

12-му снится, как они едят.

27. Разговоры про загадочную пирамиду начинаются

Балансируя подносами с яствами, появилась толпа официантов. Метрдотель пристально следил за их балетом, точно дирижер, руководящий оркестром короткими и резкими взмахами руки.

Каждое блюдо являло собой истинный шедевр кулинарного искусства.

Молочные поросята с застывшими улыбками и торчащими из пастей дивными красными помидорами лежали, скрючившись, меж горок картофеля с кислой капустой. Пухлые каплуны покоились совершенно вольготно, словно не ощущая ни малейших неудобств оттого, что они под завязку нафаршированы каштановым пюре. Целиком зажаренные телята, будто предлагая себя в дар, манили аппетитными филейными частями. Омары, сцепившись клешнями, сошлись в веселом хороводе среди соблазнительных фруктово-овощных салатов, сдобренных отливающим блеском майонезом.

Префект Дюпейрон вызвался произнести тост. С назидательным видом он достал свой «привычный листок с приветственно-братской речью», изрядно поистрепавшийся и пожелтев-

ший оттого, что ему уже не раз случалось обращаться к нему на многочисленных обедах с иностранными послами, и объявил:

– Я поднимаю свой бокал за дружбу между народами и взаимопонимание между людьми доброй воли во всех странах мира. Вы представляете для нас интерес, и я надеюсь, что точно такой же интерес представляем для вас и мы. Сколь бы разными ни были наши обычаи, традиции и технологии, я полагаю, что мы взаимно обогащаем друг друга, невзирая ни на какие различия...

Наконец стгоравшим от нетерпения гостям было дозволено сесть и сосредоточиться на своих тарелках.

За ужином снова представился случай обменяться шутками и анекдотами. Мэр Хашинохэ рассказал историю про одного из своих необыкновенных сограждан. Это был отшельник, безрукий от рождения, и всю свою жизнь он причесывался, прибегая к помощи ног. Его так и прозвали – «повелитель пальцев ног». Он так ловко управлялся с этими пальцами, что мог не только причесываться, но и стрелять из лука и даже чистить зубы.

История эта так заинтересовала публику, что всем захотелось узнать, а был ли он женат. Мэр Хашинохэ уверял, что нет; зато у этого самого «повелителя пальцев ног» была целая куча любовниц, и женщины были от него просто без ума, а почему – непонятно.

Не желая остаться в долгу, префект Дюпейрон заметил, что в городе Фонтенбло тоже имеются свои чудачки. Но самым странным из всех, бесспорно, был один чокнутый профессор по имени Эдмонд Уэллс. Этот, с позволения сказать, ученый все тщился убедить сограждан, что муравьи представляют собой параллельную цивилизацию и в интересах людей – общаться с ними на равных!

Сначала Жюли не поверила своим ушам, но префект совершенно четко произнес имя Эдмонда Уэллса. Она наклонилась вперед, чтобы не упустить ни одного его слова. Другие гости тоже придвинулись поближе к нему, чтобы дослушать историю про ученого, помешанного на муравьях. Довольный тем, что смог всецело завладеть вниманием публики, префект продолжал:

– Так вот, этот профессор Уэллс был настолько убежден в правоте своей навязчивой идеи, что даже связался с президентом республики и предложил ему создать... учредить... вы нипочем не догадаетесь, что именно! – Взвешивая каждое слово, он неспешно проговорил: – ...Муравьиное посольство. С муравьиным же посланником в нашей стране!

Последовало долгое молчание. Слушатели силились понять, как можно относиться сколь-нибудь серьезно к столь несуразной идее...

– И как только ему могла прийти в голову такая странная мысль? – спросила супруга японского посла.

Дюпейрон объяснил:

– Этот самый профессор Эдмонд Уэллс уверял, что изобрел машину, способную переводить язык муравьев на язык людей, и наоборот. Он думал, что таким образом можно было бы установить контакт между человеческой цивилизацией и мирмекейской.

– Что значит «мирмекейской»?

– По-гречески это значит «муравьиной».

– И что, с муравьями действительно можно общаться? – любопытствовала другая дама. Префект пожал плечами.

– Да что вы! По-моему, сей именитый ученый муж слишком усердно налегал на нашу замечательную водку местного разлива.

Вслед за тем он дал официантам знак снова наполнить бокалы.

За столом сидел директор одного конструкторского бюро, которому очень хотелось получать заказы и дотации от города. Пользуясь случаем, он решил привлечь к себе внимание членов муниципалитета. И встав со стула, произнес:

– Лично я слышал, что в производстве синтетических феромонов удалось достичь некоторых результатов. И теперь мы, кажется, можем сказать им пару слов: «Берегись!» и «Замной!» – в некотором смысле это два основных сигнала. Достаточно воспроизвести соответствующую молекулу. Это уже делают с 1991 года. Таким образом, нетрудно себе представить, что с тех пор какая-нибудь команда специалистов доработала эту технологию, пополнив первоначальный словарь новыми словами, а то и целыми фразами.

Серьезность высказанного замечания вызвала общее замешательство.

– Вы в этом уверены? – резко спросил префект.

– Я читал об этом в одном весьма серьезном научном журнале.

Жюли тоже об этом читала, но она не могла сослаться на свой первоисточник – «Энциклопедию Относительного и Абсолютного Знания».

Между тем инженер продолжал:

– Чтобы воспроизвести молекулы обонятельного языка муравьев, достаточно использовать два прибора: масс-спектрометр и хроматограф. Это простой молекулярный аналитический синтез. Фотокопирование запаха, можно сказать. Ведь феромоны муравьиного языка – это всего лишь запахи. С ними может управиться любой подмастерье парфюмера. Следом за тем мы с помощью компьютера связываем каждую пахучую молекулу со звуковым словом, и наоборот.

– Я слышал, что уже смогли расшифровать танцевальный язык пчел, а про обонятельный язык муравьев я ничего такого не слыхал, – заметил кто-то из гостей.

– Пчелы больше интересуют ученых потому, что они представляют для нас экономический интерес: они производят мед, а от муравьев людям нет никакой пользы – должно быть, поэтому нас и не интересовал их язык, – возразил инженер.

– А еще, должно быть, потому что на изучение муравьев деньги тратят разве только компании, которые производят... инсектициды, – заметила Жюли.

Установилось неловкое молчание, которое поспешил нарушить префект. В конце концов, его гости собрались в замке не для того, чтобы присутствовать на уроке энтомологии. Они приехали развлекаться, танцевать и угощаться. И префект перевел всеобщее внимание на комическую сторону предложения Эдмонда Уэллса.

– И все же вообразите картину: что, если открыть посольство муравьев в Париже? Лично я представляю себе такое очень хорошо: муравьишка во фраке и бабочке снует среди гостей на официальном приеме. «Кого мне объявлять? – спрашивает секретарь-администратор. – Посла муравьиного государства, – отвечает букашечка и протягивает ему крохотную визитку! – О, прошу прощения, – говорит, к примеру, посланница Гватемалы, – по-моему, я только что на вас наступила. – Знаю, я совсем новый посол муравьиного государства, уже четвертый по счету, на которого наступают с начала обеда!»

Шутка-экспромт вызвала всеобщий смех. Префект был доволен. Он снова привлек к себе взгляды присутствующих.

Вскоре смешки поутихли.

– Но... даже если допустить, что с муравьями можно договориться, какой нам интерес учреждать их посольство? – спросила жена японского посла.

Префект пригласил гостей подойти поближе, собираясь, очевидно, сообщить им что-то по секрету.

– Вы не поверите. Но тот малый, профессор Эдмонд Уэллс, уверял, что у муравьев есть мощная земная экономика и политика, – не чета нашей, но все же весьма внушительная, что ни говори.

Префект тщательно подбирал слова. Как будто его информация была столь значительна, что ему нужно было какое-то время, чтобы ее тщательно обдумать.

– В прошлом году группа этих «ненормальных муравьев», вступивших в сговор с тем ученым, связалась с министром науки и даже с президентом республики и обратилась к ним с просьбой учредить такое муравьиное посольство в мире людей. О, погодите, президент даже направил нам копию их обращения. Дайте-ка ее сюда, Антуан.

Секретарь префекта порылся в кейсе и протянул ему бумагу.

– Вы только послушайте, сейчас я вам прочту, – заявил префект.

И дождавшись тишины, он начал с пафосом читать:

«Уже пять тысяч лет мы живем одними и теми же представлениями: демократия, которую изобрели древние греки, математика, философия и логика – всему этому по меньшей мере три тысячи лет. Ничто не ново под луной. Ничто не ново постольку, поскольку человеческий разум работал одинаково во все времена. Кроме того, человеческий разум никогда не работал с полной отдачей, потому что его всегда сдерживали власть имущие, которые, боясь потерять свое высокое положение, препятствовали рождению новых представлений или идей. Вот почему неизменно возникают одни и те же распри, и причины их всегда одинаковы. Вот почему между поколениями всегда возникает недопонимание.

Муравьи предлагают нам новый взгляд на мир и образ мыслей. У них есть своеобразные земледелие, технологии и общественные предпочтения, которые помогут нам расширить наши горизонты. Муравьи нашли оригинальное решение задач, которые мы до сих пор так и не смогли решить. Например, они строят города на десятки миллионов жителей без опасных пригородов, без пробок и без проблем, связанных с безработицей. Идея муравьиного посольства – это способ наладить официальную связь между двумя самыми высокоразвитыми земными цивилизациями, которые с незапамятных времен пренебрегали друг другом.

Мы очень долго презирали друг друга. Мы очень долго боролись друг с другом. Пришло время нам, людям и муравьям, налаживать взаимодействие на равных началах».

После чтения наступила тишина. Затем префект тихонько усмехнулся, его примеру последовали некоторые гости, и вскоре робкие смешки переросли в общий гогот.

Смех смолк, только когда было подано основное блюдо – тушеный ягненок под сливочным соусом.

– Определенно, этот ваш Эдмонд Уэллс был малость не в себе! – заметила жена японского посла.

– Ну да, сумасшедший!

Жюли попросила, чтобы ей передали это обращение. Девушке хотелось изучить его более внимательно. Она долго размышляла над ним, словно собиралась выучить наизусть.

Гости уже приступили к десерту, когда префект потянул комиссара Максимилиана Линара за рукав и пригласил поговорить в сторонке, подальше от любопытных ушей. Когда они вдвоем отошли в безопасное место, он сообщил комиссару, что все эти японские промышленники слетелись сюда не только ради дружбы между народами. Они принадлежат к крупной финансовой группе, которая выразила желание построить гостиничный комплекс прямо в Фонтенблосском лесу. Комплекс должен располагаться на лоне пока еще не тронутой природы, среди вековых деревьев и по соседству с историческим замком – поэтому, как им кажется, он будет привлекать туристов со всего мира.

– Так ведь постановлением префекта Фонтенблоский лес объявлен природным заповедником, – удивился комиссар.

Дюпейрон пожал плечами.

– Разумеется, у нас здесь не Корсика и не Лазурный Берег, где подрядчики выжигают пустоши, чтобы потом все поделить на охраняемые земельные участки и пустить их в продажу. Но и нам приходится учитывать экономические соображения.

Поскольку Максимилиан Линар пребывал в недоумении, Дюпейрон убедительным тоном уточнил:

– Вам ли не знать, что число безработных у нас в округе весьма велико. А безработица таит в себе угрозу безопасности. И влечет за собой кризис. Наши гостиницы закрываются одна за другой. Наш округ умирает. Если мы и дальше будем сидеть сложа руки, наша молодежь покинет здешние края и нам не хватит местных налогов, чтобы поддерживать школы, административные учреждения и полицию.

Комиссар Линар размышлял, к чему клонит Дюпейрон, адресуя свою короткую речь только ему одному.

– И что же вы хотите от меня?

Префект передал ему пирожок с малиной.

– Как у вас продвигается расследование смерти начальника юридической службы лесного ведомства Гастона Пенсона?

– Это странное дело. Я потребовал, чтобы судебно-медицинская служба провела вскрытие, – ответил полицейский, принимая десерт.

– В вашем предварительном отчете я читал, что тело было обнаружено рядом с бетонной пирамидой примерно трехметровой высоты, которую раньше никто не замечал, потому что она была скрыта под большими деревьями.

– Верно. Ну так что же?

– Так вот! Выходит, в нашем округе есть люди, которым наплевать на запрет заниматься строительством в охраняемом природном заповеднике. Они строили со спокойной душой, благо все смотрели на этот произвол сквозь пальцы, и наши друзья, японские инвесторы, наверняка считают сей факт любопытным прецедентом. Так что вам известно об этой пирамиде?

– Почти ничего, если не считать, что в кадастре она не значится.

– А нужно во что бы то ни стало разузнать как можно больше, – настоятельно заметил префект. – Вам ничто не мешает заниматься расследованием смерти Пенсона и одновременно делом о строительстве этой загадочной пирамиды. Определенно, эти два случая как-то связаны.

Тон префекта не допускал возражений. Их беседу прервал проситель, который хотел, чтобы префект помог с местом в яслях для его ребенка.

Покончив с десертом, гости снова пустились танцевать.

Было уже поздно, и Жюли с матерью решили откланяться. Заметив, что мать и дочь уходят, комиссар Линар вызвался их проводить.

Лакей подал им пальто. Линар вручил ему монетку. Выйдя на крыльцо, они стали ждать, когда водитель комиссара подгонит к подъезду его служебную машину, и тут Дюпейрон шепнул ему на ухо:

– Правда, меня очень интересует эта загадочная пирамида. Вы поняли?

28. Урок математики

– Да, мадам.

– В таком случае, если вам все понятно, повторите вопрос.

– Как из шести спичек составить четыре одинаковых равносторонних треугольника?

– Хорошо. Выходите на кафедру и отвечайте.

Жюли встала из-за парты и направилась к классной доске. Она понятия не имела, какой ответ от нее ждет учительница математики. Дама нависала над нею всей своей массой.

Жюли растерянно огляделась по сторонам. Класс насмешливо косился на нее. Остальные ученики, несомненно, знали, как решить непостижимую для нее задачу.

Она обвела взглядом класс в надежде, что кто-нибудь придет ей на выручку.

Равнодушные ухмылки на лицах одноклассников перемежались с выражением жалости и облегчения: ведь на ее месте мог оказаться любой из учеников.

В первом ряду восседали прилежные папенькины сынки, отличники. За ними сидели те, кто им завидовал и был готов их слушаться во всем. Дальше размещались «недотянувшие» середнячки, жалкие трудяги, которым, хотя они и лезли из кожи вон, больших успехов в учебе не светило. Наконец, в самой глубине класса, поближе к батарее, располагались маргиналы.

Были среди последних и Семь Гномов, называвшие себя так в честь рок-группы, которую они сами же и сколотили. Эта «семерка» держалась особняком от остального класса.

– Итак, каков же ваш ответ? – настойчиво спросила учительница.

Один из Семи Гномов делал ей какие-то знаки. Он сцеплял и расцеплял пальцы, как бы составляя фигуру, вот только какую – ей было невдомек.

– Послушайте, мадемуазель Пенсон, я понимаю, вы глубоко потрясены смертью отца, но это никоим образом не влияет на законы математики, которые правят миром. Повторяю: шесть спичек образуют четыре одинаковых равносторонних треугольника при условии... если их расположить как? Постарайтесь думать как-нибудь иначе. Включите воображение. Шесть спичек, четыре треугольника, если их расположить...

Жюли сощурила свои светло-серые глаза. Что же это за фигура такая? Теперь паренек что-то тщательно выговаривал по слогам. Она силилась прочитать по его губам. Пи... ро... нид...

– Пиронид, – сказала она.

Класс дружно расхохотался. Подсказчик скорчил гримасу отчаяния.

– Вы неверно истолковали подсказку, – объявила учительница. – Не «пиронид». А пи-ра-ми-да. Эта фигура олицетворяет третье измерение. И означает открытие объемности. Она напоминает нам, что мир во всей полноте можно познать не через плоскость, а через объем. Не правда ли... Давид?

Она в два счета оказалась в глубине класса, возле вышеупомянутого ученика.

– Учтите, Давид, в жизни можно жульничать до тех пор, пока вас не схватят за руку. От меня не ускользнула ни одна из ваших ужимок. Садитесь на место, мадемуазель.

Вслед за тем она вывела на доске: время.

– Сегодня мы изучали третье измерение. Объемность. А завтра мы поговорим о четвертом измерении – времени. У понятия времени также есть свое место в математике. То, что где-то, когда-то и как-то произошло в прошлом, влияет и на будущее. Так, например, завтра я могла бы вас спросить: «Почему Жюли Пенсон схватила единицу и при каких обстоятельствах и когда она схватит очередную единицу?»

По первым рядам прокатился довольный смешок. Жюли встала.

– Сядьте, Жюли. Я не просила вас встать.

– Нет уж, я лучше постою. Мне нужно вам кое-что сказать.

– По поводу единицы? – усмехнулась учительница. – Поздновато спохватились. Единица уже красуется в вашем дневнике.

Жюли воззрилась на учительницу математики глазами цвета серого металла.

– Вы сказали, что важно думать иначе, но вы-то сами всегда думаете одинаково.

– Я бы просила вас вести себя прилично, мадемуазель Пенсон.

– А я веду себя вполне прилично. Только вы учите нас тому, что в жизни не имеет никакого практического применения. Вы просто пытаетесь запудрить нам мозги, сделать их покладистыми. Если втемашить себе в голову ваши рассказы про окружности и треугольники, можно допустить все что угодно.

– Вы сейчас стараетесь заработать себе вторую единицу, мадемуазель Пенсон?

Жюли пожала плечами, подхватила рюкзачок, направилась к двери и хлопнула ею под всеобщий гул удивления.

29. Энциклопедия

СКОРБЬ МЛАДЕНЦА. В восьмимесячном возрасте младенец испытывает особое состояние тревоги, которое педиатры называют скорбью младенца. Всякий раз, когда мать от него уходит, ему кажется, что она больше не вернется. Подобный страх порой вызывает у него приступы плача и симптомы тревоги. Даже когда мать возвращается к нему, он не перестает тревожиться, потому что боится, что она опять может уйти. Именно в этом возрасте младенец понимает, что в этом мире происходят вещи, которые ему неподвластны. «Скорбь младенца» объясняется тем, что младенец постепенно осознает свою независимость от окружающего мира. Беда в том, что его «я» противоречит всему, что его окружает. Младенец не всегда бывает крепко связан со своей мамой, а стало быть, он может оставаться один или вступать в контакт с «чужаками, не похожими на его маму» (чужаками считаются все, кто не приходится ему мамой или, на худой конец, папой).

Только в возрасте полутора лет младенец наконец начинает мириться с тем, что мать может время от времени исчезать из его поля зрения.

Почти все прочие тревоги, вытекающие из пережитого им первого опыта отчаяния, как то: страх одиночества, страх утраты дорогого человека, страх перед чужаками и т. п. – человек познает позже, и подобный процесс познания продолжается до самой его старости.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

30. Панорамная картина

Холодно, но страх перед неведомым придает им сил. Поутру двенадцать разведчиков и старый муравей отправляются в путь. Надобно спешно передвигаться по тропкам и дорожкам, чтобы предупредить родной город об угрозе белого плаката.

Они добираются до скалы, нависающей над долиной. И останавливаются, чтобы восхититься открывшейся перед ними картиной и отыскать удобный спуск.

Зрительное восприятие у муравьев не такое, как у млекопитающих. Каждое глазное яблоко у них состоит из целого лабиринта канальцев, образованных, в свою очередь, множеством оптических линз. Муравьи видят не четкое неподвижное изображение, а череду размытых бликов, которые благодаря своему количеству в конце концов складываются в четкую картинку. Таким образом, они хуже различают детали, но куда лучше улавливают малейшее движение.

Глядя слева направо, разведчики различают на юге темные торфяники, над которыми кружат красновато-коричневые, с золотистым отливом мухи и дерзкие слепни; потом огромные изумрудные скалы, сплошь поросшие цветами, желтый луг посреди северных земель и заросший орляком темный лес – обиталище неугомонных зябликов.

Теплый воздух поднимает ввысь мошкарку – и на нее тут же кидаются отливающие сине-зеленым блеском зяблики.

Что касается цветового спектра, муравьи и тут обладают особой чувствительностью. Они хорошо видят ультрафиолетовую область спектра и несколько хуже – оттенки красного цвета. Улавливая ультрафиолетовые лучи, они распознают в траве цветы и насекомых. Муравьи различают на цветах даже линии, которые служат пчелам-сборщицам своего рода посадочными полосами.

Сперва картинки, потом запахи. Разведчики шевелят обонятельными усиками-локаторами со скоростью 8000 колебаний в секунду, чтобы лучше ощущать окружающие запахи. Вращая передними лапками, они обнаруживают далекую дичь и близких хищников. Они улавливают испарения, исходящие от деревьев и земли. Земля для них обладает довольно тяжелым и вместе с тем сладковатым запахом. Притом что на вкус она едко-соленая.

10-й, у которого самые длинные усики, встает на четыре задние лапки – так лучше улавливаются феромоны. Товарищи, обступив его со всех сторон, прощупывают своими более короткими усиками роскошную обонятельную обстановку, которая простирается кругом.

Муравьям хотелось бы добраться до Бел-о-Кана кратчайшей дорогой, минуя благоухающие вдали кустистые колокольчики, над которыми порхают тучи бабочек-адмиралов, помахивающих крылышками с непомерно большими круглыми глазками. Но 16-й, как специалист по химической картографии, предупреждает, что те края кишат пауками-скакунами и носатыми змеями. Кроме того, там повсюду шныряют полчища кочевых муравьев-каннибалов, и даже если отряду разведчиков удастся преодолеть те опасные места верхом – по ветвям деревьев, их наверняка схватят муравьи-рабовладельцы, которых муравьи-карлики оттеснили на север. 5-й считает, что им лучше спуститься вниз по правому склону скалы.

103 683-й внимательно все выслушивает. С тех пор как он покинул федерацию, произошло немало политических событий. Он спрашивает, что представляет собой новая королева Бел-о-Кана. 5-й отвечает, что у нее маленькое брюшко. Подобно всем градоправительницам, ее величают Бело-киу-киуни, однако ж величием своим она уступает властительницам былых времен. После прошлогодних напастей в муравейнике не хватает особей с половыми признаками. Поэтому, чтобы оплодотворенная королева могла потом выжить, спаривалась она не в брачном полете, а в замкнутом пространстве.

103 683-й замечает, что 5-й как будто не очень-то жалуется эту новоиспеченную производительницу, но, в конце концов, ни один муравей не обязан почитать свою королеву, даже собственную мать.

С помощью клейких подошвенных подушечек солдаты спускаются почти по отвесной скале.

31. Максимилиан отмечает свой день рождения

Комиссар Максимилиан Линар был счастливым человеком. У него была очаровательная жена, которую звали Сцинтия, и прелестная тринадцатилетняя дочурка Маргарита. Жил он в прекрасном загородном доме и вполне наслаждался двумя вещами, олицетворявшими благополучие, – большим аквариумом и широким и высоким камином. В свои сорок четыре года он, казалось, добился всего. Будучи отличником в учебе, увешанным дипломами, он гордился своей карьерой. Он сделал немало добра для людей, обращавшихся к нему за помощью в бытность его преподавателем полицейской школы Фонтенбло. Начальство доверяло ему и не совало нос в его следственные дела. С недавних пор он даже стал интересоваться политикой. Он входил в ближний круг префекта, который ценил его, ко всему прочему, и как партнера по теннису.

Вернувшись домой, он бросил шляпу на вешалку и снял пиджак.

Его дочь смотрела в гостиной телевизор. Откинув назад светлые косички, она едва заметно тянулась мордашкой к экрану. В это самое мгновение, как и у примерно трех миллиардов других людей, у нее на лице, прильнувшем к мигающим телевизионным картинкам, играли синеватые блики. Держа в руках пульт, она нажимала то на одну кнопку, то на другую в поисках подходящей программы, которую ей все никак не удавалось найти.

67-й канал. Документальное кино. Хитроумные ухаживания у заирских шимпанзе-бонобо привлекли внимание зоологов. Самцы вступают друг с другом в поединки, ору-

дую своими эрегированными половыми членами как шпагами. Однако вне подобных поединков бонобо меж собой никогда не ссорятся. Больше того: обезьянам этого вида, похоже, удается избегать сексуального насилия.

46-й канал. Социальная проблематика. Забастовка работников уборочной службы дорожно-уличной сети. Мусорщики вновь приступят к уборке мусора не раньше чем будут удовлетворены их требования. А требуют они перерасчета заработной платы и пенсии.

45-й канал. Эротическое кино. «Да. Ах-ах-а-а-а, ах, ох-ах, а-а-ах, о-о-ох, ох, нет! О да! ДА! Еще, еще... Ох-ах-ах... нет, нет, вот так, да, да-а».

110-й канал. Новости. Последние известия. Кровавая бойня в детском саду, возле которого был припаркован заминированный автомобиль. На этот час число жертв составляет девятнадцать убитых и семь раненых среди детей и двое убитых среди педагогического состава. Для нанесения наибольшего поражения всем, кто находился во дворе детского сада, взрывное устройство было начинено гвоздями и болтами. В послании, направленном в газеты, говорится, что ответственность за теракт взяла на себя группировка так называемых «В.И.» – «Всемирных исламистов». В тексте послания уточняется, что, убив как можно больше неверных, члены этой группировки непременно попадут в рай. Министр внутренних дел призывает население сохранять спокойствие.

345-й канал. Развлечения. Программа «Шутка дня». А теперь послушайте короткий обыденный анекдот, который вы с таким же успехом сможете рассказать своим друзьям: один ученый изучает полет мух. Отрывает он у мухи лапку и говорит мухе: «Давай лети!» Но тут он видит, что муха прекрасно летает и без лапки. Тогда он отрывает у нее другую лапку и говорит: «Давай лети!» И снова муха полетела. Тогда он отрывает у нее крылышко и повторяет: «Давай лети!» И тут видит, что муха уже не может летать. Тогда он берет записную книжку и записывает: «Если у мухи оторвать крылышко, она становится глухой».

Маргарита запомнила анекдот. Но поскольку его одновременно с ней услышало тьма народу, она тут же смекнула, что вряд ли сможет его кому-то рассказать.

201-й канал. Музыкальный. Новый клип певицы Александрины: «...мир – любовь, любовь навек, любо-о-овь, люблю тебя, на свете есть только...»

622-й канал. Игровой.

Маргарита подалась вперед и отложила пульт в сторону. Ей очень нравилась эта телевизионная игра – «Головоломка», где нужно было разгадывать логические загадки. По ее мнению, это самая приличная телепрограмма. Ведущий поприветствовал гостей в студии, которые ответили ему бурными аплодисментами, и уступил место достаточно пожилой пухленькой даме в нейлоновом платье в цветочек. Дама как будто терялась за большущими роговыми очками.

Ведущий сверкнул ослепительной белизны зубами. И, взяв в руку микрофон, сказал:

– Итак, мадам Рамирес, предлагаю вам нашу новую загадку: располагая все теми же шестью спичками, смогли бы вы сложить из них уже не четыре и не шесть, а ВОСЕМЬ одинаковых равносторонних треугольников?

– По-моему, мы каждый раз прибавляем новое измерение, – вздохнула Жюльетта Рамирес. – Сперва надо было открыть третье измерение, потом соединить взаимодополняющие элементы и вот теперь...

– Третий шаг, – прервал ее ведущий. – Вам придется сделать третий шаг. Но мы полагаемся на вас, мадам Рамирес. Ведь вы чемпионка чемпионок «Голово...»

– ...ломки», – в один голос подхватила публика в студии.

Мадам Рамирес попросила принести ей шесть спичек. Ей незамедлительно вручили шесть тонких и очень длинных красных палочек, чтобы гости в студии и телезрители не упустили из виду ни одну ее манипуляцию, как будто у нее в руках были обыкновенные шведские спички.

Она попросила подсказку. Ведущий распечатал конверт и прочитал:

– Первая фраза, которая вам поможет, звучит так: «Необходимо расширить поле своего сознания».

Комиссар Линар прислушивался к телевизору одним ухом, как вдруг его взгляд упал на аквариум. Там, на поверхности, брюхом кверху плавали мертвые рыбки.

Неужто он их перекормил? Если только они не пали жертвами собственных междоусобиц. Сильные уничтожали слабых. Шустрые уничтожали нерасторопных. В замкнутом мире стеклянной клетки правил дарвинизм особого рода: выживали только самые злющие и боевитые.

Пользуясь тем, что его рука была уже в воде, он опустил ее глубже и поправил лежавший на дне аквариума игрушечный пиратский кораблик и горстку пластмассовых морских растений. В конце концов, рыбки, может быть, слишком всерьез воспринимают все это опереточное убранство.

Полицейский заметил, что сломался фильтрующий насос. Он очистил пальцами губки от экскрементов. «Двадцать пять гуппи – а сколько от них грязи!» Он подлил в аквариум воды из-под крана.

Потом подсыпал корма оставшимся в живых рыбкам, проверил температуру воды в резервуаре и попрощался с его обитательницами.

А между тем рыбки в аквариуме не обращали никакого внимания на труды хозяина. Им было невдомек, зачем пальцы вытащили трупы гуппи, хотя те оказались в самом подходящем месте, где они живо разложились бы и их размягченную плоть было бы легче обглодать. Рыбки даже не могли поесть собственные экскременты, потому что их мгновенно засасывал насос. Самые разумные обитательницы аквариума уже давно размышляли о смысле своей жизни – и все никак не могли взять в толк, каким таким чудесным образом корм изо дня в день возникает на поверхности воды и почему он даже не колыхнется.

Две холодные ручонки прикрыли Максимилиану глаза.

– С днем рождения, папа!

– Я совсем забыл, что он у меня сегодня, – сказал Максимилиан, обнимая жену и дочку.

– А вот мы не забыли! И кое-что приготовили – тебе понравится, – объявила Маргарита.

Она покачала шоколадным тортом с орешками, украшенным частоколом горящих свечей.

– Мы перерыли все ящики и нашли только сорок две штуки, – заметила она.

Он одним выдохом задул все свечи и положил себе кусочек торта.

– А еще мы купили тебе подарок!

Жена передала ему коробку. Он проглотил последний шоколадный ломтик, открыл коробку – и увидел ноутбук последнего поколения.

– Какая замечательная штука! – восхитился он.

– Я выбрала модель полегче, скоростную и с огромной емкостью памяти, – подчеркнула жена. – Думаю, ты рад.

– Ну конечно. Спасибо, дорогие мои!

До сих пор Максимилиан довольствовался громоздким компьютером в своем рабочем кабинете, однако он пользовался им только для того, чтобы редактировать служебные бумаги и вести бухгалтерию. Теперь же, с таким ноутбуком, он наконец сможет опробовать все возможности информационных технологий, не выходя из дома. Жена угадала с подарком – удружила так удружила!

Дочь заявила, что у нее тоже есть подарок. Она купила для ноутбука компьютерную игру под названием «Эволюция». «Создайте виртуальную цивилизацию и управляйте миром как бог», – гласила реклама.

– Ты так много времени тратишь на свой аквариум с гуппи, – сказала Маргарита, – что я подумала, тебе больше понравится управлять целым миром, хоть и виртуальным, с людьми, городами, войнами – в общем, со всем таким прочим!

– О, чтобы я еще и играл!.. – удивился он и, тем не менее, поцеловал дарительницу, чтобы ее не огорчать.

Она вставила в ноутбук компакт-диск и, как могла, постаралась объяснить правила только-только появившейся на рынке новомодной игры, представлявшей собой последнюю разработку в области информационных технологий. На мониторе высветилась широкая равнина, где игроку, перенесенному в 5000-й год до Р. Х., предстояло обосноваться со своим племенем. Дальше ему надлежало обустроить там поселение, обнести его изгородью, потом расширить охотничьи угодья, построить другие поселения, завоевать соседние племена, заняться научными изысканиями и художественными промыслами, проложить дороги, развить земледелие и преобразовать деревни в города, чтобы племя сформировалось в жизнеспособную и быстро развивающуюся нацию.

– Вместо того чтобы забавляться с двадцатью пятью рыбешками, ты будешь повелевать сотнями тысяч людей, пусть и виртуальных. Ну как, нравится?

– Конечно, – проговорил полицейский не очень уверенно, но с твердым намерением оправдать ожидания дочери.

32. Энциклопедия

ОБЩЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ. В тринадцатом веке император Фридрих II решил проделать опыт, желая знать, каков «естественный» язык человека. Он поместил шестерых младенцев в ясли и наказал нянькам кормить их, укладывать спать, купать и, самое главное... ни в коем разе не разговаривать с ними. Так Фридрих II надеялся выяснить, на каком языке эти младенцы будут разговаривать естественным образом, «без вмешательства извне». Он полагал, что это будет греческий или латынь, потому как считал их праязыками. Однако опыт не дал ожидаемого результата. Ни один младенец вообще не заговорил ни на каком языке – больше того, все шестеро зачахли и, в конце концов, умерли. Чтобы выжить, младенцам необходимо общение. Молока и сна явно недостаточно. В жизни столь же необходимо общение.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

33. Сеноеды, трипсы и нарывники

Скала – это совершенно особый растительный и животный мир. Спускаясь по скальному отвесу, двенадцать молодых разведчиков и старый вояка попадают в неведомый мир. За крутой откос цепляются розовые гвоздики с красноватыми чашечками, едкие седумы с мясистыми листьями и резким запахом, горечавки с длинными синими лепестками, кровельные молодила с остроконечными лепестками и скученными листьями.

Тринадцать муравьев ползут вниз по песчаниковой стене, удерживаясь на ней с помощью клейких подушечек на лапках.

За большущим камнем муравьиный отряд вдруг натывается на стаю сеноедов. У этих маленьких насекомых, представляющих собой разновидность каменных клещей, сложные и довольно выпуклые глаза, грызущий ротовой аппарат и до того тонкие усики, что с первого взгляда их даже не заметишь.

Сеноеды жадно обгладывают желтые водоросли, растущие прямо на скале, и не замечают муравьев. Оно и понятно: муравьи-скалолазы – большая редкость в здешнем краю. Сеноеды

до сих пор считали, что в их вертикальном мирке им вряд ли что угрожает; но уж коли муравьи стали лазать по скалам, стало быть, их безмятежной жизни пришел конец!

Недолго думая, они убираются прочь.

Несмотря на преклонный возраст, 103 683-й умудряется пару раз метко плюнуть кислотой в разбегающихся сеноедов. Товарищи поздравляют его. Для своих лет он чертовски ловок.

Поедая сраженных сеноедов, разведчики, к вящему своему удивлению, замечают, что по вкусу они напоминают самцов комаров. А точнее, на вкус они нечто среднее между самцами комаров и зелеными стрекозами, правда без ментолового привкуса, характерного для последних.

И снова тринадцать муравьев оказываются среди царства цветов – белых постенниц, пестролистного вяза и вездесущих камнеломок с крохотными белоснежными лепестками.

Чуть дальше они сметают целое скопище трипсов. 103 683-й даже не сразу их признал. Долго прожив среди Пальцев, он позабыл, что такие есть в природе. Но, надо признать, они существуют, и в большом количестве. Трипсы, мелкие травоядные с отороченными бахромой крылышками, стрекочут, издавая сухие губные звуки. С виду трипсы аппетитные, но когда их проглатываешь, после них остается неприятный лимонный привкус – во всяком случае, белоканцам он кажется противным.

Попутно они расправляются с попрыгуньями толстоголовками, санными огневками, не очень приглядными на вид, зато довольно упитанными, а также с краснопятнистыми слюнявками, ленивыми стрекозами и грациозными лютками – всеми этими безобидными насекомыми, интересующими рыжих муравьев лишь постольку, поскольку их можно съесть.

Убивают они и нарывников, грузных насекомых, у которых в крови и половых органах содержится кантаридин – жидкость, действующая как афродизиак даже на муравьев.

На скальном отвесе ветер пригибает их усики, как непослушные жгутики. 14-й плюет кислотой в крохотную оранжевую божью коровку с двумя черными пятнышками. Букашка изливается зловонной желтой кровью, которая сочится из всех суставов ее лапок.

103 683-й пригибается, чтобы получше ее разглядеть. Притворщицу. Крохотная божья коровка прикидывается мертвой, но кислотная струя отрикошетила от ее полукруглого панциря, не причинив никакого вреда. Старому муравью-одиночке знакома такая уловка. Некоторые насекомые, едва почуяв опасность, выделяют жидкость, в основном зловонную, чтобы отпугивать хищников. Жидкость эта или брызжет из всех пор насекомого, или же наполняет его суставные пузыри, которые разбухают и лопаются. Так или иначе, подобная реакция отбивает у изголодавшихся хищников всякий аппетит.

103 683-й приближается к истекающей зловонной жидкостью букашке. Он знает – произвольные «кровопускания» прекратятся сами собой, и все же это его удивляет. Он предупреждает своих молодых товарищей, что эта букашка несъедобна, – и крошка божья коровка ползет себе дальше.

Но белоканцы не просто спускаются по скальному отвесу, убивая и пожирая добычу на своем пути. Они разведывают лучшую дорогу. Петляют между выступами и ровными участками. Иной раз им приходится повисать в воздухе, хватаясь за скалу лапками и челюстями, чтобы преодолеть головокружительные проходы. Сцепляясь меж собой, они образуют лесенки или мостики. И тут приходится полагаться друг на друга: если хотя бы один из тринадцати муравьев ослабит хватку, их живой мостик целиком рухнет в пропасть.

103 683-й давненько так не старался. Там, за краем света, в искусственном мире Пальцев, все было под боком.

Если бы он не сбежал от них, он стал бы таким же лежебокой, как какой-нибудь Палец. Ведь он сам видел по телевизору: Пальцы не любят стараться. Они даже не умеют строить себе жилища. И охотиться, чтобы добывать себе пропитание, не умеют. Они даже не умеют спастись бегством от хищников. Впрочем, хищники им уже давно не угрожают.

Муравьиная поговорка гласит: нужда – мать изобретательности, а без нужды и изобретать нечего.

103 683-й вспоминает, как ему жилось там, за пределами привычного мира.

Как он коротал свои дни?

Он ел мертвую пищу, что падала ему прямо с неба, смотрел мини-телевизор да болтал по телефону (это такая машинка, которая позволяла переводить его феромоны в звуковые слова) с Пальцами. Есть, болтать по телефону да глазеть в телевизор – вот три главных занятия Пальцев.

Он не все рассказал своим двенадцати младшим товарищам. Он не сказал им, что эти говорящие Пальцы хоть и любят болтать, да только проку от этого никакого. Они даже не сумели убедить других Пальцев в том, что с муравьиной цивилизацией нужно считаться и что с муравьями пристало разговаривать на равных.

И вот теперь, поскольку у Пальцев ничего с этим не вышло, 103 683-й решил подойти с другого боку: он постарается убедить муравьев, чтобы они сами пошли на союз с Пальцами. Во всяком случае, он верил, что это выгодно обеим великим земным цивилизациям. Куда лучше жить сообща, чем враждовать меж собой.

Он вспоминает, как сбежал от Пальцев. Это было нелегко. Пальцы не хотели его отпускать. Он дождался, когда по телевизору объявили хорошую погоду, и рано утром выбрался на волю через щель в верхней решетке.

Теперь предстояло самое трудное. Убедить своих. Двенадцать молодых разведчиков не отвергли его план разом, и он воспринял это как добрый знак.

Старый рыжий муравей со своими товарищами, то и дело зависая в воздухе, в конце концов перебрались на другой край расщелины. 103 683-й дает им понять, что удобства ради они могут называть его уменьшительно-обонятельным именем, как обращались к нему его соратники в последнем великом походе.

Меня зовут 103 683-й. А вы можете звать меня просто 103-й.

14-й отвечает, что это не самое длинное муравьиное имя из всех, которые им известны. Раньше у них в отряде был совсем молоденький муравей, которого звали 3 642 451-й. Приходилось тратить уйму времени, чтобы его окликнуть. По счастью, однажды на охоте его сожрало какое-то плотоядное растение.

Они спускаются дальше.

Муравьи делают привал в скалистой пещере и начинают кормить друг друга измельченными сеноедами и нарывниками. Муравей-ветеран содрогается от отвращения. Определенно, нарывник – порядочная гадость. Чересчур горький. Даже в измельченном виде.

34. Энциклопедия

КАК ДОСТИЧЬ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ. Только представьте себе: наше сознательное – это открытая часть нашей мысли. У нас 10 % сознательного открыто и 90 % бессознательного скрыто.

Когда мы начинаем говорить, необходимо, чтобы 10 % нашего сознательного было обращено к 90 % бессознательного наших собеседников.

Для этого нужно преодолеть барьер из фильтров недоверия, мешающих информации попасть в бессознательное.

Чтобы этого добиться, можно прибегнуть к следующему способу – подражайте мимике собеседника. Она четко проявляется во время еды. Воспользуйтесь этой решающей минутой и внимательно следите за собеседником. Если во время разговора он будет прикрывать рукой рот, делайте то же самое. Если он будет есть жареную картошку руками, поступайте точно так же, как и в том случае, если он будет часто вытирать рот салфеткой.

Задавайте себе простые вопросы вроде: «Смотрит ли он на меня во время разговора?», «Разговаривает ли он во время еды?» Воспроизводя во время еды его самые сокровенные мимику и жесты, вы автоматически передаете ему бессознательное сообщение: «Мы с тобой одной крови, у нас одинаковые манеры, а стало быть, образование и заботы, несомненно, одни и те же».

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

35. Урок биологии

Следом за математикой биология. Жюли отправилась прямиком на кафедру «точных наук», заставленную белыми керамическими столами, склянками с зародышами животных в формалине, грязными пробирками, закопченными газовыми горелками и громоздкими микроскопами.

Со звонком ученики вместе с учителем зашли в биологический класс. Все знали – на урок биологии надо приходить в белых халатах. Облачившись в эту форму, ты таким образом приобщался к компании знаек.

Для первой, так называемой теоретической части урока учитель выбрал тему «Мир насекомых». Жюли достала тетрадку, собираясь все тщательно записывать, чтобы потом сверить свои записи с данными, приведенными в «Энциклопедии».

Учитель начал так:

– Насекомые составляют 80 % животного царства. Самые древние из них, тараканы, появились по меньшей мере триста миллионов лет назад. Затем, двести миллионов лет назад, возникли термиты, за ними, сто миллионов лет назад, муравьи. Чтобы лучше представить себе последовательность, в какой насекомые заселили нашу планету, достаточно напомнить вам, что самый далекий предок человека, насколько известно, явился на свет всего лишь три миллиона лет назад.

Учитель подчеркнул, что насекомые не только самые древние обитатели Земли, но и самые многочисленные.

– Энтомологи уже описали около пяти миллионов разных видов насекомых, и каждый день они открывают до сотни ранее неизвестных их разновидностей. Для сравнения знайте, что ежедневно ученым удается обнаружить лишь один неизвестный вид млекопитающих.

На классной доске он вывел крупными буквами: «80 % животного царства».

– Итак, из всех животных на планете насекомые – самые древние, самые многочисленные и, добавлю, самые малоизученные.

Он прервался – класс наполнился *жужжанием*. Ловким движением руки учитель поймал насекомое, мешавшее ему вести урок, и выставил на всеобщее обозрение его расплющенное тельце, похожее на кособокую скульптурку с парой крылышек и головкой, увенчанной одним-единственным усиком.

– Перед вами крылатый муравей, – объяснил учитель. – Несомненно, королева. У муравьев только особи с половыми органами имеют крылья. Самцы погибают прямо во время спаривания в брачном полете. И королевы уже поодиночке продолжают летать в поисках места, где они отложат яйца. Как вы, должно быть, заметили, с общим повышением температуры насекомых становится все больше.

Он взглянул на раздавленное в лепешку тельце муравьиной королевы.

– Обычно муравьиные особи с половыми органами летают перед самой грозой. Таким образом, эта королева как бы предупреждает нас, что завтра, возможно, будет дождь.

Учитель биологии бросил расплюснутую, дергающуюся в предсмертной агонии королеву на съедение стайке лягушек, обитавших в аквариуме примерно метровой длины и полуметровой высоты. Земноводные тут же всем скопом накиннулись на добычу.

– В общем, – продолжал он, – мы имеем дело с экспоненциальным размножением насекомых, притом наиболее устойчивых к инсектицидам. Таким образом, уже в скором будущем мы сможем обнаружить в своих шкафах целые полчища тараканов, в сахаре будут копошиться сонмища муравьев, в деревянной обшивке стен поселятся скопища термитов, а в воздухе будут летать тучи комаров с муравьиными принцессами. Так что запасайтесь дезинсекционными средствами, иначе вам от них не избавиться.

Ученики все записывали. Учитель объявил, что теперь он переходит к практической части урока.

– Сегодня мы займемся нервной системой и особенно периферическими нервами.

Он попросил сидящих в первом ряду учеников взять с лабораторного стола склянки с помещавшимися в них лягушками и раздать одноклассникам. Взяв и себе склянку, он объяснил, что им предстоит делать дальше. Чтобы усыпить лягушек, каждому ученику надлежало бросить в свою банку ватку, смоченную эфиром, затем извлечь из банки лягушку, прищипить ее лапками к резиновой подкладке в ванночке, после чего водой из-под крана смыть с нее следы крови.

Вслед за тем, вооружившись пинцетом и скальпелем, ученики должны были снять с каждой лягушки кожу, обнажив таким образом ее мышцы, и с помощью электрической батарейки с парой электродов постараться найти у нее нерв, отвечающий за сокращение правой лапки.

Все, кому удастся заставить сокращаться правую лапку лягушки, автоматически получают оценку «отлично».

Учитель наблюдал за работой учеников. Кому-то из них так и не удалось усыпить свою лягушку. Сколько бы смоченных эфиром ваток они ни совали в склянку, лягушка продолжала барахтаться. Другим казалось, что они смогли-таки усыпить своих подопытных, но, как только они пытались прищипить их иголками к резиновой подкладке, лягушки начинали отчаянно молотить в воздухе свободными лапками.

Жюли молча следила глазами за своей лягушкой, и в какой-то миг ей вдруг показалось, что та точно так же наблюдает за ней из склянки. Сидевший рядом с Жюли Гонзаго, ловко орудуя руками, уже успел воткнуть в свою лягушку пару десятков нержавеющих иголок.

Гонзаго воззрился на свою жертву. Земноводное напоминало святого Себастьяна. Недоусыпленное, оно пыталось сопротивляться, но иголки, пронзившие его в нужных местах, не давали пошевелиться. А поскольку лягушка не умела кричать, всем было невдомек, как сильно она мучается. Все, что смогла лягушка, так это один-единственный раз тихонько и жалобно квакнуть.

– Это еще ничего, бывает кое-что получше! Знаешь, какой у человека самый длинный нерв? – спросил Гонзаго у одного из соседей.

– Нет.

– Зрительный, вот какой.

– Ну да! И что?

– А то, что стоит у тебя на заднице вырвать хоть один волосок, как ты тут жепустишь слезу!

Все прыснули, а Гонзаго, довольный своей шуткой, меж тем живо содрал с лягушки кожу, потом разрезал мышцу и нашел нерв. Следом за тем он со знанием дела ткнул в него электродами – и правая лапка у его лягушки дернулась, причем совершенно отчетливо. Лягушка извивалась под пронизавшими ее иголками, беззвучно хватая ртом воздух, – до того ей было больно.

– Хорошо, Гонзаго, ставлю вам «отлично», – объявил учитель.

Справившись с заданием раньше всех и оставшись без дела, лучший ученик класса принялся отыскивать у бедной лягушки прочие нервы, которые могли вызывать у нее другие, не менее любопытные рефлексy. Он начал сдирать с несчастного земноводного кожу большими лоскутами, мало-помалу оголяя его серые мышцы. Через несколько мгновений, когда кожа со все еще живой лягушки была содрана целиком, Гонзаго стал извлекать из ее плоти другие нервы, способные вызывать забавные судороги.

К нему подошли двое однокашников, чтобы поздравить его и поглазеть, чем он там занимается.

А у них за спиной их неловкие товарищи, пожадничавшие эфира или иголок, с изумлением глядели, как из ванночек выпрыгивали пронзенные иглами лягушки, похожие на пациентов, сбежавших от врача-иглотерапевта. Лягушки прыгали по всему классу, несмотря на то что с одной лапки у каждой из них кожа была содрана целиком, и потряхивали розовато-серыми мышцами, вызывая у наблюдавших за ними учеников и смех, и жалобные стоны.

Жюли в ужасе закрыла глаза. Ее собственная нервная система превращалась в ручеек соляной кислоты. Остаться в классе у нее больше не было сил.

Она взяла свою банку с лягушкой и, не говоря ни слова, вышла из класса.

Она пробежала через внутренний лицейский дворик, обогнула квадратную лужайку с мачтой посередине, увенчанной флагом, на котором красовался девиз лицея: «Разум рождает здравый смысл».

Жюли поставила банку на землю и решила поджечь мусорный закуток. Она чиркнула зажигалкой раз, другой, третий, но все без толку: огонь все никак не занимался. Тогда она подошла к клочку бумаги и бросила его в бак, но бумажка тут же погасла.

– Подумать только, в газетах постоянно твердят, что довольно простого окурка, небрежно брошенного в лесу, чтобы спалить несколько гектаров, а у меня не выходит поджечь какой-то мусорный бак с помощью клочка бумаги и зажигалки! – пробурчала она, не оставляя попыток разжечь огонь.

Наконец пламя занялось, и Жюли вместе с лягушкой смотрели на него во все глаза.

– Огонь – отличная штука, уж он-то отомстит за тебя, лягушенька... – доверительно шепнула ей она.

Жюли не могла отвести глаз от охваченного огнем бака. Огонь переливался черным цветом, красным, желтым, белым. Мусорный бак полыхал вовсю, обращая омерзительные отбросы в буйство жара и красок. От пламени почернела стена. Из мусорного бака потянулась тонкая струйка дыма.

– Прощай, лицей-злодей, – вздохнула Жюли, уходя прочь.

Она освободила лягушку, и та, отвернувшись от пожарища, широкими прыжками кинулась к устью водосточного коллектора и вскоре скрылась в нем.

Жюли стояла поодаль и ждала: ей хотелось поглядеть, как лицей запылывает целиком.

36. У подножия скалы

Ну вот. Наконец-то!

Тринадцать муравьев добрались до подножия скалы.

И тут 103-го одолевает икота. Он шевелит усиками. К нему подступают товарищи. Разведчик-ветеран болен. Возраст... Ему уже три года. Бесполое рыжие муравьи обычно дольше не живут.

Выходит, конец его близок. Только особи с половыми признаками, а вернее королевы, доживают до пятнадцати лет.

5-го охватывает тревога. Он боится, что 103-й испустит дух прежде, чем успеет все рассказать про мир Пальцев и про угрозу белого плаката. Об этом нужно разузнать подробнее.

Если 103-й умрет прямо сейчас, это будет ужасной утратой для всей муравьиной цивилизации. Хотя у муравьев больше принято опекать молодняк, а не стариков, 5-й нарушает общепринятую традицию, вспомнив, что существует, впрочем, и совсем иное представление, которое в другом измерении выражается так: «Всякий раз, когда умирает старик, сгорает библиотека».

5-й скармливает ветерану кашу из сеноедов. Кормежка, конечно, не панацея от старости, зато она поднимает дух.

– *Нужно найти способ, как спасти 103-го,* – командует 5-й.

В мире муравьев считается, что неразрешимых задач не существует. А если не можешь найти решение, значит, плохо искал.

103-й уже источает запах олеиновой кислоты – так обычно пахнут старики в конце своего жизненного пути.

5-й призывает товарищей к безграничному общению. Безграничное общение заключается в подключении своего разума к разуму собеседников. Расположившись кружком и сцепившись друг с дружкой только кончиками усиков, двенадцать муравьев образуют единый разум.

Вопрос: Как обезвредить биологическую бомбу замедленного действия, которая угрожает их дорогому сотоварищу?

Ответы льются потоком. Высказываются самые безрассудные предложения. Каждый настаивает на своем.

6-й предлагает откормить 103-го корешками плакучей ивы, потому как салициловая кислота, по его разумению, излечивает от любых хворей. Но ему отвечают, что старость не хворь.

8-й советует так: раз в голове 103-го хранятся ценные сведения, необходимо извлечь из его черепа мозг и поместить его в череп молодого, здорового муравья. К примеру, в череп 14-го. Однако 14-го такая мысль не прельщает. Равно как и остальных. Слишком рискованно, дружно считают они.

– А почему бы поскорее не выкачать из его усиков все феромоны? – высказывается 14-й.

– Это уж чересчур, – вздыхает 5-й.

103-й заходится таким кашлем, что у него аж губы дрожат.

7-й напоминает, что, будь 103-й королевой, он мог бы прожить еще двенадцать лет.

– *Будь 103-й королевой...*

5-й призадумывается. Сделать из 103-го королеву – что ж, вполне возможно. Любой муравей знает, что есть такое вещество, как маточное молочко, – оно насыщено гормонами, и с его помощью бесполое насекомое можно превратить в особь с половыми признаками.

Общение ускоряется. Использовать маточное молочко невозможно: ведь его делают пчелы. К тому же у муравьев и пчел совершенно разные генетические свойства. Однако у пчел и муравьев один общий предок – оса. Осы по-прежнему живут себе поживаят, и некоторые из них умеют делать маточное молочко – с его помощью они искусственным образом создают себе запасных ос-королев на тот случай, если их единственная королева ненароком погибнет.

Наконец-то – вот он, способ отодвинуть старость! Усики двенадцати разведчиков шевелятся все быстрее. Но где взять осиное маточное молочко?

12-й клянется, что знает одно осиное гнездо. Он уверяет, что как-то раз случайно видел, как они делали самку из бесполой осы. Королева их пала жертвой неизвестного недуга, и рабочие осы выбрали одну из них ей на замену. Они скормили ей какую-то темную кашу, и вскоре та стала пахнуть самкой. А другую рабочую осу они назначили новоиспеченной королеве в качестве самца. Они дали ей той же кашицы, и она действительно запахла, как самец.

12-й не присутствовал при соитии двух особей с половыми признаками, созданных искусственным образом в экстренном порядке, но когда спустя несколько дней ему снова случилось оказаться рядом с тем осиным гнездом, он обратил внимание, что жизнь там кипит вовсю и осиное население заметно прибавилось.

– А сможет ли он отыскать то место, где живут эти осы-алхимики? – вопрошает 5-й.

– Это рядом с северным дубом.

103-й вмиг оживает. Стать половой особью... С половыми признаками... Неужто такое возможно? Даже в самых сумасбродных своих мечтах он и помыслить не мог об эдаком чуде. Это разом возвращает ему и отвагу, и силу.

Если такое и впрямь возможно, он совсем не против обратиться в половую особь! В конце концов, несправедливо, что одни при рождении получают все, а другие ничего. Рыжий разведчик-ветеран расправляет усики и поворачивает их в сторону великого дуба.

Только вот загвоздка: великий дуб растет далеко-далеко, и чтобы до него добраться, нужно преодолеть великий засушливый пояс в северных землях – его еще называют сухой белой пустыней.

37. Первый взгляд на загадочную пирамиду

Повсюду сырые деревья и заросли.

Комиссар Максимилиан Линар осторожно пробирался к загадочной лесной пирамиде.

Он заметил чудную змею, утыканную ежовыми иглами, но для него не было секретом, что в лесу немало всяких странностей. Полицейский не любил лес. Для него то была враждебная среда, кишачная всякими гадами – ползучими, летучими, копошащимися и осклизлыми.

Лес – колдовское царство, исполненное злых чар. В былые времена разбойники обирали там путников. Там прятались колдуньи, вершившие свои черные таинства. Всякие революционеры сколачивали там партизанские отряды. Там же орудовал и Робин Гуд, досаждавший шерифу Шервуда.

По молодости Максимилиан мечтал, чтобы лес исчез. Ему с давних пор докучали все эти змеи, комары, мухи и пауки. Он мечтал, чтобы везде и всюду простирался бетон и чтобы нигде не было видно ни пяди зелени. Одни только плиты – насколько хватает глаз. Так было бы гигиеничнее. И кроме того, можно было бы гонять на роликах на дальние расстояния.

Чтобы не привлекать к себе внимания, Максимилиан вырядился туристом.

«Настоящая маскировка заключается не в том, чтобы копировать окружающую обстановку, а в том, чтобы сливаться с ней самым естественным образом». Поучая новобранцев полицейской школы, он всегда говорил: в пустыне человека в облачении песочного цвета заметить легче, чем верблюда.

Наконец Максимилиан Линар приметил подозрительное строение.

Он достал бинокль и осмотрел пирамиду.

На первый взгляд, постройку было не различить в отблесках деревьев, отражавшихся в многочисленных зеркальных плитках. И все же то место выдавала одна деталь. Второе солнце. Явно лишнее.

Он двинулся дальше.

Зеркало – превосходный облицовочный материал. С помощью зеркал у фокусников исчезают девицы из сундуков, насквозь пронзенных острыми шпагами. Простой обман зрения.

Он достал записную книжку и аккуратно пометил:

1) Обследование лесной пирамиды.

А) Наблюдение на расстоянии.

Перечитав написанное, он тут же вырвал листок. На поверку это оказалась не пирамида, а тетраэдр. Четырехгранная пирамида, не считая основания, упирающегося в землю. То есть в общей сложности пять сторон. Трехгранный тетраэдр с основанием, упирающимся в землю. То есть в общей сложности четыре стороны. Четыре по-гречески будет *тетра*.

Таким образом, он поправился:

1) Обследование лесного тетраэдра.

Одно из достоинств Максимилиана Линара заключалось как раз в его умении точно определять увиденное, а не померещившееся. Такой «объективный» подход уже помог ему избежать множества ошибок.

Изучив рисунок, он укрепился в своей правоте. Когда рисуешь дорогу, глядя на нее, думаешь о дороге и стараешься изобразить ее в виде двух параллельных прямых. Но когда «объективно» перерисовываешь увиденное, выходит, что уходящая в перспективу дорога образует треугольник и обе ее стороны сходятся вдали, на горизонте.

Максимилиан подстроил бинокль и снова воззрился на пирамиду. С удивлением. Даже его сбило с толку понятие «пирамида». Пирамида и впрямь обладала подспудным значением – сокровенно-сакральным. Он вырвал и второй листок. На сей раз он собирался пренебречь идеальной точностью восприятия.

1) Обследование лесной пирамиды.

А) Наблюдение на расстоянии.

– Строение довольно высокое. Около трех метров. Скрыто за кустами и деревьями.

Закончив рисунок, полицейский подошел ближе. Он находился уже в нескольких метрах от пирамиды, как вдруг разглядел на рыхлой земле следы человека и собаки – их, несомненно, оставили Гастон Пенсон и его ирландский сеттер. Полицейский зарисовал и следы.

Максимилиан обошел вокруг строения. Ни дверей, ни окон, ни дымохода, ни почтового ящика. Ничего, что напоминало бы жилище человека. Сплошной бетон, облицованный зеркалами, и полупрозрачная остроконечная верхушка.

Он отошел на пять шагов и долго рассматривал конструкцию. Пропорция и форма правильные. Кто бы ни построил эту странную пирамиду посреди леса, он добился истинного архитектурного совершенства.

38. Энциклопедия

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ. Золотое сечение – это точное соотношение, благодаря которому можно строить, рисовать и ваять, наделяя свое творение скрытой силой.

По законам золотого сечения строились пирамида Хеопса, храм Соломона, Парфенон и большинство римских церквей. Эта пропорция соблюдена и во многих полотнах эпохи Возрождения.

Согласно расхожему мнению, все, что строится в нарушение этой пропорции, в конце концов разрушается.

$$\frac{1 + \sqrt{5}}{2}$$

Золотое сечение рассчитывается следующим образом:

То есть 1,6180335.

Таков тысячелетний секрет. Это сечение – всего лишь плод человеческого воображения в чистом виде. Его законы действуют и в природе. Взять хотя бы соотношение расстояния между листьями деревьев, которые располагаются так, чтобы не затенять друг друга. Кроме того, золотым сечением определяется и положение пупка по отношению ко всему телу человека.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

39. По выходе из школы

Лицей представлял собой здание правильной четырехугольной формы.

Три его бетонных крыла, в форме буквы «U», примыкали к высокой железной решетке с антикоррозионным покрытием.

«И лицей квадратный, и ученички квадратноголовые тупицы».

Она ожидала, что пламя скоро охватит стены лицея, который казался ей тюрьмой, казармой, богадельней, приютом, психушкой – короче говоря, одним из закрытых заведений, где изолируют людей, которых желательно как можно реже видеть на улицах.

Девушка не сводила глаз с дыма, густо валившего из мусорных баков. Но тут прибежал охранник с огнетушителем и обрушил на занимающийся пожар облако углекислотного снега.

Нелегкое это дело – воевать с целым миром.

Жюли направилась в город. Кругом стояло зловоние. Из-за забастовки мусорщиков на улицах всюду стояли контейнеры, переполненные обычными отходами жизнедеятельности человека – прохудившимися синими мешочками, набитыми гниющими объедками, грязной бумагой, сопливыми салфетками...

Жюли заткнула нос. Она шла через безлюдный в этот час район малоэтажных построек, и ей казалось, что за нею кто-то увязался. Девушка оглянулась назад, но ничего такого не заметила и пошла дальше. Но, поскольку ощущение все крепло, она глянула в боковое зеркало стоявшей у тротуара машины и поняла, что чутье ее действительно не подвело. Ее преследовали трое типов. Жюли их узнала. Это были ее одноклассники – все из касты перворядников во главе с Гонзаго Дюпейроном и в неизменных рубашках с шелковыми шейными платками.

Инстинктивно почувствовав опасность, девушка спешно свернула в сторону.

Троица приближалась – Жюли ускорила шаг. Бежать она не могла: у нее все еще болела пятка, которую она расшибла, когда упала в лесу. Район этот она знала плохо. Потому что обычно ходила другой дорогой. Она повернула налево, потом направо. У нее за спиной по-прежнему слышались шаги мальчишек. Она снова свернула в сторону. Черт! Дальше тупик, а путь назад отрезан. Она затаилась в подъезде, прижимая к груди рюкзак с «Энциклопедией Относительного и Абсолютного Знания», как будто та была броней и могла ее защитить.

– Она точно где-то здесь, – прозвучал голос одного из ее преследователей. – Деваться ей некуда. Эта улица ведет в тупик.

Они кинулись обшаривать подъезды, один за другим. И подходили все ближе. Девушка почувствовала, как у нее по спине пробежала струйка холодного пота.

В глубине подъезда виднелась дверь со звонком. «Сезам, откройся!» – взмолилась Жюли, отчаянно давя на кнопку звонка.

За дверью послышался какой-то шум, но она не открылась.

– Где же ты, крошка наша Пенсоночка, малышка? – посмеивались те трое.

Жюли сжалась под дверью в комок, прижав подбородок к коленям. Перед нею вдруг возникли три ухмыляющиеся рожи.

Не имея ни сил, ни возможности бежать, Жюли вскинула голову и встала.

– Что вам надо? – спросила она, стараясь говорить твердым голосом.

Они подошли ближе.

– Оставьте меня в покое!

Они все приближались: неспешно, степенно, наслаждаясь страхом, переполнявшим светло-серые глаза девушки, и понимая, что ей уже никуда не деться.

– На помощь! Насилуют!

В тупике распахнулись три-четыре окна и тут же снова захлопнулись – свет в них сразу погас.

– На помощь! Полиция!

В больших городах полицию не дозовешься, ехать на вызовы она не спешит, да и людей у нее в штате не хватает. Так что защитить человека и в самом деле бывает некому.

Троице щеголей тоже торопиться было некуда. Вознамерившись дать им отпор, Жюли решила на последний шаг: наклонив вперед голову, она ринулась на прорыв. Ей удалось проскочить мимо двоих обидчиков, следом за тем она бросилась к Гонзаго, словно собираясь его поцеловать, и ударила его лбом прямо в нос. Раздался хруст, как будто треснула сухая ветка. Мальчишка схватился за нос, и Жюли, воспользовавшись его замешательством, нанесла ему удар в пах. Гонзаго опустил руку, прикрыв половой член, тихо захрипел и согнулся пополам.

Жюли всегда знала, что половые органы – самое слабое место у человека и что никакое это не достоинство.

Однако ж, если Гонзаго вышел из строя, другие нет, и те двое схватили ее за руки. Она отбивалась так рьяно, что выронила рюкзак, из которого выпала «Энциклопедия». Жюли хотела удержать рюкзак ногой, и тут один из мальчишек смекнул, что книгой она очень дорожит. Он нагнулся, собираясь ее поднять.

– Не трогай! – взвизгнула она, в то время как третий мальчишка, несмотря на все ее потуги, скрутил ей руки за спиной.

Между тем Гонзаго, все еще с перекошенной рожей, соорудил, тем не менее, улыбку, как бы говоря: «мне совсем не больно», – и сам схватил сокровище, столь дорогое сердцу девушки.

– Эн-ци-кло-пе-дия от-но-си-тель-но-го и аб-со-лют-но-го знания... том третий, – по слогам проговорил он.

Пока самый сильный из мальчишек крепко удерживал Жюли, двое других перелистывали книгу. На глаза им попался кулинарный рецепт.

– Ерунда какая-то! Девчачьи штучки. Ничего особенного! – воскликнул Гонзаго, с силой швырнув загадочный фолиант Эдмонда Уэллса в сточный желоб.

Каждый воспринимал «Энциклопедию» по-своему.

Жюли, со всей силы хватив здоровой пяткой по большому пальцу ноги своего обидчика, смогла вырваться из его рук и поймать книгу прежде, чем та шлепнулась в водосток. Но трое мальчишек снова навалились на нее. В свалке она нещадно молотила кулаками направо и налево и пыталась расцарапать лица своим обидчикам, да только ногти у нее были коротковаты. И ей ничего не оставалось, как прибегнуть к естественному оружию – зубам. Она вонзила пару острых резцов в щеку Гонзаго. Из раны потекла кровь.

– Она меня укусила, ведьма! Только не упустите ее! – ворчал мучитель Жюли. – Давайте-ка свяжем ее!

И шейными платками они привязали ее к уличному фонарю.

– Ты мне за это заплатишь, – процедил сквозь зубы Гонзаго, потирая окровавленную щеку.

Он достал из кармана выкидной ножик и щелкнул лезвием.

– Сейчас я порежу тебя, милочка моя!

Жюли плюнула ему в лицо.

– Держите ее покрепче, ребята. Я вырежу у нее на шкуре пару геометрических фигур, чтобы ей было проще готовиться к математике.

Чтобы продлить удовольствие, он распорол ей снизу доверху длинную черную юбку, отрезал от нее квадратик ткани и сунул его себе в карман. Лезвие ползло вверх невыносимо медленно.

«Голос может превратиться и в грозное оружие», – втолковывал ей Янкелевич.

– ЙА-А-А-А-А-ЙА-А-А-А-А!..

Ее крик больше походил на нестерпимо пронзительный визг. В домах по всей улице задрожали окна. А мальчишки зажали себе уши.

– Надо заткнуть ей рот, чтобы не мешала, – заметил один из них.

И они поспешили засунуть ей в рот шелковый платок. Жюли задыхалась от отчаяния.

День клонился к вечеру. Автоматически зажегся уличный фонарь – сработал встроенный фотоэлемент, который среагировал на меркнувший дневной свет. Но яркая вспышка не смутила мучителей Жюли. Они продолжали стоять в конусе электрического света, посверкивая ножиком. Лезвие добралось до ее колен – Гонзаго горизонтально надрезал тонкую кожу Жюли.

– Это тебе за нос.

– Вот так, с помощью вертикального надреза, мы изобразим крест.

– Это тебе за пах.

Третий надрез на коленке – в том же направлении.

– А это тебе за то, что ты укусила меня в щеку. И это только начало.

Ножик снова медленно пополз к верхнему краю юбки.

– Я разделаю тебя, как лягушку на биологии, – сказал ей Гонзаго. – У меня это неплохо получается. Мне даже «отлично» поставили – помнишь? Нет. Не помнишь. Ведь нерадивые ученики сбегают из класса до окончания урока.

Он снова щелкнул лезвием ножа, чтобы оно вышло полностью.

Жюли задыхалась от страха и уже была на грани обморока. И тут она вспомнила, как прочла в «Энциклопедии», что в случае если не можешь убежать от опасности, нужно предстать у себя над головой шар и постепенно забраться в него с ногами – целиком, так, чтобы тело превратилось в пустую, лишенную разума оболочку.

Прекрасная идея – такое легко представить себе, спокойно посидев в кресле, и куда тяжелее, когда ты стоишь, привязанная к железному столбу, и над тобой издеваются подонки!

Радуюсь, что Жюли обезврежена, самый здоровый из троицы обдал лицо юной красавицы своим тяжелым дыханием и провел рукой по ее длинным черным и мягким, как шелк, волосам. Вслед за тем дрожащими пальцами он прикоснулся к ее белой, полупрозрачной шее – в том месте, где под кожей билась яремная вена.

Жюли, хотя ее сковывали путы, задергалась. Она могла стерпеть, когда к ней прикасались любым предметом, даже лезвием ножа, но прикосновение человеческой кожи было для нее нестерпимо. Глаза у девушки расширились. Она вдруг зарделась. По ее телу пробежала дрожь – казалось, оно вот-вот лопнет. Жюли шумно вдохнула носом. Здоровяк отпрянул. Нож повис в воздухе.

Здоровяку было знакомо такое состояние.

– У нее приступ астмы, – заметил он.

Мальчишки попятились, испугавшись, что их жертва мучается вовсе не от боли, которую они ей причинили. Девушка стала пунцовая как мак. Она так дергалась, что путы врезались ей в кожу.

– Оставьте ее! – послышался чей-то голос.

В начале тупика появилась длинная трехногая тень. Обидчики Жюли оглянулись – и узнали Давида; третьей ногой ему служила палка, с помощью которой он передвигался, потому что страдал юношеским спондилоартритом.

– Что, Давид, возомнил себя Голиафом? – усмехнулся Гонзаго. – Очень сожалею, старина, но нас трое, а ты, коротышка и слабак, совсем один.

Троица расхохоталась. Но очень скоро попритихла.

Рядом с трехногой фигурой возникли еще три силуэта. Широко раскрытыми глазами Жюли разглядела Семерых Гномов, своих одноклассников с последнего ряда.

Перворядники тут же набросились на них, но Семеро Гномов не дрогнули. Самый здоровый из семерки раздавал удары под дых направо и налево. Азиат занимался одним из сложнейших видов боевых искусств, похожим на тхэквондо. Скелет что было силы бил напавших по роже. Стриженная Крепышка орудовала локтями. Светловолосая Худышка пустила в ход все десять своих ногтей, которыми она пользовалась как лезвиями. Неженка ловко работал ногами.

Похоже, в таких делах он был мастер, благо у него это здорово получалось. В довершение Давид размахивал палкой, награждая троицу противников короткими и резкими ударами по рукам.

Гонзаго с товарищами не желали сдаваться так просто. Перегруппировавшись, они тоже махали кулаками и рассекали воздух лезвием ножа. Но их было трое против семерых – большинство быстро одержало верх, и мучители Жюли предпочли ретироваться, сделав победителям на прощание неприличный жест.

– Мы еще встретимся! – убегая, крикнул Гонзаго.

Жюли все еще задыхалась. Эта победа не принесла ей облегчения: приступ астмы у нее не унимался. Давид мигом оказался возле фонарного столба. Он осторожно вынул кляп у девушки из рта и кончиками пальцев распутал узлы на путах, которые стягивали ей запястья и щиколотки и которые она, дергаясь, затянула еще крепче.

Едва освободившись, Жюли кинулась к рюкзаку и достала вентолиновый пульверизатор. Несмотря на сильную слабость, ей все же удалось собраться с духом и, вставив наконечник баллончика в рот, надавить на него из последних сил. Она жадно вдохнула. С каждым вдохом ее лицо обретало все более естественный цвет, и она мало-помалу успокаивалась.

Вслед за тем она подобрала «Энциклопедию Относительного и Абсолютного Знания» и быстро запихала ее обратно в рюкзак.

– Хорошо, что мы проходили мимо, – заметил Цзи-вонг, пока Жюли растирала себе запястья, стараясь восстановить кровообращение.

– За жоака у них Гонзаго Дюпейрон, – сказала Франсина.

– Да, это шайка Дюпейрона, – подтвердила Зое. – Они из группировки Черных крыс. И уже успели много чего натворить, но полиция закрывает на все глаза, ведь дядюшка у Гонзаго префект.

Жюли молчала: ей нужно было отдышаться, потому что она не могла вымолвить ни слова. Она обвела взглядом Семерых. И узнала мелкорослого брюнета с палкой – Давида. Это он пытался подсказывать ей на уроке математики. Остальных она знала только по кличкам: азиата Цзи-вонга, молчуна Леопольда, женоподобного весельчака Нарцисса, мечтательную стройную блондинку Франсину, ворчливую крепышку Зое и благодушного толстяка Поля.

Семь Гномов с задних парт.

– Мне не нужна ничья помощь. Я и одна умею со всем справляться, – с трудом проговорила Жюли, не успев отдышаться.

– Уж конечно, мы все слышали! – воскликнула Зое. – Какая неблагодарность! Пошли, ребята, пусть эта воображала впредь сама выпутывается из своих передраг.

Шесть фигур повернули обратно. Давид с неохотой поплелся вслед за ними. Не успев отойти слишком далеко, он повернулся и доверительно крикнул Жюли:

– Завтра у нашей рок-группы репетиция. Хочешь – приходи. Мы репетируем в каморке прямо под кафетерием.

Ничего не сказав в ответ, Жюли засунула «Энциклопедию» на самое дно рюкзака, покрепче затянула ремешок и скрылась в узких извилистых улочках.

40. Пустыня

Горизонт простирается до бесконечности, его прямизну не нарушает ни единая вертикальная метка.

103-й продвигается вперед, гонимый надеждой превратиться в половую особь. Его суставы хрустят, усики то и дело высыхают, и у него уходит много сил на то, чтобы смазывать их своими дрожащими губами.

С каждым мгновением он все острее ощущает силу времени над собой. 103-й чувствует, как смерть кружит над ним, подобно неотступной хищной птице. До чего же коротка жизнь

у простых муравьев! Он понимает: если ему не удастся превратиться в половую особь, весь обретенный им опыт пойдет насмарку, его одолеет самый безжалостный враг – время.

За ним следуют двенадцать разведчиков, решивших сопровождать его в этом нелегком странствии.

Муравьи останавливаются, только когда у них под лапками раскаляется мелкий песок. И с первым же облаком, закрывающим солнце, они двигаются дальше. Но облака им неподвластны.

Ландшафт попеременно меняется: то это мелкий песок или галечник, то булыжники, или обломки скал, или кристаллическая пыль. Здесь полно самых разных минералов – и ни одной растительной или животной формы. Если путь им преграждает огромный камень, они перелезают через него. А если возникают пятна тончайшего песка, похожие на лужи, они обходят их, чтобы не утонуть. Вдалеке простираются розовые горные кряжи или светло-серые равнины.

Даже когда им приходится время от времени делать большой крюк, чтобы обойти очередное озеро тончайшего песка, они не сбиваются с пути. Чтобы ориентироваться в пространстве, муравьи пользуются двумя особыми способами: они выделяют так называемые следовые феромоны и угадывают угол горизонта по отношению к солнечному лучу. Но, оказавшись в пустыне, они используют дополнительное средство – джонстонов орган, который состоит из маленьких черепных каналцев, заполненных частицами, чувствительными к земным магнитным полям. В какой бы части нашей планеты ни находились муравьи, они прекрасно ориентируются по отношению к таким невидимым магнитным полям. Они умеют даже отыскивать подземные реки, поскольку солоноватая вода изменяет эти поля.

Пока что джонстоновы органы подсказывают им, что воды нигде нет. Ни вверху, ни внизу, ни вокруг. Но уж коль они вознамерились добраться до великого дуба, идти им придется все время прямо через неоглядное голое пространство.

Разведчики все больше страдают от голода и жажды. В этой белой сухой пустыне почти нечем поживиться. К счастью, они вдруг чувствуют неподалеку животных, которые могут им пригодиться. А вот и они – парочка скорпионов, застигнутых в разгар любовных утех. Эти крупные паукообразные бывают опасны, поэтому муравьи предпочитают подождать в сторонке, пока скорпионы не натешатся и не обессилеют: тогда их будет легче прикончить.

Брачные ухаживания у скорпионов происходят так. Самка, которую легко узнать по выпуклому брюшку, хватается партнера за клещи и прижимает его к себе, словно собираясь танцевать с ним танго. Потом она отталкивает его. И самец – он светлее и помельче, – повинувшись партнерше, пятится. Танец у скорпионов продолжается долго – муравьи наблюдают за ними, не смея их прервать. Затем самец останавливается, подхватывает засохшую муху, которую он перед тем убил, и приносит в дар скорпионше. Поскольку у скорпионов нет зубов, она хватается добычу клешнями и прижимает к острым краям своего тазика. Нарезав таким образом из мухи стружку, она обсасывает ее. После этого скорпионы снова хватаются друг за дружку клешнями и продолжают танец. Наконец, поддерживая партнершу одной клешней, другой клешней самец выкапывает пещерку. Помогая себе лапками и хвостом, он очищает ее и углубляет.

Когда пещерка становится достаточно глубокой, чтобы в нее могла поместиться парочка скорпионов, самец приглашает избранницу в их новое жилище. Они вдвоем забираются внутрь и засыпают вход в пещерку землей. Любопытные муравьи роют землю рядышком, чтобы поглядеть, что же будет дальше. А между тем под землей происходит не менее увлекательное зрелище. Прижимаясь друг к другу брюшками и сцепившись жалами, скорпионы спариваются. После этого проголодавшаяся самка убивает изможденного самца и тут же пожирает его. Из пещерки она выбирается уже одна, сытая и довольная.

Муравьи решают, что напасть на нее удобнее как раз сейчас. Однако скорпионша, у которой с одного боку свисают ошметки плоти самца, не желает вступать в схватку с муравьями, потому как чувствует, что они настроены враждебно. Она предпочитает спастись бегством. Благо бежит она быстрее муравьев.

Тринадцать воинов жалеют, что не прикончили ее во время совокупления. Они выстреливают ей вдогонку кислотой, но панцирь у скорпионши довольно прочный, и смертоносная жидкость не причиняет ей никакого вреда. Муравьям ничего не остается, как довольствоваться останками самца-оплодотворителя.

Впредь это отучит их ротозейничать. Плоть скорпиона не очень приятна на вкус, но изголовавшимся муравьям выбирать не приходится.

И снова в путь – долгий-долгий путь через бескрайнюю пустыню. Через песок, булыжники, галечник и снова песок. Вдалеке они замечают странную штуковину шарообразной формы.

Яйцо.

Но кто бросил яйцо посреди пустыни? Неужели оно им привиделось? Нет, яйцо самое что ни на есть настоящее. Насекомые обступают его со всех сторон, точно священный монолит, который возник перед ними для того, чтобы заставить их кое над чем задуматься. Они принимают запах. 5-й узнает запах. Яйцо отложила птица с юга – да, это яйцо гигиссы.

Гигисса похожа на белую ласточку с черным клювом и черными же глазками. У этой птицы есть одна особенность: самка гигиссы откладывает только одно яйцо, хотя гнезда она не вьет. Таким образом, она откладывает яйцо где придется. Чаще всего на раскачивающейся ветке или на листике, прилипшем к верхушке утеса, где нет ни выемки, ни другого защищенного прибежища. И неудивительно, что, когда на это яйцо потом натыкаются хищники: ящерицы, другие птицы или змеи, – они с охотой набрасываются на него. Если же беспечно брошенное яйцо гигиссы не становится добычей хищников, его, случается, сдувает даже слабым порывом ветра. Ну а если птенцу повезет и он вылупится самостоятельно, не опрокинув яйцо, ему придется быть настороже, чтобы не свалиться с ветки или со скалы. Впрочем, зачастую, стараясь вылупиться из яйца, птенец сам опрокидывает его и разбивается вместе с ним. Так что остается только изумляться, как этой неловкой птице удалось дожить до наших дней.

Муравьи обходят кругом странную штуковину.

На сей раз яйцо принесла самая беспечная из всех гигисс. Она бросила своего единственного дорогого отпрыска посреди пустыни. На верную гибель.

Хотя... Не так уж это и глупо, думает 103-й. Ведь если и есть место, откуда яйцо точно не свалится вниз, так это посреди пустыни.

5-й кидается вперед и таранит лбом твердую скорлупу. Яйцо не поддается. Примеру товарища следуют остальные муравьи. Глухие удары, точно от падающих градин, – все без толку. Как тут не прийти в отчаяние, когда у тебя под боком огромные запасы пищи и жидкости, а тебе до них никак не добраться!

И тут 103-й вспоминает один документальный научно-популярный фильм. Речь в нем шла о принципе рычага, который служит для того, чтобы поднимать тяжести. Пришла пора применить этот опыт на деле. 103-й предлагает найти сухую ветку и засунуть ее под яйцо. Следом за тем двенадцать муравьев навалятся на нее всем скопом, образовав таким образом гроздь, которая послужит противовесом.

Отряд подчиняется, муравьи повисают в воздухе и шевелят лапками, усиливая давление на ветку. 8-й, воспрянув духом, старается пуще всех. Он аж подпрыгивает, чтобы придать себе веса. И дело сдвигается с мертвой точки: огромное яйцо раскачивается, наклоняется все ниже, словно Пизанская башня, – кажется, оно вот-вот упадет.

Но вот загвоздка: вяло качнувшись на рыхлом песке, яйцо перекачивается набок и, целое и невредимое, снова замирает на месте, только уже в горизонтальном положении. 5-й начинает сомневаться в надежности приемов, перенятых у Пальцев, и решает вернуться к муравьиному опыту. Он плотно сжимает верхние челюсти, так, что они образуют остроугольный треугольник, и, вонзившись ими в скорлупу, начинает мотать головой слева направо, подобно бураву бурильной машины. Скорлупа и впрямь крепкая: после сотни ударов на ней остается лишь

легкая царапинка. Столько усилий – и такой ничтожный результат! Живя среди Пальцев, 103-й привык видеть результаты любой работы незамедлительно – теперь же он потерял терпение и выдержку, в отличие от своих товарищей.

5-й истощен. На смену ему приходит 13-й, потом 12-й, а затем и другие. И каждый поочередно использует свою голову как бурав. Проходит не один десяток минут, прежде чем на скорлупе образуется трещинка, из которой фонтаном выплескивается прозрачная желеобразная жидкость. Муравьи тут же кидаются под эту животворную струю.

5-й довольно покачивает усиками. Хотя Пальцы и пользуются весьма оригинальными средствами, муравьиные приемы на поверку оказались куда более продуктивными. 103-й откладывает споры на потом. Сейчас у него есть дела поважнее. Он просовывает голову в дырку и тоже всасывает питательное желтое вещество.

Сухой песок до того раскаляется, что гипсовое яйцо начинает превращаться в белый омлет. Но муравьи слишком оголодали и не обращают внимания на столь чудесное превращение.

Они насыщаются и упиваются, кружа внутри яйца, словно в танце.

41. Энциклопедия

ЯЙЦО. Птичье яйцо – истинное чудо природы. Прежде всего достойна восхищения структура яичной скорлупы. Она состоит из треугольных кристаллов минеральных солей. Их заостренные концы обращены к центру яйца. Так что, когда на кристаллы оказывается давление извне, они вклиниваются друг в друга и сжимаются, отчего яичная оболочка становится крепче. Как и в случае с малыми арками римских соборов: чем сильнее давление, тем крепче становится все строение. И наоборот: если давление оказывается изнутри, треугольники расцепляются, и вся структура легко разрушается.

Таким образом, снаружи яйцо достаточно крепкое и вполне способно выдержать вес наседки, но изнутри оно достаточно хрупкое, что позволяет птенцу пробить скорлупу и выбраться наружу.

Скорлупа обладает и другими свойствами. Чтобы птичий эмбрион мог правильно развиваться, он должен всегда помещаться сверху желтка. Но бывает, что яйцо переворачивается. Ничего страшного: желток опоясан парой упругих канатиков, скрепленных по бокам с мембраной и служащих подвесками. Упругость канатиков компенсирует движения яйца и восстанавливает положение эмбриона наподобие поплавка.

Свежеснесенное яйцо подвергается резкому охлаждению, отчего две внутренние его мембраны разделяются, образуя воздушный мешок. Благодаря такому мешку птенец может сделать несколько коротких вдохов и набраться сил, чтобы разбить скорлупу и запищать, призывая свою мать на помощь в случае каких-либо осложнений.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

42. Игра «Эволюция»

На кухне в институте судебно-медицинской экспертизы судебный врач жарил себе омлет со специями, как вдруг его отвлек звонок в дверь. Звонил комиссар Максимилиан Линар – он зашел уточнить причины смерти Гастона Пенсона.

– Будете омлет? – предложил врач.

– Нет, спасибо, я уже завтракал. Так вы закончили вскрытие трупа Гастона?

Врач мигом проглотил свою стряпню, запил ее пивом, после чего нацепил белый халат и проводил полицейского в лабораторию.

И достал папку.

Судмедэксперт уже успел провести анализ кое-каких компонентов крови покойного и обнаружил у него признаки сильнейшей аллергической реакции. На шее трупа он заметил красное пятно и пришел к заключению, что смерть произошла вследствие... укуса осы. Смертельные случаи от осиных укусов не редкость.

– Бывает достаточно укуса в вену, соединенную непосредственно с сердцем, и тогда осиный яд становится смертельным, – пояснил судебный врач.

Такое объяснение озадачило полицейского. Выходит, происшествие, которое он считал убийством, на самом деле оказалось простым несчастным случаем в лесу. Всему виной – обыкновенный укус осы.

Однако оставалась еще пирамида. Даже если это было не более чем простым совпадением, смерть от укуса осы у подножия пирамиды, построенной без разрешения в охраняемом лесу, – происшествие ненормальное.

Полицейский поблагодарил судебного врача за старания и, сморщив в раздумьях лоб, отправился бродить по городу.

– Здравствуйте, месье!

К нему подошла троица молодых людей. Среди них Максимилиан узнал Гонзаго, племянника префекта. Лицо у него было в синяках и кровоподтеках, на щеке виднелся след от укуса.

– Что, подрался? – полюбопытствовал полицейский.

– Было дело! – воскликнул Гонзаго. – Набили рожу анархистам, целой шайке.

– Все еще интересуешься политикой?

– Мы из Черных крыс, передового молодежного отряда новых крайне правых, – пояснил другой парень, протягивая ему листовку.

«Долой чужаков!» – прочел полицейский и прошептал:

– Вижу-вижу.

– Жаль, у нас нет оружия, – признался третий молодчик. – Будь у нас хромированный револьвер, как у вас, месье, решать «политические» дела нам было бы проще.

Максимилиан Линар заметил, что у него из-под пиджака торчит открытая кобура на перевязи, и спешно ее застегнул.

– Видишь ли, револьвер – ерунда, – заметил он. – Всего лишь инструмент. Главное – разум, он контролирует нерв на кончике пальца, который лежит на спусковом крючке. Это очень длинный нерв...

– Не такой уж и длинный, – рассмеялся один из троих.

– Ладно, доброго вам вечера! – сказал в заключение полицейский, решив, что молодежь, должно быть, так шутит.

Но Гонзаго его удержал.

– Знаете, месье, мы стоим за порядок, – отчеканил он. – Если вам когда-нибудь понадобится помощь, непременно дайте нам знать.

Он протянул полицейскому визитку, Максимилиан учтиво сунул ее в карман и пошел своей дорогой.

– Мы всегда готовы помочь полиции! – крикнул ему вдогонку лицеист.

Комиссар пожал плечами. Времена меняются. В молодости Максимилиан нипочем не позволил бы себе окликнуть полицейского: к людям этой профессии он относился с большим уважением. А теперь каким-то необученным юнцам вздумалось поиграть в добровольных слугителей закона! Он ускорил шаг, торопясь к жене и дочери.

По главным улицам Фонтенбло сновали люди. Мамаши толкали перед собой детские коляски, нищие кланчили милостыню, домохозяйки катили тележки со всякой снедью, детвора играла в «классики», уставшие после рабочего дня мужчины спешили домой, какие-то люди копошились в вонючих мусорных баках, доверху забитых отходами, которые из-за забастовок мусорщиков некому было убирать.

Кругом зловоние...

Максимилиан зашагал еще быстрее. Что верно, то верно, в стране недостает порядка. Люди расползаются повсюду – никакой организации, никакой общей цели.

Беспорядок овладевает городами подобно тому, как леса захватывают поля. Максимилиан подумал, что у него полезная профессия: ведь полицейские выводят сорняки, защищают высокие деревья и выравнивают строевой лес. В сущности, они те же садовники. Содержат в порядке жизненное пространство, заботясь о его чистоте и безопасности.

Придя домой, он покормил рыбок и вдруг заметил, что у самки гуппи появилось потомство и что она гоняется за мальками, пытаясь их сожрать. В аквариуме мораль не действует. Он было залюбовался жарко полыхавшим в камине огнем, но тут жена позвала его к столу.

Блюдо дня: свиная голова под чесночным соусом с зеленью, уксусом и яйцами, а также салат из цикория. За столом говорили о погоде, которая, как обычно, не радовала, обсуждали новости, которые, как обычно, не утешали, а между делом нахваливали Маргариту за хорошие отметки в школе и мадам Линар за превосходную стряпню.

После обеда, пока жена складывала грязную посуду в мойку, Максимилиан попросил Маргариту объяснить, как играют в чудную компьютерную игру – «Эволюцию», которую она подарила ему на день рождения. Но дочурка сказала, что ей еще нужно доделать уроки. Будет проще, если она установит на его компьютере другую игровую программу – «Личность».

«Личность», уточнила она, – это программа, позволяющая выстраивать фразы, как в обычной беседе. Затем эти фразы обрабатываются голосовым синтезатором и передаются через два динамика по обе стороны экрана. Маргарита объяснила отцу, как запустить программу, и ушла.

Полицейский сел перед гудящим компьютером. На экране появился большой глаз.

– Меня зовут Личность, но вы можете называть меня как угодно, – объявил компьютер через маленькие динамики. – Хотите изменить мое имя?

Полицейский, развеселившись, приблизился к встроенному микрофону.

– Я назову тебя на шотландский манер – Макъявелом.

– Теперь я Макъявел, – объявил компьютер. – Что вам от меня нужно?

Циклопический глаз моргнул.

– Научи меня играть в «Эволюцию». Знаешь такую игру?

– Нет, но я могу подключиться к ее инструкции, – ответил одинокий глаз.

Порывшись в разных файлах – верно, для того чтобы ознакомиться с правилами игры, – одноглазый Макъявел преобразился в маленький символ в углу экрана и запустил игру.

– Для начала нужно собрать племя.

Виртуальный Макъявел оказался не просто инструктором по применению игровой программы «Эволюция». Это был настоящий помощник. Он объяснил, где поселить виртуальное племя, – лучше у виртуальной реки, чтобы всегда была под рукой виртуальная пресная вода. Но не слишком близко к берегу – иначе не будет отбоя от пиратов. И не слишком высоко – иначе торговым караванам будет непросто добраться до поселения.

Максимилиан все выслушал – и вскоре на экране возникло перспективно-объемное изображение маленькой деревни с домиками, крытыми соломой и увенчанными трубами, из которых дым валил столбом. Из дверей в двери сновали хорошо прорисованные человечки, занимавшиеся своими повседневными делами. Все выглядело вполне реалистично.

Макъявел показал ему, как приобщить его племя к ремеслам, чтобы оно научилось складывать стены из самана, лепить кирпичи из глины и строгать рогатины с острыми, закаленными на огне наконечниками. Разумеется, это была всего лишь компьютерная модель, но после каждого вмешательства Максимилиана экранная деревня неизменно преображалась: в гумнах накапливались запасы сена, строители закладывали по соседству новые деревни, население росло, что служило знаком благоденствия.

В этой игре при выборе на любом поприще: политическом, военном, земледельческом, промышленном – довольно было нажать на клавишу «пространство», чтобы миновать десятилетний период. Кроме того, Максимилиан заметил, что результаты принятых им краткосрочных и долгосрочных решений можно наблюдать в реальном времени. За своими успехами он следил по сводной таблице в верхнем левом углу экрана, где указывались число жителей, их достаток, запасы пищи, достижения в науке и текущие научные разработки.

Максимилиану удалось создать маленькую культурную цивилизацию наподобие египетской. И даже научить ее строить пирамиды. По ходу игры он, впрочем, и сам с удовольствием учился возводить памятники, которые до сих пор считал напрасной тратой денег и сил. Памятники отражают культурную самобытность народа. К тому же они притягивают культурные элиты соседних народов и способствуют сплочению членов сообщества вокруг памятника как символа.

Но, увы! Максимилиан не изготавливал глиняную утварь и не засыпал зерно в герметические хранилища. Так что народу его ничего не оставалось, как довольствоваться запасами, которые испортили насекомые наподобие долгоносиков. Его изголодавшееся, обессиленное войско уже не могло противостоять нашествию нумидийских захватчиков с юга. Пришлось все начинать сначала.

Игра уже забавляла его. Детей нигде не учили, что изготавливать глиняную утварь жизненно необходимо. Цивилизация могла вымереть, если бы она не позаботилась о том, чтобы хранить зерновые в закупоренных кувшинах, защищавших от долгоносиков и мучных хрущаков.

Все его виртуальное население, числом шестьсот тысяч человек, погибло в игре, но его наставник Макъявел посоветовал перезапустить игру, уже с новым населением. В «Эволюции» разрешалось тренироваться на черновых вариантах цивилизаций.

Перед тем как нажать на клавишу перезапуска, комиссар пригляделся к цветному экранчику, где была изображена широкая равнина с двумя заброшенными пирамидами. У него путались мысли.

Пирамида была не простым сооружением. Она представляла собой могущественный символ.

Что же могла таить в себе та, настоящая пирамида в Фонтенблоском лесу?

43. Коктейль Молотова

Тихое прибежище. Изрядно попетляв по улицам и добравшись наконец до дома, Жюли, полулежа под одеялом в уютной постели и подсвечивая себе карманным фонариком, читала «Энциклопедию Относительного и Абсолютного Знания». Ей хотелось понять, о какой такой революции говорил Эдмонд Уэллс.

Мысль писателя казалась ей туманной. Он имел в виду то «революцию», то «эволюцию», но непременно «без насилия» и «без претензии на эффект». Ему хотелось незаметно, чуть ли не тайком изменить некоторые представления.

Все это выглядело по меньшей мере противоречиво. Революциям было посвящено немало страниц, однако нужно было прочитать еще столько же, чтобы понять, что все они

заканчивались ничем. Казалось, что все революции неизбежно заходили в тупик или же были обречены на провал.

Тем не менее, листая книгу, Жюли в очередной раз наткнулась на любопытные места, где среди прочего описывались способы приготовления коктейля Молотова. И таких смесей существовало множество. Одни поджигались от тряпки-затычки, другие, помощнее, воспламенялись от разрывных пластинок, которые, ломаясь, высвобождали горючие химические вещества.

«А вот и практические советы, как совершить революцию», – подумала она. Эдмонд Уэллс уточнял и дозировки компонентов коктейля. Оставалось только его изготовить.

Жюли почувствовала боль в разбитой коленке. Она сняла повязку и осмотрела ссадину. Она чувствовала каждую свою косточку, мышцу и каждый хрящик. Еще никогда она не обращала столько внимания на свои колени. Она громко проговорила:

– Здравствуй, *коленичка!*

И прибавила:

– ...Старый мир сделал тебе больно. Но я отомщу за тебя.

Жюли пошла в сарай, где хранились всякие продукты и садовый инструмент. И нашла там все ингредиенты, необходимые для изготовления зажигательной бомбы. Она взяла стеклянную бутылку. Плеснула туда хлората натрия, бензина и прочих необходимых химикатов. Побитый молوى материнский шелковый платок в качестве затычки – и коктейль готов.

Жюли крепко сжала свою кустарную бомбочку. Еще поглядим, долго ли простоит лицейская твердыня.

44. Время – песок

Они в полном изнеможении. Разведчики давно не ели и уже страдают от обезвоживания: у них костенеют усики, немеют суставы, глаза затянуты мутной пеленой, и совсем не осталось слюны, чтобы омыться.

Тринадцать муравьев справляются у песчаной ногохвостки, где находится великий дуб. И как только она указывает им направление, они пожирают ее. Иногда выдавить из себя «благодарность» бывает неважоту. Они обсасывают лапки и сочленения жертвы, стараясь извлечь из нее всю влагу до последней частицы.

Если пустыня простирается слишком далеко, им грозит гибель. 103-й уже с трудом передвигает лапки.

Они готовы отдать все что угодно хотя бы за полкапельки росы! Но за несколько лет температура на планете резко взлетела вверх. Весной погода стоит жаркая, летом – чересчур знойная, осенью – теплая, и только зимы бывают промозглыми.

По счастью, они умеют передвигаться, оберегая кончики лапок. Так перемещаются муравьи из города Йеди-бей-накана. Сначала на четырех из шести лапок, потом на четырех других лапках. Таким образом, то одна пара лапок, то другая у них попеременно отдыхает, потому как не соприкасается с раскаленной землей.

103-й, у которого чужеродные виды всегда вызывают любопытство, с интересом разглядывает клещей – «насекомых из насекомых», преспокойно поживающих в здешней пустыне вдали от хищников. В жару они зарываются под землю, а когда становится прохладно, выбирают наружу. Муравьи решают последовать их примеру.

«Для нас они, конечно, такие же крохотульки, как мы для Пальцев, и тем не менее сейчас, когда мы попали в беду, они дают нам урок выживания».

103-й лишний раз убеждается, что не стоит недооценивать ни великанов, ни карликов.

«Мы промежуточное звено между клещами и Пальцами».

Свежеет – муравьи выбирают из песчаного убежища.

Мимо них пробегает красный жук. 15-й предлагает на него напасть, но 103-й предупреждает, что ничего не выйдет. Если жук красный, значит, это не случайно. Не худо бы знать, что в природе все, что имеет яркий окрас, ядовитое или опасное.

Насекомые вовсе не безмозглые букашки. Они нипочем не стали бы щеголять ярким окрасом только лишь на радость хищникам. Они это делают исключительно для того, чтобы дать всем знать, что покушаться на них не стоит.

А 14-й уверяет, что иные насекомые краснеют, чтобы все думали, будто они ядовитые, хотя на самом деле они совершенно безобидные.

7-й прибавляет, что видел насекомых, представляющих собой как бы параллельные или дополнительные эволюции. Существует два разных вида бабочек, у которых крылья украшены совершенно одинаковым узором. Однако у одного вида крылья ядовитые, а у другого нет – птицы точно распознают эти узоры и на ядовитых бабочек никогда не нападают.

103-й считает, что, если сомневаешься, лучше не рисковать, чтобы не отравиться.

15-й хоть и огорчается, но отпускает жука восвояси. Но 14-й, самый упорный из всех, нагоняет беглеца и приканчивает. И тут же пробует его на вкус. Остальные думают, что его вот-вот вырвет, – обошлось. Выходит, жук просто притворялся ядовитым.

Муравьиная компания поедает красную букашку.

Муравьи снова трогаются в путь и по дороге спорят, зачем нужна защитная окраска и что она означает. Почему у одних тварей она есть, а у других нет?

В разгар сильнейшей летней жары и засухи подобный мимикрический спор кажется довольно странным. 103-й думает, что это его вина: должно быть, общение с Пальцами пошло ему не на пользу. Однако он признает, что, хотя эта пустая болтовня отнимает у них влагу, она, с другой стороны, помогает забыть про усталость и страдания.

16-й рассказывает, что видел гусеницу, которая могла прикидываться птичьей головой, чтобы отпугивать других птиц. 9-й уверяет, что видел, как муха, превратившись в скорпиона, отпугнула паука.

– *А как она превратилась в него – полностью или нет?* – любопытствовал 14-й.

У насекомых это расхожая тема. Они любят байки про всякие превращения. Насекомые, умеющие превращаться полностью, всегда отличались от тех, которым свойственно неполное превращение. Первые переживают четыре фазы превращения: из яйца в личинку, из личинки в куколку, из куколки во взрослую особь. К их числу относятся бабочки, муравьи, осы, пчелы, а также блохи и божьи коровки. А насекомые, которые превращаются не полностью, проходят через три фазы: яйцо – личинка – взрослая особь. На свет они появляются в виде миниатюрной взрослой особи и потом переживают последовательные фазы превращения. К таким насекомым относятся кузнечики, уховертки, термиты и тараканы.

Зачастую на это не обращают внимания, но «превращенные полностью» испытывают определенную неприязнь к «превращенным не полностью». Всегда бытовало мнение: «минув стадию куколки», они «формируются» лишь частично, то есть не полностью. То есть это младенцы, которые вырастают в престарелых младенцев и никогда не становятся взрослыми.

– *Это была полностью превращенная муха,* – отвечает 9-й так, как будто это нечто само собой разумеющееся.

По пути 103-й смотрит, как уходящее за горизонт солнце отликает желто-оранжевыми бликами. Ему в голову приходят странные мысли – должно быть, сказывается яркий свет. Быть может, солнце такой же зверь, который превращается полностью? А может, и Пальцы такие же звери? Зачем природа свела с этими чудовищами его, а не кого-то другого? Почему на нем одном лежит столь тяжкий груз ответственности?

Он впервые задумывается, зачем ему все это нужно. Желание обрести пол, изменить мир, заключить союз между муравьями и Пальцами – есть ли в этом действительно смысл? И если есть, зачем природа следует столь опасными путями ради достижения своих целей?

45. Энциклопедия

ОСОЗНАНИЕ БУДУЩЕГО. Чем человек отличается от других видов животных? Тем, что у него имеется большой палец, отстоящий от других пальцев руки? Язык? Гипертрофированный мозг? Или, может, он отличается тем, что умеет передвигаться вертикально? Впрочем, возможно, что от животного человек отличается всего-навсего тем, что он способен осознавать будущее. Все животные живут в настоящем и прошлом. Они анализируют происходящее и сравнивают его с пережитым. А стремление заглянуть в будущее, вероятно, возникло у человека в эпоху неолита, когда он стал заниматься земледелием. С тех пор он постепенно отказывался от собирательства и охоты – случайных источников пропитания, все больше уповая на будущие урожаи. Таким образом, вполне логично, что предвидение будущего стало явлением субъективным, то есть каждый человек понимал его по-своему. Соответственно, люди, совершенно естественно, разработали определенный язык, чтобы описывать свое будущее. Так по мере осознания будущего возник и язык, его описывающий.

Древние языки располагали малым набором слов и простейшей грамматикой, позволявшими говорить о будущем, тогда как современные языки постоянно совершенствуют эту грамматику.

Для подтверждения прогнозов на будущее, по логике вещей, следовало придумать и соответствующую технологию. И тут начались трудности.

Бог – имя, которое люди присвоили тому, что лежало за пределами их способности предвидеть будущее. Но технологии позволяли им все лучше и лучше управлять этим будущим, и Бог постепенно отошел на задний план, уступив место метеорологам, футурологам и всем прочим, кто думал, что благодаря машинам знает, каким будет завтрашний день и почему завтра все будет именно так и никак иначе.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

46. Острый глаз

Максимилиан Линар долго и молча осматривал пирамиду. Он еще раз зарисовал ее у себя в записной книжке, чтобы лучше представить себе ее форму и понять, зачем ее построили посреди леса. Затем он внимательно рассмотрел свой рисунок, дабы удостовериться, что он в полной мере соответствует тому, что у него перед глазами. В полицейской школе комиссар Линар не раз убеждался, что, если долго смотреть на кого-нибудь или на что-нибудь, ты в конце концов улавливаешь множество ценных деталей. И зачастую этого вполне хватало, чтобы разгадать целиком всю загадку.

Подобное явление он называл «Иерихонским синдромом», однако вместо того чтобы ходить кругами вокруг объекта, трубя в трубы и ожидая, что он сам откроет свои тайны, полицейский предпочитал зарисовать его и потом разглядывать под всеми углами.

Такую же технику он использовал и тогда, когда ухаживал за своей будущей женой Сцинией. Эта гордая красавица обычно давала от ворот поворот каждому, кто пытался за нею ухлестывать.

Максимилиан заприметил ее во время показа мод на подиуме, где она выглядела самой «воздушной» среди манекенщиц и привлекала к себе внимание всех мужчин. Он не сводил с нее глаз. Поначалу его пристальный, пронзительный взгляд смутил девушку, а потом пробудил в ней любопытство. Только наблюдая за ней, он открыл для себя столько деталей в ее облике,

что в дальнейшем смог легко оказаться с нею на одной волне. На шее у нее висел медальон с астрологическим знаком «Рыбы». Она носила сережки, от которых у нее воспалились мочки ушей. И душилась тяжелыми духами.

Он подсел к ней за столик и завел разговор про астрологию. Он поведал ей о силе символов и объяснил, чем знаки воды отличаются от знаков земли и огня. Сцинтia, относившаяся к нему сперва настороженно, в конце концов невольно заслушалась. Затем они перешли к сережкам. Он упомянул о совершенно новом противоаллергическом средстве, позволявшем носить украшения из самых разных сплавов. Потом разговор переключился на ее духи, макияж, образ жизни, распродажи. «Первым делом собеседника нужно утешить, проникнув на его территорию».

Обсудив знакомые ей темы, он заговорил о том, чего она не знала: о редких фильмах, экзотической гастрономии, книгах с ограниченным тиражом. На втором этапе его стратегия соблазнения была совсем простая – он сыграл на парадоксе, который заметил давно: красивые женщины любят, когда им говорят, что они умницы, а умным женщинам нравится, когда им говорят, что они красавицы.

На третьем этапе он взял ее за руку и стал разглядывать линии у нее на ладони. В хиромантии он ровным счетом ничего не смыслил, зато поведал ей о том, что хочется услышать любому человеку: у нее особая судьба, она познает большую любовь, будет счастлива, и у нее будет двое детей – оба мальчики.

Наконец, чтобы закрепить свой успех, он прикинулся, что его интересует лучшая подруга Сцинтii, что мгновенно вызвало ревность у его собеседницы. А спустя три месяца они поженились.

Максимилиан пригляделся к пирамиде. Завоевать этот треугольник будет труднее. Он подошел к нему. Прикоснулся. Погладил его.

Ему показалось, что внутри конструкции что-то гудит. Засунув записную книжку обратно в карман, он приложился ухом к зеркальной поверхности. И расслышал голоса. Определенно, внутри странного сооружения находятся люди. Он снова прислушался – и вдруг услышал выстрел.

От неожиданности он отпрянул. У полицейского главное чувство – зрение, поэтому Максимилиан не любил делать выводы, полагаясь только на слух. Между тем ошибки быть не могло: выстрел прогремел внутри пирамиды. Он снова приложился ухом к ее поверхности и на сей раз расслышал крики, а следом за тем скрип колес – должно быть, какой-то повозки. Шум-гам. Звуки классической музыки. Аплодисменты. Лошадиное ржание. Треск пулемета.

47. Красотка – последняя надежда

Муравьи в полном изнеможении. Они не позволяют себе вымолвить ни одной лишней феромональной фразы. Чтобы общаться, приходится экономить каждую частицу влаги, содержащейся в их испарениях.

Вдруг 103-й замечает, что в одноцветном небе что-то промелькнуло. Красотка. Для муравьев эти крупные стрекозы, живущие на земле с незапамятных времен, все равно что чайки для сбившегося с курса моряка: они подсказывают, что пояс растительности не за горами. Солдаты приободряются. И протирают глаза, чтобы лучше видеть вдаль и следить за кружением красотки.

Стрекоза кружит все ниже, едва ли не касаясь их четырьмя своими крылышками в прожилках. Муравьи замирают, вожделенно поглядывая на величественное насекомое. В каждой стрекозьей прожилке бьется кровь. Стрекоза – настоящая королева поднебесья. Она способна не только зависать в полете, но и летать задом наперед с помощью четырех своих независимых крылышек, что не под силу ни одному другому насекомому.

Огромная тень становится все ближе, висит в воздухе, снова срывается в полет и кружит над муравьями. Она как будто хочет указать им путь к спасению. Глядя на ее спокойный полет, можно заключить, что тело ее совсем не страдает от нехватки влаги.

Муравьи следуют за ней. Наконец они чувствуют, что воздух мало-помалу свежеет. На вершине лысого холма возникает что-то темное, ворсистое. Трава. Трава! Где трава, там и растительный сок, а где сок, там прохлада и влага. Спасены!

Тринадцать муравьев спешат к пристанищу. Они жадно набрасываются на ростки и на каких-то плюгавых букашек, не способных в борьбе отстаивать свое право на жизнь. А поверх травы их усики улавливают запахи самых разных цветов: лимонной мяты, нарциссов, первоцветов, гиацинтов, цикламенов. Тут же рядом с кустов свисает черника, а еще бузина, самшит, шиповник, орехи, боярышник, кизил. Сущий рай!

Такой цветущей земли они еще никогда не видели. Всюду плоды, цветы, травы, пронираливая мелкая дичь, впрочем, не такая расторопная, чтобы увернуться от муравьиной кислотной струи. Чудный воздух насыщен пылью, а почва богата зародышами семян. Все дышит изобилием.

Муравьи угощаются на славу и набивают доверху оба своих желудка – переваривающий и общественный. Настоящее лакомство! Изголодавшимся, измученным жаждой муравьям все кажется необычайно вкусным. Даже крохотное семечко одуванчика полнится множеством вкусов – от сладкого до соленого, включая горький. Не говоря уже о росе – они слизывают ее с пестиков цветов, – насыщенной целым сонмом вкусовых оттенков, которым муравьи раньше не придавали никакого значения.

5-й, 6-й и 7-й снова и снова передают друг другу тычинки из единственного желания полизать их или пожевать как жвачку. Простой вершок кажется им изысканным кушаньем. Они купаются в пыльце маргариток, упиваясь желтыми шариками и бросаясь ими, точно снежками.

Они источают наполненные радостью феромоны и, улавливая их, ощущают приятное покалывание.

Они едят, пьют, омываются и снова едят, и снова пьют, и снова омываются. Пресытившись наконец, они трутся друг о дружку в траве и, наслаждаясь покоем, радуются, что живы.

Тринадцать воинов перебрались через великую белую северную пустыню и остались невредимы. Насытившись и умиротворившись, они сходятся в круг и начинают спорить.

Когда все наконец успокаиваются, 10-й просит 103-го рассказать еще что-нибудь о Пальцах. Возможно, он боится, как бы старый разведчик не умер, так и не раскрыв им все свои тайны.

103-й вспоминает про одно чудное изобретение Пальцев – трехцветные огни. Это сигналы, которые они устанавливают на своих тропах, чтобы избегать заторов. Когда горит зеленый сигнал, Пальцы, все как один, движутся вперед по дороге. А когда загорается красный, они, опять же все как один, замирают на месте, словно окаменев.

5-й предполагает, что таким способом, наверное, можно остановить нашествие Пальцев. Довольно расставить везде и всюду красные сигналы. Но 103-й возражает, говоря, что Пальцы не больно-то уважают сигналы. И перемещаются, как им заблагорассудится. Придется искать другой способ.

– А что такое юмор? – любопытствует 10-й.

103-й соглашается рассказать одну пальчичью байку, хотя признается, что в пальчичьих шутках ничего не понял, а стало быть, и мало что запомнил. Он смутно припоминает историю про какого-то эскимоса на льдине, но узнать, кто такой эскимос и что такое льдина, ему так и не удалось.

Ну да ладно. Одну такую историю он все же может рассказать. Это байка про муравья и стрекозу.

– *Стрекоза поет все лето напролет, а после просит у муравья чего-нибудь поесть. А тот говорит – нет, мол, не получишь ты от меня ничего.*

Дослушав до этого места, двенадцать его младших товарищей не могут взять в толк, отчего же муравей все еще не сожрал стрекозу. А 103-й объясняет, что в том-то вся соль шуток. Ничего не понятно, но Пальцев так и колотит в судорогах. 10-й желает знать, чем же закончилась эта странная история.

– *Стрекоза улетает восвояси и умирает с голоду.*

Двенадцати слушателям история нравится, хотя заканчивается она, по их разумению, печально. Они задают вопросы, силясь уловить ее суть. Почему стрекоза пропела все лето напролет, хотя всем известно, что стрекозы поют только для того, чтобы привлечь партнера по спариванию, а потом, после спаривания, они смолкают? И почему муравей не отыскал труп умершей от голода стрекозы и не разорвал ее на кусочки, чтобы заготовить себе лакомство впрок?

Но тут их спор внезапно прерывается. Разведчики почувствовали, как затрепетала трава, как съежились лепестки цветов и как вдруг перестала благоухать малина. Вся живность вокруг притихла. В воздухе повеяло опасностью. Что такое? Неужели тринадцать рыжих лесных муравьев нагнали такого страха на всю округу?

Нет. От смутной угрозы колышутся ветви. В воздухе витает запах страха. Небо темнеет. Еще только полдень, жарко, а солнце, словно оробев при виде более грозного противника, метнув последние лучи-стрелы, исчезает.

Тринадцать муравьев вскидывают усики. В поднебесной выси появляется мрачная туча – она надвигается все ближе. Сперва им кажется, что она несет грозу. Ан нет. Она не предвещает ни дождя, ни ветра. 103-й думает – возможно, это крылатые Пальцы пролетают мимо, но не тут-то было.

Хотя зрение у муравьев слабовато и не позволяет им видеть слишком далеко, они малопомалу смекают, что означает это длинное темное облако в вышине. Слышится жужжание. Хлопьевидное облако в небе – это же...

– Саранча!

Целая туча перелетной саранчи!

Обычно для Европы это явление исключительное. Известно лишь несколько нашествий саранчи на Испанию и Францию, на Лазурный Берег, но с тех пор как средняя температура на Земле повысилась, живность с Юга перебралась через Луару. И поедая всевозможные монокультуры, стала прибавлять в росте, сбиваясь в грозные тучи.

Перелетная саранча! Если сталкиваешься с отдельными особями саранчи – кобылками, они кажутся премилыми насекомыми, довольно грациозными, гладенькими и просто восхитительными на вкус, но скопом они превращаются в худшую из напастей.

Одинокая кобылка, обычно серого цвета, ведет себя довольно скромно. Но, сплываясь с другими кобылками, она меняет свой окрас: сперва краснеет, потом розовеет и, наконец, желтеет. Желтый цвет указывает, что она достигла высшей степени полового возбуждения. В таком состоянии самец становится необычайно прожорливым и совокупляется со всеми самками, оказавшимися поблизости. Сексуальное буйство самца саранчи под стать его неистовому обжорству. И ради удовлетворения своих неумемных appetitов он готов все сокрушить на своем пути.

Поодиночке саранча ведет ночной образ жизни и передвигается прыжками. А в стае она активна днем и перемещается по воздуху. Одинокая саранча обретается в пустынях, благо она неплохо переносит засуху. А в стае она прекрасно приспосабливается к сырости и без всякой боязни захватывает сельскохозяйственные угодья, кустарниковые заросли и лесные чащи.

Может, в этом и проявляется то, что Пальцы в своих телевизорах называют «властью толпы»? Численность подавляет нерешительность, уничтожает условности и внушает неуважение к чужой жизни.

5-й командует поворачивать назад, но всем ясно, что отступить уже поздно.

103-й глядит на смертоносную тучу, которая все приближается.

Их там, в воздухе, не один миллиард, и через несколько мгновений они обрушатся на землю. Тринадцать белоканцев с любопытством и опаской вскидывают усики.

Мрачная туча кружит в небе, словно пытаясь напугать до смерти все, что трепещет под нею. Воздушные потоки разрывают эту массу в спиралевидные клочья, похожие на ленты Мебиуса. Кое-кому из разведчиков очень хочется, хотя им верится в это с трудом, чтобы они обманулись и что в небе кружит туча пыли, густой-прегустой пыли.

Между тем мрачная туча растягивается, и образуются какие-то таинственные знаки, предвещающие гибель.

Внизу никто даже не шелохнется. Все ждут. Ждут главным образом, что 103-й, которому не занимать опыта, придумает что-нибудь эдакое.

Но 103-му ничего не придумывается. Он проверяет, довольно ли у него кислоты в брюшке, и просчитывает, сколько саранчи сможет уложить с таким запасом.

Туча опускается, медленно кружа. Все отчетливее слышится хруст бесчисленных алчных саранчовых челюстей. Травинки скрючиваются: уж они-то знают наверняка – саранча несет им погибель.

103-й замечает, что небо становится все мрачнее. Тринадцать муравьев-воинов занимают круговую оборону и выпячивают брюшки, готовые отстреливаться.

Ну вот и все: точно парашютисты-разведчики, посланные вперед несметного полчища, первые кобылки приземляются, неловко валясь назад. Но они мигом вскакивают на лапы и начинают пожирать все вокруг.

Они жрут все подряд и совокупаются.

Едва самка приземляется, как ее тут же берет самец. Едва закончив совокупляться, самки начинают откладывать яйца прямо на земле, притом в ошеломляюще-ужасающем количестве. Главное оружие саранчи – расторопность и размах, с какими она выкладывает яйца.

Страшнее муравьиной кислотной струи, страшнее розового пениса Пальцев может быть только саранчовый половой орган!

48. Энциклопедия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Можно ли считать человеком шестимесячный эмбрион, даже если у него хорошо развиты все члены? И если да, можно ли называть человеком трехмесячный эмбрион? Считается ли человеком только-только оплодотворенная яйцеклетка? Стоит ли все еще называть человеком больного в коме, полгода не приходящего в сознание, хотя у него бьется сердце и дышат легкие?

А человеческий мозг, живой, но помещенный в питательную жидкость, – человек ли это?

А компьютер, способный воспроизводить все мыслительные процессы человеческого мозга, – достоин ли он называться человеком?

А робот, внешне похожий на человека и снабженный мозгом, как у человека, – являет ли он собой человеческое существо?

А человеческий клон, выращенный путем генетических манипуляций ради накопления запасов органов на замену дефективных, которые вдруг могут обнаружиться у его брата-близнеца, – человеческое ли это существо?

Все не так просто. В античные времена и в Средние века считалось, что женщины, чужеземцы и рабы – не люди. Обычно только законник мог установить, кто есть человек, а кто нет. Сюда же можно было бы отнести биологов, философов, программистов, генетиков, церковников, поэтов и физиков. Поскольку, честно говоря, определить, кто такой «человек», с каждым разом становится все труднее.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

49. В стиле рок

У большой и крепкой дубовой двери на заднем входе в лицей Жюли сняла рюкзак. И достала коктейль Молотова, который изготовила собственноручно. Чиркнув колесиком зажигалки, она лишь выбила искры, но пламя не вспыхнуло: кремьень стерся. Порывшись в рюкзаке, она наконец нашла спичечный коробок. Теперь ничто не могло помешать ей швырнуть бутылку с горючей смесью в дверь. Она зажгла спичку и воззрилась на маленький оранжевый огонек, который постепенно разрастался.

– А, это ты, Жюли?

Инстинктивно она спрятала зажигательную бомбу в рюкзак. Кто же в этот раз помешал ей спокойно устроить пожар? Она обернулась. Опять Давид.

– Ну что, решила все-таки заглянуть и послушать нашу группу? – загадочно спросил он.

К ним с подозрительным видом шел сторож.

– Точно, – ответила она, пряча поглубже бутылку.

– Тогда пошли.

Давид провел Жюли в каморку под кафетерием, где репетировали Семь Гномов. Некоторые из них уже настраивали инструменты.

– Глядите-ка, у нас гости... – заметила Франсина.

Комнатенка оказалась совсем крохотная. Там было место только для сцены, заставленной музыкальными инструментами. Стены были увешаны фотографиями группы, играющей не то на днях рождения, не то на танцевальных вечеринках.

Цзи-вонг закрыл дверь, чтобы их никто не побеспокоил.

– А мы боялись, что ты не придешь, – с усмешкой проговорил Нарцисс, обращаясь к Жюли.

– Мне хотелось только поглядеть, как вы играете, вот и все.

– Тебе нечего здесь делать. Не надо нам никаких зрителей! – воскликнула Зое. – Мы рок-группа, а значит, ты либо играешь с нами, либо до свидания.

При одной лишь мысли, что ей дадут от ворот поворот, девушке захотелось остаться, и это желание мелькнуло в ее светло-серых глазах.

– Вам повезло заполучить собственный уголок в лицее, – вздохнула она.

– Он нужен нам как воздух, чтобы репетировать, – объяснил Давид. – И тут директор действительно пошел нам навстречу.

– Ему уж очень хотелось всем показать, что у него в лицее процветает культура, – добавил Поль.

– А в классе думают, что вы просто держитесь особняком, – сказала Жюли.

– Известное дело, – бросила Франсина. – Только нам наплевать. Чтобы жить счастливо, надо жить скрытно.

Зое вскинула голову.

– Ты что, не поняла? – настойчиво спросила она. – У нас репетиция, это наше личное дело. А тебе здесь делать нечего.

Жюли даже не шелохнулась, и тогда в спор спокойно вступил Цзи-вонг.

– Ты на чем-нибудь играешь? – спросил он.

– Нет. Зато я училась петь.

– И что же ты поешь?

– У меня сопрано. А пою я в основном арии Пурселя, Равеля, Шуберта, Форе, Сати...

А вы какую музыку играете?

– Рок.

– Просто рок ни о чем не говорит. Какой рок?

Слово взял Поль:

– Наши кумиры – ранние «Genesis», в том числе их альбомы начиная с «Nurse Cryme», «Foxtrot», «The Lamb Lies Down On Broadway» и заканчивая «A Trick of Tail»... все «Yes», включая главным образом альбомы «Close to the Edge», «Tormato»... ну и весь «Pink Floyd» с самыми нашими любимыми альбомами – «Animals», «Wish You Were Here» и «The Wall».

Жюли кивнула со знанием дела.

– Ну да, старый, замшелый прогрессивный рок семидесятых!

Гномам ее замечание пришлось явно не по душе. Очевидно, это была их любимая музыка. Давид пришел ей на выручку:

– Значит, говоришь, ты училась петь. Так почему бы тебе не попробовать спеть с нами?

Жюли встряхнула копной каштановых волос.

– Нет уж, спасибо. У меня не все в порядке с голосом. Мне удалили узелки на связках, и врач посоветовал их больше не напрягать.

Она поочередно обвела их взглядом. Сказать по правде, ей очень хотелось петь с ними, и они все это чувствовали, но она уже так привыкла говорить «нет», что сейчас отвергла их предложение чисто инстинктивно.

– Не хочешь петь, тогда тебя никто не держит, – повторила Зое.

Давид не дал разговору обостриться.

– Можно попробовать какой-нибудь старенький блюз. Блюзы – это нечто среднее между классической музыкой и прогрессивным роком. А ты импровизируй со словами как угодно. И напрягать связки тебе не придется. Пой вполголоса.

Кроме Зое, настроенной скептически, все остальные согласились.

Цзи-вонг кивнул на микрофон, стоявший посреди комнатенки.

– Не волнуйся, – сказала Франсина. – У нас у всех тоже классическое образование. Я пять лет училась играть на фортепиано, но мой педагог был традиционалист до мозга костей, и мне быстро захотелось переключиться на джаз, а потом на рок, лишь бы ему насолить.

Все распределились по своим местам. Поль подошел к микшерному пульта и отрегулировал потенциометры.

Цзи-вонг стал отбивать тактовый размер в две четверти. Зое монотонно и нетерпеливо нажимала на басовые струны. Нарцисс взял привычные блюзовые аккорды: ми-8, ля-4, снова ми-4, си-2, ля-2, ми-2. Давид подхватил их арпеджио на электроарфе, а Франсина на синтезаторе. Мелодичный рисунок обозначился довольно четко. Недоставало только голоса.

Жюли неспешно завладела микрофоном. На мгновение ей показалось, будто время остановилось, потом губы ее разжались, челюсти разомкнулись, рот открылся – и она с головой бросилась в блюзовый омут.

Подхватив ритм блюза, она стала напевать слова, которые первыми приходили ей в голову:

– *Зеленая мышка бежала по травке...*

Сначала ее собственный голос показался ей как будто блеклым; на втором куплете связки, разогревшись, дали больше мощи. Жюли перепела по очереди все музыкальные инструменты, так что Поль даже не прикоснулся ни к одному бегунку на микшерном пульте.

Уже не было слышно ни гитары, ни арфы, ни синтезатора – в камерке звучал только голос Жюли под фоновый аккомпанемент ударных Цзи-вонга.

– *Ни дать ни взять улитка вышла из нее-йо-о-о-о-о.*

Она закрыла глаза и еще раз выдала чистейшую длинную ноту:

– Йо-о-о-о-о.

Поль пытался убрать усилитель, потому как усиливать звук больше не было никакой надобности. Голос рвался из поля допуска микрофона.

Жюли остановилась.

– Зал здесь слишком маленький. И микрофон мне не нужен.

Она взяла ноту, и стены действительно задрожали. Цзи-вонг с Давидом были потрясены, Франсина сфальшивила, Поль, как зачарованный, воззрился на зашкалившие стрелки пульта. Голос Жюли заполнил все пространство и, разлившись по зальчику, проник в уши присутствующих, подобно ручейкам свежей воды.

Наступила долгая тишина. Франсина наконец оторвалась от клавиш и первая захлопала в ладоши – ее примеру тут же последовали и все остальные из семерки Гномов.

– Конечно, это не похоже на то, что мы обычно играем, но любопытно, – впервые с серьезным видом заметил Нарцисс.

– Ты отлично выдержала вступительный экзамен, – объявил Давид. – Если хочешь, оставайся, можешь присоединиться к группе.

До сих пор Жюли преуспевала только на занятиях с педагогом. И ей очень захотелось попробовать себя в группе.

Они снова приступили к репетиции и все вместе исполнили целиком всю композицию «The Great Gig In The Sky» группы «Pink Floyd». Голос Жюли взмывал до самых верхних пределов и опускался до самых нижних, выписывая восхитительные вокальные узоры.

«Здравствуйте, *голосовые связочки!*» – приветствовала их она про себя.

Семеро Гномов спросили, как она научилась так мастерски владеть голосом.

– Дело техники. Нужно много упражняться. У меня был замечательный педагог по вокалу. Он-то и научил меня управлять громкостью звучания. Он закрывал меня в темной комнате, и я должна была определить размеры помещения, а потом и полный его объем, извлекая звуки в полной темноте и стараясь приглушить звук до того, как он достигнет стены и та начнет дрожать. А еще он учил меня петь с опущенной головой и под водой.

Жюли рассказала, как Янкелевич, ее учитель, иногда заставлял учеников петь хором, стараясь слиться в «эгрегор», то есть таким образом, чтобы все в конце концов вышли точно на одну ноту, как если бы пел один человек.

Жюли предложила Семерым Гномам попробовать сделать нечто подобное. Она взяла определенную ноту – остальные худо-бедно попытались последовать ее примеру. Вышло не очень убедительно.

– Во всяком случае, добро пожаловать в нашу компанию, так мы решили, – повторил Цзи-вонг. – Если согласна, давай петь вместе, хотя бы время от времени.

– Дело в том, что...

– Хватит ломаться, – шепнула ей на ухо Зое. – В конце концов, это уже не смешно.

– Ну что ж... я согласна.

– Молодчина! – воскликнул Давид.

Все кинулись ее поздравлять, и каждый член группы представился ей по отдельности.

– Чернявый здоровяк с раскосыми глазами за ударными – это Цзи-вонг. На жаргоне Семи Гномов это Профи. Он у нас Учитель. И держит удар даже в самых трудных ситуациях. В случае чего обращай к нему за советом.

– А ты, стало быть, главный?

– Здесь нет главных! – воскликнул Давид. – У нас демократическое самоуправление.

– А что такое «демократическое самоуправление»?

– Это значит, что каждый делает то, что ему нравится, если это не мешает остальным.

Жюли отошла от микрофона и села на маленький табурет.

– И как, получается?

– Нас объединяет музыка. Когда мы играем все вместе, приходится настраиваться на одну волну. По-моему, секрет нашей дружбы в том, что мы настоящая рок-группа.

– К тому же нас не так много. Всемером жить по законам демократического самоуправления не так уж трудно, – заметила Зое.

– А это Зое, она играет на басу и ворчит себе потихоньку. Так что она у нас Ворчунья...

Заслышав свою кличку, пухленькая коротковолосая девица состроила рожицу.

– Зое сперва поворчит, а после говорит, – пояснил Цзи-вонг.

Давид продолжал:

– За микшерным пультом сидит Поль, он же Простак. И при этом толстяк. Боится дать маху – и дает. Все, что с виду кажется съедобным и оказывается у него под рукой, он тянет в рот, потому как ему непременно надо все попробовать на вкус. Он считает, что окружающий мир лучше познается через язык.

Вышеупомянутый Поль насупился.

– Леопольд, флейтист, – наш Скромняга. По слухам, он доводится внуком вождю индейцев навахо, хотя, судя по его светлым волосам и голубым глазам, это весьма сомнительно.

Лео старался сохранять бесстрастную мину, свойственную его пращурам.

– Больше всего на свете его интересуют дома. Как только у него выпадает свободная минута, он рисует свое идеальное жилище.

Знакомство продолжалось.

– Франсина, орган, наша Соня. Она только и знает, что клевать носом. А еще она любит играть в компьютерные игры, и оттого что все время пялится в экран, у нее всегда красные глаза.

Юная, не очень коротко стриженная блондинка закурила самокрутку с марихуаной и выпустила длинную спираль синеватого дыма.

– На электрогитаре играет Нарцисс, наш Весельчак. С виду большая умница, но скоро ты поймешь: у него всегда найдется словечко, чтобы рассмешить или остудить любую компанию. Он зубоскалит по всякому поводу. Как видишь, он весь из себя приличный и всегда одет с иголочки. Сказать по правде, он сам себя обшивает.

Женоподобный паренек подмигнул Жюли и добавил:

– Ну и, наконец, на электроарфе у нас Давид. Он всегда как на иголках – может, потому что у него болят кости. Его постоянно что-то беспокоит, он превратился чуть ли не в параноика, впрочем, вполне сносного.

– Теперь понятно, почему вас так прозвали – Семь Гномов, – бросила Жюли.

– «Гном» происходит от греческого *gnômtê*, что значит «знание», – подхватил Давид. – Каждый из нас занимается своим делом, и вместе мы прекрасно дополняем друг друга. А ты кто у нас такая?

Жюли замялась:

– Я... а я Белоснежка, само собой.

– Для Белоснежки ты слишком темненькая, – заметил Нарцисс, показывая на черное облачение девушки.

– У меня траур, – объяснила Жюли. – У меня недавно умер отец – несчастный случай. Он был начальником юридической службы лесного ведомства.

– А вообще?

– Вообще... я люблю черный цвет, – честно призналась она.

– Может, ты, как та Белоснежка из сказки, ждешь, когда явится волшебный принц и, поцеловав, разбудит тебя? – спросил Поль.

– Ты путаешь меня со Спящей красавицей, – возразила Жюли.

– Опять ты дал маху, Поль, – заметил Нарцисс.

– Ничего подобного. Во всех сказках есть спящая девица, которая только и ждет, чтоб ее разбудил возлюбленный...

– Может, еще споем? – предложила Жюли, мало-помалу входя во вкус.

Они выбирали все более сложные композиции. «And You and I» группы «Yes». «The Wall» тех же «Pink Floyd» и, наконец, «Supper's Ready» группы «Genesis». Последняя растянулась на двадцать минут, позволив каждому из них проявить себя в сольной партии.

Жюли теперь так мастерски владела голосом, что выдавала виртуозные пассажи в каждой из трех частей композиции, хотя они и различались по стилю.

Наконец, они решили расходиться по домам.

– Я поссорилась с матерью, и сегодня вечером мне не очень хочется возвращаться домой. Может, кто из вас приютит меня на ночь? – спросила Жюли.

– Давид, Зое, Леопольд и Цзи-вонг живут на полном пансионе и спят в лицейской общаге. А мы, Франсина, Нарцисс и я, живем дома. И каждый из нас, в случае чего, может приютить тебя по очереди. Если хочешь, пойдем сегодня вечером ко мне, – предложил Поль, – комната для друзей у меня всегда найдется.

Такая мысль, похоже, не очень обрадовала Жюли. Франсина, смекнув, что она совсем не горит желанием идти домой к парню, предложила ей переночевать у нее дома. На сей раз Жюли согласилась.

50. Энциклопедия

ЖИВЫЕ ГЛАСНЫЕ. В некоторых древних языках — египетском, еврейском, финикийском — нет гласных, только согласные. Гласные воспроизводят голос. А произнося вслух графически воспроизведенное слово, мы наделяем его великой силой и, стало быть, жизнью.

Пословица гласит: «Если ты сумел правильно написать слово «шкаф», он непременно упадет тебе на голову».

Такое же воззрение было и у китайцев. Во втором веке от Р.Х. китайский император призвал к себе величайшего художника своего времени У Даоцзы и повелел ему нарисовать правильного дракона. И художник нарисовал такого дракона, только без глаз. «А где же у него глаза?» – спросил император. «Нарисуй я ему глаза, он бы улетел», – отвечал У Даоцзы. Но император стоял на своем, и после того как художник пририсовал дракону глаза, тот, как утверждает легенда, улетел.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

51. Посланцы облаков

103-й и его спутники уже несколько минут из последних сил отбиваются от саранчи. Кислотный брюшной мешок у 103-го почти пуст. У старого муравья только один выход – пустить в ход челюсти, но это еще более утомительно.

Саранча не оказывает достойного сопротивления. Она даже не бьется. Угроза заключается в ее количестве, поскольку она низвергается с небес гибельным градом, щелкая алчущими лапами и челюстями.

Сплошному саранчовому дождю нет передыху.

Перелетная саранча покрывает землю уже в несколько слоев – может, в шесть или семь, – кругом, куда ни глянь, копошатся насекомые. 103-й вгрызается челюстями в эту шевелящуюся массу и косит саранчу, точно косилка. Не для того он благополучно одолел столько препятствий, чтобы спасовать перед тварями, у которых ума хватает только на то, чтобы производить потомство в бессчетном количестве.

Когда у Пальцев, вспоминает он, случается перенаселение, их самки глотают гормоны – пилюли, которые делают их не такими плодовитыми. Надо бы напичкать такими же пилюлями и эту саранчу, от которой нет никакого спасения. К чему заводить два десятка отпрысков, если тебе нужен только один или два? В чем же интерес – зачем плодить несметное потомство, если прекрасно знаешь, что не сможешь ни обиходить его, ни обучить и что выживет оно, только паразитируя на других существах?

103-й нипочем не покорится власти этих плодовитых тварей. Вокруг него летают ошметки саранчи. Его смертоносные челюсти сводит судорогой.

И тут вдруг солнечный луч, пронзив мрачную тучу, освещает черничный куст. Это знак. 103-й с товарищами спешно взбираются на него. Чтобы набраться сил и храбрости, муравьи набрасываются на чернику – и темно-синие ягоды лопаются под натиском их острых, как бритва, челюстей.

В бегстве спасение.

103-й пробует успокоиться. И поднимает усики к небу. Земля внизу сплошь усеяна искромсанными надкрыльями, а сверху, в очистившемся от саранчового дождя небе, снова засверкало солнце. Чтобы как-то себя ободрить, муравей напевает старинную белоканскую песенку:

*Солнце наши полые скелеты прогревает,
Силой натуженные мышцы наполняет
И мысли разбросанные воссоединяет.*

Тринадцать разведчиков повисают на кончиках самых высоких веток черничного куста, но поток саранчи настигает их и там. Кажется, что муравьи держатся за одну-единственную спасительную соломинку посреди моря шевелящихся саранчовых спин.

52. Дома у Франсины

Восьмой этаж. Без лифта утомительно. На лестничной площадке они отдышались. Наконец-то пришли. Здесь, наверху, они чувствовали себя под защитой от ползучих уличных страхов.

Хотя это предпоследний этаж, зловоние от не вывезенных из-за забастовки мусорщиков отходов добралось и сюда. Юная блондинка с не очень короткими волосами в поисках ключей порылась в широченном кармане, служившем ей и сумкой, и, перевернувшись кучу разных безделушек, с торжествующим видом достала большую связку.

Отперев пять замков, она толкнула дверь плечом, потому что «дерево разбухло от сырости и дверь заклинивает».

Дома у Франсины были только компьютеры и пепельницы. Жилище, которое она высокопарно называла «квартирой», на самом деле больше походило на крохотную студию. После потопа у соседей сверху потолок у нее расцвел сочащимися влагой разводами. Таков непреложный закон жизни в многоквартирных домах: соседи сверху, наливая себе ванну, непременно переполняют ее. А соседи снизу имеют обыкновение забивать мусоропровод непомерно большими мешками для мусора.

Обои были светло-коричневые. Франсина, как видно, не утруждала себя уборкой. Пыли кругом было хоть отбавляй. Общая картина произвела на Жюли гнетущее впечатление.

– Будь как дома, располагайся, – сказала ей Франсина.

Жюли села, и Франсина заметила, что у нее гноится коленка.

– Это тебя так Черные крысы отделали?

– Мне не больно, вот только кажется, что я чувствую каждую свою косточку. Ну как тебе объяснить? Такое ощущение, что коленки у меня – живые существа. Я чувствую коленные чашечки, суставы – всю эту сложную систему, которая заставляет пару костей действовать одновременно.

Франсина осмотрела ее ссадину и полюбопытствовала – может, Жюли мазохистка? Она, похоже, любит свою рану как что-то родное, поскольку та напоминает ей, что коленка у нее живая...

– Скажи-ка, а ты, часом, не наркоманка? – спросила Франсина. – Или, может, бредишь? Ладно, сейчас все организуем. У меня тут где-то завалялись вата и антисептик.

Первым делом Франсина распоролла ножницами длинную юбку Жюли, прилипшую к ссадине, и в этот раз юная сероглазка уже добровольно оголила бедра.

– А юбка-то у меня совсем пропала!

– Не беда, – ответила Франсина, обрабатывая ей ссадину. – Эдак все наконец-то увидят твои ножки. К тому же они у тебя ничего. Первое правило женственности: не стесняйся их показывать. А ссадина быстро заживет.

Франсина прикурила сигарету с марихуаной и передала ей:

– Я научу тебя, как спастись от самой себя. Может, у меня пока плохо выходит, зато я научилась жить в нескольких параллельных реальностях, и ты уж поверь, старуха, когда они у тебя есть – это классно. Жизнь отвратная штука, если не умеешь переключаться с одной реальности на другую, потому что только так и можно жить.

Она направилась к компьютерам. И когда включила мониторы, комната разом превратилась в кабину сверхзвукового самолета. Кругом замигали сигнальные лампочки, зашуршали жесткие диски, убогие стены как будто расступились.

– У тебя прекрасная коллекция компьютеров, – восхитилась Жюли.

– Да, я вложила в них все свои силы и сбережения. Компьютерные игры – моя страсть. Я добавляю звуковой фон – что-нибудь старенькое из «Genesis», – раскуриваю косячок и забавы ради конструирую искусственные миры. Сейчас мне больше всего нравится «Эволюция». С этой программой ты можешь воссоздавать цивилизации и посылать их воевать друг с другом. Вместе с тем ты обучаешь их настоящим ремеслам, учишь заниматься земледелием, промышленным производством, торговлей – в общем, всем! Ты развлекаешься и при этом как будто переделываешь историю человечества. Хочешь попробовать?

– Почему бы нет?

Франсина объяснила ей, как внедрять те или иные сельхозкультуры, как управлять технологическим развитием, как вести войны, как строить дороги, как снаряжать морские исследовательские экспедиции, как заключать дипломатические договоры с соседними цивилизациями, как отряжать торговые караваны, как использовать шпионов, как устраивать выборы, как предугадывать разные непредвиденные эффекты и всякие краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия.

– Быть богом целого народа, пусть даже в искусственном мире, еще та работенка, – подчеркнула Франсина. – Когда я погружаюсь в эту игру, мне кажется, что я лучше понимаю нашу прошлую историю и могу предвидеть наше вероятное будущее. Так, например, только за этой игрой я поняла, что в своем развитии народу необходимо пройти фазу деспотизма, и даже если захочешь перескочить через эту фазу сразу в демократическое государство, деспотизм тебе потом все равно аукнется. Это как коробка передач в автомобиле. Надо поочередно включить

сперва первую скорость, потом вторую и третью. А стартанешь сразу с третьей – заглохнешь. Так и я обращаюсь с моими цивилизациями. Долгая фаза деспотизма, за нею следует фаза монархизма, а потом, когда народ наконец становится ответственным, я передаю ему бразды правления, давая возможность вкушать от плодов демократии. И народу это нравится. Правда, демократические государства недолговечны... Будешь играть – сама увидишь.

Живя в искусственных мирах «Эволюции», Франсина, похоже, научилась анализировать и свой собственный мир.

– А тебе не кажется, что и нами манипулирует какой-то игрок-демиург? – спросила Жюли.

Франсина расхохоталась.

– Ты имеешь в виду Бога? Да, может, и так. Наверное. Вся штука в том, что, если даже Бог существует, он дал нам свободу воли. Вместо того чтобы подсказать нам, что хорошо, а что плохо, как я поступаю со своим народом в «Эволюции», он вынуждает нас самих искать ответ. По-моему, это какой-то безответственный бог.

– А может, он это делает нарочно. Вместе со свободой воли он дал нам и высшее право на ошибки. Порой мы совершаем колоссальные ошибки, и он не вмешивается.

Это замечание, похоже, навело Франсину на глубокие размышления.

– Ты права. Возможно, он дал нам свободу воли, чтобы посмотреть, что мы будем делать с этой свободой, – задумчиво ответила она.

– А что, если он дал нам свободу воли не забавы ради и не для того, чтобы любоваться безликой толпой верноподданных, вечно злословящих и раболепствующих? Может, Бог подарил нам безграничную свободу потому, что он нас любит. Полная свобода воли – это и есть величайшее доказательство любви Бога к своему народу.

– В таком случае жаль, что нам недостает любви друг к другу, чтобы разумно пользоваться этой свободой, – заключила Франсина.

Пока что ей нравилось самой указывать своим верноподданным, как себя вести. Пробежав пальцами по клавиатуре компьютера, она повелела своему народу заняться агрономическими исследованиями, чтобы улучшить качество зерновых культур.

– В процессе игры я помогаю им совершать открытия. В конце концов, информационные технологии дают нам право на непомерные и невинные амбиции. Здесь я богиня-наставница.

Они играли целый час, наблюдая за своим виртуальным народом и направляя его. Жюли уже терла глаза. Обычно после каждого подергивания веком на глазу через пять секунд образуется слезная пленка толщиной семь микрон, которая смазывает, промывает и смягчает радужную оболочку. Но от долгого сидения перед монитором в глазах у нее появилась сухость. И ей захотелось отвести взгляд от искусственного мира.

– Как юная богиня, – сказала Жюли, – я требую остановить игру. Присмотр за целым миром чреват тем, что у тебя начинают болеть глаза. Уверена, даже наш Бог не следит за нашей планетой двадцать четыре часа в сутки. Или же у него хорошие очки.

Франсина выключила компьютер и тоже протерла глаза.

– Послушай, Жюли, ты увлекаешься чем-нибудь, кроме пения?

– У меня есть кое-что получше твоих компьютеров. Эта штука умещается в кармане, она в сто раз легче любого монитора, у нее пошире экран и почти неограниченная продолжительность автономной работы, и включается она сразу, как только ее откроешь, к тому же в ней содержится уйма всякой информации и она никогда не ломается.

– Новенький суперкомпьютер? Ты меня заинтриговала, – сказала она, закапывая в глаза какие-то капли.

Жюли улыбнулась.

– Я же говорю – это будет получше твоих компьютеров. Помимо всего прочего, от этой штуки не болят глаза.

И она потрясла толстым томиком «Энциклопедии Относительного и Абсолютного Знания».

– Книга? – удивилась Франсина.

– И непростая. Я нашла ее в подземном туннеле, в лесу. Она называется «Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания», а написал ее один премудрый старец, который наверняка объехал весь свет, потому как ему удалось собрать в ней все современные знания обо всех странах и эпохах, включая все сферы жизни.

– Врешь!

– Ладно. Признаюсь, я ничего не знаю о человеке, написавшем эту книгу, но ты диву даешься, когда ее считаешь.

Она передала ей книгу, и они на пару принялись ее листать.

Франсина наткнулась на отрывок, утверждающий, что информационные технологии – это способ, позволяющий изменить мир, но для этого нужно иметь очень мощный компьютер. Возможности современных компьютеров ограничены, поскольку они работают по принципу иерархической структуры. Как и при монархическом строе, центральный микропроцессор управляет периферийными электронными компонентами. А значит, нужно создать демократию даже на уровне компьютерных чипов.

Вместо громоздкого центрального процессора профессор Эдмонд Уэллс предлагал использовать множество маленьких микропроцессоров, которые, работая синхронно и согласованно, могли бы принимать решения поочередно. Устройство своей мечты он называл «компьютером с демократической архитектурой».

Франсина заинтересовалась. И принялась увлеченно рассматривать схемы.

– Если эта машина будущего оправдает возложенные на нее ожидания, все современные компьютеры придется отправить в музей. А твой профессор – большой оригинал. Он описывает компьютер нового типа, оснащенный не одним мозгом и даже не четырьмя, работающими параллельно, а пятьюстами, действующими одновременно. Представляешь себе мощность такого устройства?

Франсина поняла, что «Энциклопедия» не просто сборник банальностей, а труд, непосредственно связанный с жизнью: он предлагает решения вполне практические и осуществимые.

– До сих пор создавались только компьютеры с параллельной архитектурой. Но у машины с демократической архитектурой, которая описана в твоей энциклопедии, возможности любой программы возрастают раз в пятьсот!

Девушки переглянулись. Их уже связывали крепчайшие узы дружбы. В эту минуту, не обменявшись ни словом, они вдруг обе поняли, что отныне могут всегда положиться друг на друга. Жюли почувствовала, что ей стало уже не так одиноко. И они рассмеялись – безо всякой причины.

53. Энциклопедия

РЕЦЕПТ МАЙОНЕЗА. Смешивать различные вещества – дело не из легких. Тем не менее есть вещество, служащее доказательством того, что в результате соединения двух разных веществ образуется третье, которое их сублимирует: майонез. Как приготовить майонез? Взбейте деревянной ложкой в салатнице один яичный желток с горчицей. Одновременно подливайте растительное масло, только постепенно и в небольших количествах, до тех пор пока не образуется густая смесь. Во взбитый таким образом майонез добавьте соли, перца и 2 миллилитра уксуса. Следите за температурой. Главный секрет майонеза: яйцо с маслом должны быть одной темпера-

туры. В идеале 15 °С. Два этих ингредиента фактически соединяются благодаря крохотным воздушным пузырькам, которые образуются в процессе взбивания. 1 + 1 = 3.

Если майонез не получился, ошибку можно исправить, добавляя в салатницу горчицу и перемешивая ее с еще не смешавшимися маслом и яйцом. Внимание: все это продельвается постепенно.

Кроме продукта питания, техника взбивания майонеза лежит в основе знаменитого секрета изготовления фламандской масляной краски. В XV веке братьям ван Эйкам пришло в голову использовать подобную смесь для получения красок правильной густоты. Впрочем, в живописи используется смесь не из воды, масла и яичного желтка, а из воды, масла и яичного белка.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том III

54. Третье посещение

Отправляясь к пирамиде в третий раз, комиссар Максимилиан Линар прихватил с собой сумку с кое-каким детекторным оборудованием. Добравшись до основания конструкции, он достал из сумки микрофонный усилитель. Приложил его к стенке пирамиды и стал слушать.

Снова пальба, смех, фортепианная сонатина, аплодисменты.

Он прислушался получше. Разговаривали какие-то люди.

– ...как с помощью только шести спичек составить не четыре, не шесть, а восемь одинаковых равносторонних треугольников, не склеивая, не складывая и не ломая спички?

– Вы можете дать мне еще одну фразу-подсказку?

– Разумеется. Вы знакомы с правилами нашей игры. У вас есть право приходить к нам в течение нескольких дней подряд, и каждый раз мы будем давать вам новую подсказку. Сегодня у нас такая фраза: «Чтобы найти... хорошенько подумай».

Максимилиан узнал загадку с шестью спичками, которую предлагалось решить в телепередаче «Головоломка». Все эти звуки могли исходить только из включенного телевизора!

Тот, та или те, кто находился внутри этой пирамиды без окон и дверей, просто-напросто смотрели телевизор. Полицейский строил всевозможные догадки. Самая вероятная: какой-нибудь отшельник заточил себя в пирамиду, решив провести остаток дней перед телевизором, чтобы ему никто не мешал. В таком случае у него должен быть с собой запас еды, а может, он даже лежит там под капельницей перед включенным на полную громкость телевизором.

«В каком безумном мире мы живем!» – подумал комиссар. Конечно, телевизор играет все возрастающую роль в жизни людей: на крышах, куда ни глянь, пышным цветом расцвели антенны, но заточать себя в темницу без окон и дверей ради того, чтобы без помех посмотреть телевизор... Какой же безумец выбрал для себя подобный способ самоубийства?

Максимилиан Линар сложил ладони рупором и припал к стенке пирамиды.

– Кто бы вы ни были, – воззвал он, – у вас нет права там находиться. Пирамида построена в охраняемой зоне, а всякое строительство здесь запрещено.

Звуки тотчас стихли. Шум прекратился. Ни аплодисментов. Ни смеха. Ни пулеметной пальбы. Ни «Головоломок». И ни единого ответа.

Комиссар воззвал еще раз:

– Полиция! Откройте! Это приказ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.